

Л.М. РОТШТЕЙН

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Москва
2009

КАК Я СТАЛА ТУРИСТОМ

В сентябре 1949 года я была направлена Фрунзенским райкомом комсомола старшей пионервожатой в московскую мужскую школу № 36.

Согласиться на это было очень опрометчиво с моей стороны. Мне был 21 год, а старшеклассникам – 16–17 лет. Но об этом я не подумала.

Учителя встретили меня довольно неприветливо и настороженно, в контакт не вступали. «Не приглянулась» я и секретарю школьной партийной организации: «Больно молода для мужской школы, не приживется она здесь. Ещё с парнями начнёт романы крутить».

Вожатая Аня Савушкина, проработавшая в школе 2 года, сестра Героя Советского Союза лётчика Александра Савушкина, бывшего ученика школы, погибшего в небе Ленинграда, тоже настороженно приглядывалась ко мне, хотя в дальнейшем мы очень подружились.

Аня была очень дружна с предыдущей вожатой Лилей (тогда в больших школах полагались две вожатые). Лиля проработала в школе больше года, летом за хорошую работу была направлена во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». А там, отдыхая с ребятами, с горки кидала камешки в море. Попала в голову ребёнку, который находился в нижнем лагере, пробила ему голову. Была снята с работы и в «Артеке», и в школе.

Единственным человеком, сказавшим мне добрые напутственные слова, был директор школы Семён Осипович Горбачевич – замечательный человек, милейший и добрейший, благодарные чувства к которому я пронесла через всю жизнь.

Первые три дня были сущим мучением – казалось, вся школа бегала в пионерскую комнату посмотреть на «новенькую». Меня разглядывали так, будто я была диковинным зверьком в зоопарке. Потом любопытство чуть угасло, но я всё время была под прицелом десятков глаз, следящих за каждым моим движением.

Особенно мучительно было подниматься на четвертый этаж,

где размещались 9 и 10 классы, находилась радиорубка, и куда мне необходимо было заходить каждый день, чтобы дать для ежедневной радиопрограммы нужную информацию: «что, где, когда?», сборы, заседания, совет дружины и т.п.

Особенно меня тиранили два парня – черноглазый Гена, развязный генеральский сынок, который постоянно громко назначал мне свидания и приглашал в кино, и остряк Боря. Стоило мне появиться на четвертом этаже, как словно по команде мне в затылок выстраивалась цепочка примерно из 10 человек во главе с Борей. Они ничего не говорили и только копировали мой шаг и каждое движение, а стоящие вдоль стен парни гоготали.

Пробовала договориться с Володей Штиллерманом, который считался в школе специалистом номер один по радиodelу и безраздельно властвовал в радиорубке, чтобы информацию ему оставлять в дверях во время урока, но он был непреклонен: «Нет, только в руки и на второй перемене».

Так продолжалось несколько месяцев. Потом забава надоела, и интерес ко мне угас.

Школа находилась за стенами старинного Зачатьевского монастыря. В 1935 или 1936 году большевики взорвали монастырь, построив на его месте школу. А в 90-е годы школа была разрушена. Это стоило смертельного инсульта последнему директору школы, заслуженному учителю РСФСР, Гелии Ивановне Дернической, отдавшей школе 20 лет жизни.

Неправду пишут в печати, будто 36-я школа была перенесена из монастыря. Её просто жестоко и безжалостно разрушили, разогнав и детей, и отлично сработавшийся, я бы сказала уникальный, педагогический коллектив. Долго судачили о том, что для школы будет построено новое здание. Но это здание отдали престижной гимназии № 1529.

Школу разрушили, начались археологические раскопки.

В настоящее время уже ведётся строительство собора, первый камень в строительство которого заложил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей в 2005 году. Собор Рождества Христова Пресвятой Богородицы на территории Зачатьевского монастыря планируется закончить в 2010 году.

Историческая справка. Зачатьевский монастырь основан в 1584 году последним представителем царской династии Рюриковичей – сыном Ивана Грозного на месте более древнего Алексеевского, перенесённого в Белый город. Алексеевский, первый монастырь на этом месте, был основан ещё в 1360 году митрополитом Московским Алексием.

Царь Фёдор Иванович закладывал главный храм в надежде на избавление жены Ирины от бесплодия. Поэтому главный храм был освящён в честь праздника Зачатия праведной Анны. Позднее монастырь был перестроен в готическом духе.

Внутренний ансамбль монастыря был разрушен в 1930-е годы, а собор Зачатия Анны был взорван. Хорошо сохранились только надвратная церковь и внешние стены. Надвратный храм монастыря, освященный во имя Нерукотворно Образа Спасителя, теперь представляет собою одну из древнейших построек Остоженки, он был возведён в первые годы правления Петра I, в самом конце XVII в.

Через несколько месяцев Аня Савушкина перешла на другую работу, и я осталась одна. И только через три года ко мне пришла вторая вожатая – Маша Демина.

Следует сказать, что педагогический состав в школе был очень сильный, особенно математики. Преподававший в старших классах завуч Постоялко давал такие знания, что, по утверждению ребят, поступивших в Высшее Техническое училище имени Баумана, до второго курса им делать было нечего. Всё, что проходили в училище, они давно прошли с лихвой.

Были среди учителей и чудные люди, например преподавательница немецкого языка, которую ребята звали «Матка Махно» – возможно, за всегда взлохмаченную причёску. Она могла на перемене подойти к парню:

– Васька, дай закурить.

– Что вы, я не курю.

– Брось трепаться, дай закурить.

Но предмет свой она знала блестяще и ребята, хоть и посмеивались, относились к ней уважительно.

Сам Смён Осипович Горбачевич преподавал русский и литературу. Он был «учитель от бога». Мальчики относились к нему с большой любовью. До Великой Отечественной войны

работал директором школы где-то в Белоруссии. Был исключён из партии: не сдержался – дал в морду ученику, обозвавшему его «жидовской харей». Воевал, был тяжело ранен. Чуть не потерял руку, но врачи спасли. Осталась, правда, рука изувеченная, со скрюченными пальцами. Но даже этой покалеченной рукой он умудрялся писать чётким, красивым, каллиграфическим почерком. Был он, наверное, единственным в Москве беспартийным руководителем. В те годы к руководству допускались только члены партии. Жил он под тяжёлым гнётом партийной организации. На каждом собрании «вскрывали недостатки». Его учили жить и работать, это даже слушать было тяжело. А каково выдержать? А он мужественно принимал «руководящую роль партии». Умер в расцвете сил – не выдержало сердце.

Школа была огромная, учились в две смены, одних пионерских отрядов было 28. Когда я пришла работать, от монастыря осталась надвратная церковь, полуразрушенные монастырские стены и огромное количество различных густо населённых построек, в том числе и перестроенные кельи.

Прошло четыре года, как закончилась Великая Отечественная война. Из госпиталей пришли израненные, покалеченные войной люди. Вспоминаю одного лётчика, прошедшего всю войну. В последние дни битвы за Берлин он был тяжело ранен. Ему ампутировали обе ноги. Передвигался он на деревянной тележке на колесиках, отталкиваясь какими-то деревянными ручками. Бравый, вся грудь в орденах, а с горя запил «по-чёрному». Бывало, вечером после уроков сын разыскивал его где-то возле пивной и со слезами уводил домой.

Потерявшие стержень жизни отцы пили горькую, а матери бились из последних сил, чтобы как-то прокормить семью.

Но вернёмся к монастырским постройкам. Почему-то в них жило большое количество бывших заключённых. По вечерам они собирались группами у своих «келий» и душевно пели блатные песни. Воровская романтика затягивала, к сожалению, их дети, они, как это ни грустно, повторяли «подвиги» своих отцов и старших братьев.

Вспоминаю вроде бы милого малыша – Джона Васюньки-

на. Так как детей без взрослых следователь допрашивать не может, меня нередко отправляли присутствовать на этих допросах. Так вот, Джон Васюнькин ещё с одним парнишкой ночью пробрались в какую-то научную лабораторию и побили там всю аппаратуру на довольно крупную сумму. Зачем? Кто ответит?

День в школе обычно начинался с разбора писем-приводов в милицию. Их минимально было 60 – драки, пьянки, кражи, поножовщина, дерзкое хулиганство. Любимым местом драк была лестница, ведущая со школьного двора вниз в один из Зачатьевских переулков.

В окно своего кабинета Семён Осипович сразу замечал дерущихся и бежал к ним. В азарте драки ребята его не видели. Он быстро «вычислял» зачинщика, брал его за ухо и так вёл в школьную канцелярию, где сажал на огромный чёрный кожаный диван и проводил воспитательную беседу.

Чаще других на этом диване оказывался забияка Сашка, который хорошо пел. «Учиться тебе надо, музыкантом будешь, – твердил ему Семен Осипович, – а ты хулиганишь. Вот выучишься и, представляешь, приходим мы с Милой в Большой театр, а там ты поёшь».

«Ха-гы», – хмыкал в ответ Сашка, а через день всё повторялось сначала.

Самое смешное: прошло много лет, однажды зять Игорь пришёл домой с работы (он тогда работал в симфоническом оркестре под управлением Вероники Дударовой) с товарищем: «Познакомьтесь, это парторг нашего оркестра». Какого же было моё удивление, когда я узнала драчуна Сашку!

Проходило время, и постепенно я становилась «своя». Все эти школьники, забияки и драчуны были, в сущности, хорошие ребята, понимали и очень ценили доброе отношение к себе. Народ это был довольно своеобразный, трудно управляемый. Но те, кого они принимали, попадали под их защиту, хотя тоже очень своеобразную. С ужасом до сих пор вспоминается один случай.

В те годы часто устраивались коллективные выходы в театр. Достать билеты в Большой театр тогда было серьёзной

проблемой. Шёл балет «Лебединое озеро», и я пригласила в театр своего молодого человека, даже не подумав, что привела его на «смотрины».

Антракт. Занавес только опустился. Зрители поднимаются со своих мест. И вдруг 3-й и 4-й ярусы в несколько десятков мощных глоток начинают скандировать: «Мила, он тебе не пара! Он тебе не пара!» Я готова была провалиться на месте.

Но вернёмся к вопросу о том, как я стала туристкой.

Как-то меня пригласил для беседы на чёрный диван Семён Осипович и сказал, что есть группа ребят туристов, фанатов – в хорошем смысле этого слова. Они занимаются в туристских кружках районного дома пионеров.

– Это золотые ребята, я им доверяю, как себе. Но одних их отпустить в поход не имею права. Надо пойти руководителем лыжного трёхдневного похода.

– Ну какой из меня руководитель? Я в походы никогда не ходила, а на лыжах только каталась с маленькой ближней горки.

Но Семён Осипович объяснил, что ребята самостоятельные и руководят сами, что нужно выручать, т.к. больше никому – состав педагогов, увы, немолодой. И я сдалась.

В те годы Фрунзенский район Москвы шефствовал над Истринским районом области, сильно пострадавшим в годы Великой Отечественной Войны. Был брошен клич: «Поможем нашим школам!». Собирали книги, тетради, учебники, канцтовары. В зимние каникулы намечалось провести поход в отдалённые деревни, чтобы вручить подарки и дать концерт самодеятельности.

Что касается ребят, все они занимались в туристских кружках районного Дома пионеров. Тогда в туристском кабинете работала Наталья Денисовна Смирнова – великолепный организатор. Она обладала удивительной способностью «зажигать» людей. К работе кружков умело привлекала учёных – биологов, геологов, историков, а также практиков – студентов-геологов, одержимых своей будущей профессией.

Я с ужасом выслушала рассказ командира группы Игоря о предстоящем походе – как надо одеться, что взять с собой и

маршрут похода: «От станции такой-то идём 30 километров до деревни такой-то». Что значит 30 километров для человека, никогда не стоявшего на лыжах? Это я поняла потом. «Там у нас тёплый ночлег в местной школе – мы уже договорились. На второй день 25 километров до такой-то деревни. Ночлег в школе, встреча с местными школьниками, вручение подарков. И в последний день 30 километров до станции».

Поход был настоящей мукой.

Ребята несли тяжелейшие рюкзаки с подарками, тропили лыжню по целине. А я шла налегке, тайком смахивала слёзы и буквально ползла километр за километром. Сказать «я больше не могу» – не позволяла гордость. Я шла из последних сил на одном упорстве.

Мне было ужасно стыдно. Но ребята тактично не замечали моих слёз, опекали меня, на привалах поили горячим кофе. И я снова ползла и ползла вперёд.

Нас везде встречали очень тепло и радушно. С ужасом смотрели мы на остовы домов в сожжённых фашистами деревнях.

Когда возвращались, я мысленно всю дорогу кляла себя за глупость и уступчивость и зареклась, что никогда в жизни больше не пойду в поход.

Но после отдыха пришла злость: «Неужели я и правда слабее этих мальчишек, которые и моложе-то меня на чуть-чуть?»

И когда ко мне подошёл Игорь и сказал: «Идём в Саяновские пещеры. Нужен руководитель. Пойдёшь?» – я согласно кивнула.

Так от похода к походу я всё больше увлеклась туризмом. Моими первыми учителями были эти замечательные ребята. Многие из них стали геологами.

Прошло какое-то время и вся школа «заболела» туризмом. А летом 1951 года у нас уже был свой турлагерь на реке Воре, недалеко от деревни Ахтырка.

ЗАЧЕТНЫЙ ПОХОД

В 50-е годы Московская городская детская экскурсионно-туристская станция разработала несколько зачетных походов. Тогда значок «Турист СССР» был очень почетным и нормы на него были высокие – 180 километров.

По одному из таких маршрутов в июле 1955 года было предложено пройти нам.

Кому в голову пришла такая идея, не знаю. Но из четырех отрядов, которые были в лагере, отобрали лучших ребят и из них сформировали сборную группу, с которой я должна была провести этот поход. О слаженности группы тогда никаких понятий не было, и мы собрались.

Маршрут был рассчитан на 15 дней, спланирован по очень живописным местам Подмосковья, включая много интереснейших объектов. Так как со снаряжением были большие проблемы, маршрут проходил через два хорошо оборудованных турлагеря – лагерь старшеклассников Первомайского района на реке Протве близ Борисова городка, где многолетним начальником был Вениамин Николаевич Розов, и лагерь, который находился на реке Сторожке под Дороховым, где начальником был Туровский.

О Туровском следует сказать пару слов. Потерявший на войне ногу, он работал с трудными подростками. Совершил интереснейшую экспедицию по Чапаевским местам. Закончил жизнь трагически – то ли выбросился сам, то ли его выбросили из окна.

Так вот в этих лагерях пришедших туристов ждал показ прекрасно оборудованных лагерей, один или два ночлега в обустроенных палатках, пополнение запаса хлеба и т.п. В лагере у Туровского в конце маршрута – сдача устного экзамена на значок «Турист СССР».

Теперь я понимаю, что маршрут был перенасыщен экскурсионными объектами даже на 15 дней. Многие из них требовали целого или почти целого дня осмотра. Это были:

1. Деревня Моденово, где в окрестностях 15 декабря 1920

года охотился В.И. Ленин и останавливался в доме бывшего егеря И. Новикова.

2. Петрищево, где в ноябре 1941 года фашисты зверски замучили и казнили партизанку Зою Космодемьянскую.

3. Верея – один из древнейших городов области. Город связан с событиями 1812 года, когда был освобожден отрядом под командованием И.С. Дорохова. В годы Великой Отечественной войны здесь действовала подпольная комсомольская организация.

4. Село Борисово, расположенное в верховьях реки Протвы. Здесь в 1600 году Борисом Годуновым был построен город-крепость с каменной стеной и пятью башнями – Борисов царев городок.

5. Палашкино. Место гибели Героя Советского Союза генерала Доватора – командира 20-го гвардейского кавалерийского корпуса, героя Московской битвы.

6. Бородино, где на Бородинском поле 26 августа 1812 года Главнокомандующий русской армией Кутузов дал грандиозное сражение войскам Наполеона, которое вошло бессмертной страницей в историю борьбы русского народа против иноземных захватчиков.

7. Горбово – фабрика по производству картона.

8. Озеро Глубокое – одно из немногих ледниковых озер области, сохранившее свое естественное состояние. Его глубина 36 метров, площадь 64 га. Более 60 лет здесь работала биостанция МГУ. Озеро доступно лишь с его восточной стороны, с остальных сторон окружено почти непроходимыми лесами и топкими болотами.

9. Ордино. Расположенный в 2 км к северу Ординский лес – место гибели Героя Советского Союза С.Н. Солнцева. Раненый, он попал в плен к фашистам. Его зверски пытали, потом повесили.

10. Коралово – древнее село. В XV–XVII вв. по берегу реки Сторожки стояли военные заставы – «караулы». Его владельцы, Васильчиковы, построили в XVIII в. усадебный дом, стоящий в большом парке с системой прудов. Из построек остал-

ся только флигель. Сохранился великолепный парк и очень интересно оборудованные в «пушкинском стиле» родники.

11. Дютково на реке Сторожке (Разводне) своей живописностью привлекало многих русских художников. Здесь работали А.Е. Архипов, И.И. Левитан, А.К. Саврасов и другие. В Дюткове провел последние годы жизни С.И. Танеев – выдающийся композитор и музыкант.

Вот сколько экскурсий должна была совершить группа! Думаю, что лишь только их было достаточно на 15 дней. А ведь было необходимо пройти 180 км. А быт? Развертывание и установка лагеря, организация трехразового питания и т.д. тоже требовали немалого времени.

И надо же было такому случиться! На продовольственной базе, где мы получали продукты, не смогли своевременно оформить документы, что отняло у нас целый день. На этой базе (была такая сеть, обслуживавшая детские сады, ясли) давали деликатесные по тем временам продукты, которые мы не могли приобрести в магазинах: гречку, тушенку, сгущенку, копченую колбасу и т.п. – их не было в широкой продаже.

Еще день мы потеряли по своей глупости и неподготовленности. Оказалось, до станции Шаликово, где начинался наш маршрут, ходит не электричка, как мы считали, а паровик и один раз в сутки. Когда мы приехали на вокзал, он уже ушел.

И так у нас оказалось не 15, а 13 походных дней! Минус две дневки – 11. Дневные переходы планировали по 18–25 километров в зависимости от экскурсий. Это занимало 5–7 ходовых часов плюс время на привалы. Часто бывало, что останавливались на ночлег в сумерках, а пробуждались – и в темноте.

Однажды был такой случай. Уже в темноте увидели какой-то недостроенный сруб и заночевали там, зарывшись в солому. А утром... Фу-фу! Поняли, что это разрушенный скотный сарай, а солома смешана со старым сухим навозом. Едва отмылись.

Нужно сказать, что и группа у нас была не подарок, хотя ядро ее составляли 6–7 хороших ребят из моей группы. В том числе замечательный паренек Борис. Боря немало делал для сплочения коллектива. Он прекрасно играл на флейте, нес ее

д. Петрищево. У музея Зои Космодемьянской.

с собой и вечерами, когда вставали на ночлег не очень поздно, развлекал нас своей игрой.

Помню трудную переправу вброд через Москву-реку, у деревни Марфин брод, вода по грудь – мельче мест нет. Переправляемся парами. А Боря на берегу выводит затейливые мелодии на своей флейте.

Был один парень, имя не помню, его звали «Баламут». Он баламутил группу по любому поводу. Пришли поздно, вскипятили чай и поели бутерброды. А он: «Почему нет горячего питания?» Варим кашу. «Ночь на дворе, а тут возись с кашей. Поели бы в сухомятку» и т.д.

Ещё был в группе Миша. Он не был учеником нашей школы. Его пристроил в лагерь приятель начальника лагеря. А начальник уговорил меня взять его в поход. Этот Миша помогал стелить ковры в цирке, а в походе практиковал разные цирковые штучки.

Под Бородино мы организовали дневку. Музей, многочисленные памятники различным войсковым соединениям, героически сражавшимся при Бородино требовали длительного осмотра. Во время приготовления обеда на берегу реки Колочь решили провести учет оставшихся продуктов. Разложили свои провианты, а Миша тут как тут. Схватил два мешочка с солью и манкой и давай над самой водой жонглировать ими. Сказали ему раз, другой, но он вошел в раж. Дело кончилось плачевно: соль и манка оказались в воде, и мы лишились этих продуктов, а Миша схлопотал четыре наряда вне очереди. Правда, встретил это безропотно – заслужил!

Меня ужасно раздражает нытье. «Опять я мыть ведра?», «Почему я? Я вчера наряд выполнял». Так часто бывает в несплоченных группах, так было и у нас.

Большая нагрузка требовала большой затраты сил, а нормы питания ей не соответствовали. К тому же почти на всем маршруте были проблемы с хлебом: брали запас на три дня, а через три дня хлеба нигде не могли купить. Здоровый организм требовал питания, и часто шла перебранка, что кому-то в компоте дали больше ягод. Это было очень противно.

Но мы продвигались по маршруту и с удовольствием осматривали экскурсионные объекты.

До конца маршрута оставалось три дня, когда местные жители стали задавать нам вопросы: «Вы никого не потеряли?», «У вас все дети?» Разгадка наступила через два дня. Увидели большой щит: «Осторожно – дизентерия! Турлагерь Туровского закрыт. Водой из реки Сторожка не пользоваться!»

Это был удар! А мы так мечтали, что за все муки получим вожделенные значки «Турист СССР». Унылые сели в полупустую электричку на станции Звенигород. Валера улегся на лавочке и уснул. «Подвинься, сынок», – попросила какая-то бабуля. Он вскочил злой, всклокоченный: «Бабушка, знаешь, откуда я?» – «Спи, спи, сынок!». И бабушка поспешила пересесть на другую лавочку.

Но удар нас ждал еще и в лагере. Нас встретила группа Антонины Дмитриевны со значками «Турист СССР» на груди. Оказывается, были они в двухдневном походе и там им знач-

ки оформили «по блату». И хотя мы понимали, что они их не заслужили, было ужасно обидно.

Через два дня значки нам вручили. А отец Вовы Ершова сделал нам замечательный подарок – организовал экскурсию в Дунино, где в 1946–1953 гг. жил и работал талантливый русский писатель М.М. Пришвин. Здесь им были созданы многие из лучших его произведений, в том числе «Корабельная чаща», «Заполярный мед». «Мой дом над Москвой-рекой – это чудо» – писал он, а в рассказе «Москва-река» дал яркое описание деревни Дунино. Мы встретились с вдовой писателя и записали ее воспоминания.

ВАЛЕНТИН МИХАЙЛОВИЧ КУЛИКОВ

100 километров за сутки

Валентин Михайлович Куликов был большой придумщик и очень любил все новое. Услышав что-то интересное, схватывал на лету и тут же перерабатывал на свой лад.

Прочитал где-то, что в Чехословакии проводятся походы «100 километров за сутки». Выходит более 200 человек, организованы пункты подкормки, где можно выпить чашку горячего кофе, съесть бутерброд. Идущих сопровождает несколько машин скорой помощи, которая подбирает упавших и пострадавших.

Куликов загорелся. Собрал желающих. Условие было такое: с маршрута каждые 10–15

Валентин Михайлович Куликов

километров можно было уехать. Если дальше идти не можешь – уезжай, не будь обузой для товарищей. В те времена было не страшно ходить и ездить в одиночку в любое время суток. С родителей бралась расписка, что они не возражают, что их ребенок будет участвовать в таком походе и, если нужно, самостоятельно уедет с маршрута.

В первый поход отправилась большая группа, но они осилили примерно 42 километра, сбили ноги и дружно решили, что хватит – никто дальше не пойдет. Заночевали в лесу.

Во второй поход пошли 7 человек. Они осилили 104 километра за 26 часов. Это далось нелегко – стертые ноги, учащенный пульс и различные побочные явления.

Третий раз желающих было всего 3 человека. Прошли 100 километров за 26 часов.

Четвертый раз группа была большая, но маршрут неудачный и погода плохая – не удавалось выдержать режим движения. Пройдя 40–45 минут, мы не могли найти место для привала – кругом была вода. Увеличивая переходы, теряли силы, сбивали ноги. А сохранить ноги было главной задачей. Нарушение режима и перегрузки сказались. Мы прошли 75 километров. Но какой ценой? Я застудила нерв, и целый месяц могла ходить только с поднятой вверх правой рукой. В другом положении пальцы немели, и рука не работала.

И Валентин Михайлович понял: нужна отработанная стратегия. Так как нас сопровождать машины «скорой помощи» не будут, надо все предусмотреть и полагаться на свои силы. Он предполагал, что необходимы:

1. Хорошо продуманный маршрут. Движение по шоссе или вдоль шоссе только в ночное время.
2. Четкий режим движения. 40–45 мин движения, 15–20 отдыха, чтобы проветрить ноги.
3. Нужна группа обеспечения, которая где-то после 45–50 километров обеспечит горячий обед и часовой отдых у реки, где можно побродить в воде, давая полный отдых уставшим ногам.
4. Идущим нужны только теплые вещи для привала, подстилки, соки, шоколад – никаких больших рюкзаков.

И до чего же он был доволен, когда, следуя этому, все 13 человек, вышедшие на маршрут, за 26 часов (включая отдых) прошли 113 километров. Правда, у Маши отказали ноги, и последние 10 километров ее буквально тащили под руки. Кто-то потерял голос и потом не мог разговаривать несколько дней – это сказывались перегрузки.

Конечно, это была победа над собой. Но, в общем-то, эти жертвы были ни к чему и, пожалуй, доставляли мало удовольствия. Пропадало главное: удовольствие от увиденного, наслаждение красотой.

Суд

Место, которое мы выбрали для проведения одного из первых смотров готовности групп к летним многодневным походам, привлекло нас тем, что это была не обычная большая поляна, а небольшие пятачки-залысины. На каждом из них могла автономно разместиться группа, показав умение планировать лагерь. Так как там было множество туристских стоянок с горами мусора, которые мы добросовестно очистили; наивно решили, что никакого разрешения получать в лесничестве не надо. В этом «проходном дворе» постоянно останавливались туристы.

Провели смотр. Как водится, всю территорию тщательно убрали. И вдруг, спустя какое-то время, я (а я была главным судьёй) получаю повестку в суд – меня обвиняют в потраве 20 га луга и порубке 20 деревьев.

Явились в суд в назначенное время: я, Валентин Михайлович Куликов, три очень авторитетных наших свидетеля и один из милиционеров, который все дни был на смотре. Со стороны обвинения явились инженер лесничества и лесник.

Допросили меня, трех свидетелей. Судьи угрюмо молчали. Свидетельство милиционера о том, что у нас был полный порядок; порубок не было; луга, как такового, вообще не было, а значит, нечего было топтать, тоже не произвело на судью никакого впечатления.

Но вот вызвали Валентина Михайловича. Внимательно по-

смотря на судью, он тихо сказал: «Что же получается? Приехала в лес Ротштейн, взяла топор и пошла рубить. Уничтожила двадцать деревьев, но этого ей показалось мало. Тогда она легла на траву и стала кататься туда-сюда и таким образом потравила двадцать гектаров луга?»

Зрители в зале хохотали в голос. Судьи закрывали лицо руками, не в силах сдержать улыбку.

«Когда выступил ваш Валентин Михайлович, – сказал после суда главный инженер, – я понял что дело проиграно».

Суд признал иск необоснованным. Так лесничеству не удалось свалить на нас свой недосмотр за порубками, совершенными дикими туристами.

Надо уметь ориентироваться

Валентин Михайлович был влюблён в ориентирование и топографию.

Ориентировался он потрясающе в любой местности, в любое время суток.

Наш туристский лагерь 36-й школы размещался в глухом лесном массиве, на реке Воре, в нескольких километрах от села Ахтырка. Холодная и довольно глубокая река исключала всякие неожиданные визиты, жили мы безбоязненно. В этот день все группы ушли в поход. В лагере остались я и десять ребят. Близилась полночь. Спать не хотелось. Мы сидели у костра и при его свете читали вслух приключенческую повесть. В самый пик событий, когда все были напряжены и ждали «что дальше», на книгу упала шишка. Все удивлённо переглянулись. Мы сидели на большой поляне, деревьев над нами не было. Вечер был тихий, безветренный. Откуда шишка?

Продолжаем читать, но напряжённо вслушиваемся в тишину. Тихо. Вокруг ни шороха. И вдруг опять шишка. «Серёжка, тащи топор и лопату!» – решительно говорит кто-то, и тогда из темноты выходит к костру Валентин Михайлович.

– Я что, вас испугал?

– Господи! Ночью? Как вы нас нашли?

– По компасу, – смеётся он, – надо уметь ориентироваться.

Опростоволосился

Лишь однажды был случай, когда Куликов «опростоволосился». Наш маршрут проходил по Архангельской области, по глухой тайге Онежского полуострова. Местность почти не населённая. В годы коллективизации сюда ссылки кулаков, большинство из которых, многосемейные семьи, своим трудом сколотившие крепкие хозяйства, не одобряли советскую власть и её желание «всех уравнивать». В годы «оттепели» выжившим в суровых условиях Севера разрешили вернуться на «Большую землю». И они, побросав свои хозяйства, уехали, чтобы начать новую жизнь.

Наш маршрут начался с приключения, которое едва не закончилось трагедией. Пароход «Вацлав Воровский» доставил нас, группу учителей, на Онежский полуостров, в посёлок Усть-Наволоок. Из-за мелководья пароход не причаливал к берегу, а вставал на якорь далеко от него. Пассажиров на берег доставляли на моторных лодках «Дорис», которые местные называли «Дора».

И вот мы в посёлке. До выхода на маршрут необходимо было сделать два дела: отметить маршрутную книжку нашего похода и сделать запас хлеба на несколько дней пути (после чего должны были перейти на свои запасы сухарей, так как магазинов на пути, как и населённых пунктов, не будет много дней).

Купили хлеб, уложили его в свои рюкзаки и пошли искать учреждение, где можно поставить печать, подтверждающую наше пребывание в Усть-Наволоке.

Неожиданно на нашем пути встал военный в плащ-палатке: он (как нам показалось вначале) очень игриво стал интересоваться, кто мы, откуда и куда держим путь. Нам бы сразу догадаться, что он начальник, но плащ-палатка скрывала погоны. Он явно был недоволен нашим появлением, сухими ответами и потребовал документы. Пришлось предъявить маршрутную книжку и разрешение пограничных войск на въезд в этот район.

Мужчина со всех сторон рассмотрел наши бумаги и сказал решительно: «В течение часа покинуть территорию!» Мы по-

чему-то решили, что он пьян, и засмеялись. «Вацлав Ворковский», дав прощальный гудок, отчалил и уже успел отплыть довольно далеко; с одной стороны было море, с другой – что-то вроде проходной войсковой части. Но военный и не думал шутить и повторил свою команду. Рядом появилось несколько вооружённых солдат, и нам стало ясно, что начальник не шутил.

Нас посадили в «Дору», вернули наши документы. На вопрос, куда нас отвезут, ответили лишь, что вывезут из зоны. Подул ветер. Белое море заволновалось. Моторист был «на взводе». Но как только мы отплыли от берега, достал откуда-то из-под сидения бутылку неразведённого спирта с большой этикеткой, выпил примерно четверть, закусил большим помидором и мы поплыли дальше. Плыли больше часа. Это был какой-то кошмар. За бортом – большие волны с белыми гребешками. Сверху – дождь, а в «Доре» веселый моторист, который, подморгнув женщинам, после третьего захода опорожнил бутылку.

Наконец мы причалили к берегу у какой-то одинокой избы, её на нашей карте не было. Где мы? На просьбы ответить, куда он нас привёз, моторист ответил беззаботно: «Не положено», – видно, здорово был проинструктирован. И уплыл, а мы, растерянные, остались у избы, пытаюсь понять, где находимся.

Карта была плохая – растянутая пятикилометровка, которая совсем не передавала характер местности. Даже Валентин Михайлович не мог найти точку нашего стояния. Дождь шёл не переставая. Мы решили заночевать в избе. На счастье, вечером к избе причалила «Дора» с рыбаками и они нам объяснили, куда нас «закинули».

Маршруты высших категорий сложности, которые мы прошли после Онежского полуострова, показались нам значительно легче. Онежский был тяжёлым испытанием. Дождь продолжался весь наш маршрут.

Через нескольких дней пути мы покинули берег Белого моря и ушли в тайгу. Дремучий лес, где, кажется, до нас не ступала нога человека. (К слову, мы были первой группой решившийся летом пройти Онежский полуостров).

Движение похоже на тренировки бегуна-барьериста: в течение десяти минут на пути в двести-триста метров до 40 препятствий – поваленные огромные стволы деревьев, непроходимый еловый молодняк, бугры, ямы скрытые в воде, ручьи в глубоких, как траншеи канавах, скользкие замшелые камни среди болотных пятен. Перешагиваем, перелезаем, подлезаем, обходим эти препятствия. Мокрые с головы до ног.

Особенно мрачен лес по реке Быковке. На скользких горбатых корнях деревьев и на стволах зелёным тряпьем свисают мхи, мы их называли «ведьмины волосы». Мёртвые, липкие, рухнувшие когда-то огромные ели оцетинились своими сучьями. Участки выгоревшей тайги с чёрными зловещими стволами и берёзовая сырь, разодетая в зелёные бархатные лохмотья – всё это казалось фантастической декорацией к страшной сказке о Бабе-яге.

Скользим, падаем, проваливаемся в ямы. Выйдешь на кромку берега – трава по грудь, не пройти. Пейзаж давит, угнетает. Река Быковка кажется бездонной – пугающая чёрная, неподвижная вода вровень с берегом. Извилистость реки поразительная: словно змея петляет по болотам. Двигаемся,

Онежский полуостров. Река Быковка

пытаясь срезать многочисленные петли Быковки, не теряя её из виду. Она наш единственный ориентир.

Местность выматывает. Идём целыми днями по 8–9 часов. Скорость движения очень маленькая. Идём по 30 минут и отдыхаем.

После обеда сделали четыре перехода и присели на очередной привал. Вот тут-то и произошла эта история. Вдруг кто-то удивлённо вскрикнул, потрясая какой-то бумажкой. В руках был фантик от конфеты «Барбарис». Сомнений не было, это был наш фантик, больше здесь людей нет. Мы уже сидели на этом месте! Два часа нас «чёрт водил» по одной из петель Быковки. Как же переживали наши проводники, а больше всех Валентин Михайлович! Он долго не мог простить себе эту ошибку.

Беглый каторжник

Маршрут по Онежскому полуострову (самый трудный маршрут в моей туристской жизни!) закончился в посёлке Пушлахта. Отсюда, договорившись с рыбаками, на рыболовецком сейнере поплыли по Белому морю на Соловецкие острова.

На Соловках провели несколько дней – познакомились с Соловецким монастырем и другими достопримечательностями.

На каком-то военном корабле поплыли в Беломорск. Беломорск нам не понравился – серый, неуютный. Моросил мелкий противный дождь, дул резкий холодный ветер.

Удручали серые бараки за колючей проволокой и гуляющие (почему-то на крышах барачных) заключённые. А над ними проволока – много-много рядов.

Маленький неуютный вокзал. Все ужасно давит. Купили билеты, сели в поезд, в последний вагон. Пока устраивались, Валя вышел в последний тамбур покурить. Туда же к титану вышла проводница.

Вдруг дверь тамбура распахнулась и появилась совершенно белая проводница. Руки трясутся.

– Свят, свят, свят, там беглый каторжник!

– Где?

– Там! – и показывает на тамбур.

И тут из тамбура входит в вагон невозмутимый Валя. Он в штормовке, в егерской кепочке с козырьком защитного цвета, заросший многодневной щетиной.

– Он, он! – проводница вот-вот потеряет сознание.

Кто-то подхватил её. А мы хохочем:

– Это наш!

Медленно проводница приходит в себя:

– Ох, и напугал. Я думала – беглый. Что же он заросший такой и одет под арестанта? И глаза зыркают... – она долго не могла успокоиться после пережитого ужаса.

На Белом море. В.М.Куликов

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В ПОХОДЕ

Клайпеда–Рига – ночной кошмар

На теплоходе «Альбатрос» плывем по Балтийскому морю 2,5 часа до Клайпеды (Мемель, основан в 1252 г. как замок Мельденбург. С 1525 г. – в составе Пруссии).

Здесь у нас банкет в честь окончания похода. На столе вкусное вино и главное лакомство края – копчёный угорь.

На другой день осматриваем город и вечерним поездом, который ходит раз в сутки, уезжаем в Ригу, где нас ждут ещё 5 дней интереснейших экскурсий.

Молодая проводница, проверив наши билеты, буркнула какую-то загадочную фразу, смысл которой мы поняли потом: «Спасайтесь, как можете, я не выйду» и скрылась в своем купе.

Когда мы, в радужном настроении, вошли в вагон, то чуть не потеряли дар речи – вагон был полон (15 или 25) вдребо-дан пьяных молодых парней.

«А, девочки!» – обрадованно сказал кто-то из них.

Поезд набирал ход. Что делать?

Некоторые парни уже спали, совершенно невменяемые.

В первом купе спал парень, а под ним багажный ящик был до верха заполнен бутылками с водкой. Двое поднимали его вместе с крышкой (а он не просыпался!) и доставали из ящика очередную порцию выпивки.

Заняла место на нижней полке напротив этого парня. Решила – он так пьян, что почти не опасен.

«Всем на верхние полки, не ходить, не курить, в конфлик-ты не вступать», – едва владея собой, скомандовала я. Все были испуганы, никто не возражал. В такой компании прове-сти ночь – это, конечно, подарок!

На верхние полки загнала двух девиц, тяготеющих к муж-скому полу. Прошипела: «Будете глазами зыркать, приблю!».

Они и сами испугались, отвернулись к стенке и лежали, не по-ворачиваясь.

А парни пили и пили, что-то говорили то ли на латышском, то ли на литовском языке.

За первым откидным столиком сидел мужчина с бутылкой, постарше остальных парней, на фоне других почти трезвый. Пошатываясь, подошел ко мне, представился. С перепуга да-же имя не запомнила.

– Пойдем, выпьем за знакомство!

Что делать? Пошла за его столик. Он достал чистую стоп-ку, налил полную.

– За знакомство! – пригубил.

– За дружбу! – чуть отхлебнула.

Заметив, что моя рюмка почти полная, сказал:

– Так не пойдет! Я должен держать язык за зубами, болтать нельзя. Ничего не могу сказать. На сборы дали 12 часов. Про-стились с родными и с жизнью. Но все обошлось. Едем домой и празднуем спасение.

– Давай за спасение, чтобы все было тихо и мирно.

Выпили. Он пил много, но не пьянел. Время от времени что-то кричал своим товарищам. Я так и не поняла, кто они, где были, что случилось. Все живы, и это, как сказал мой но-вый «приятель», самое главное.

Послышалось всхлипывание. Это плакала Татьяна. Парень на нижней полке чуть протрезвел, тянул к ней руки, а она от-талкивала его альпенштоком.

– Пошли, посмотрим, – осмелела я.

«Приятель» встряхнул парня за шиворот, что-то сердито сказал ему. И мы вернулись к столику. Отходить от «старше-го» мне было страшно.

Когда утром поезд пришел в Ригу, наши попутчики, так и не протрезвев, весело покинули вагон. А я не могла встать. Резкая боль то ли за грудиной, то ли в спине сковала меня. Было так плохо, что я буквально теряла сознание.

Помчались за помощью, и санитары на носилках унесли ме-ня в медпункт. Сделали какие-то уколы, и минут через 40 я «ок-лемалась». Что это было – сердце, нервы – так и не поняла.

Но, главное, все живы, а ведь было нас всего 4 мужчины и 10 женщин в такой компании.

Такой ужас я в жизни больше не переживала.

А я парень хоть куда

Возвращались из Одессы в плацкартном вагоне. Нам поче-му-то достались одни верхние полки, и мы рассредоточились по всему вагону.

В нашем отсеке на верхних полках были мы с Мариной Фирсовой, вторым руководителем похода.

На одной из нижних – симпатичный веселый парень. Он рассказал о себе, что перегоняет машины в Одессу из Горь-кого, где работает на автозаводе.

Сказал, что хорошо зарабатывает, что от невест нет отбоя и игриво завлекал: «Девушки, сватайтесь, я свободен». Здо-рово пел украинские песни.

Выходя на станциях, приходил с бутылкой пива, а нам с Ма-риной приносил шоколадки. Потягивая пиво, рассказывал об

автозаводе, о своей работе. Но после нескольких остановок «меню» изменилось, вместо пива появилось вино, а вместо шоколадок – кульки со сливами.

Он пьянел.

– Может, хватит? Поспите...

Но он уже завелся. На смену вину пришла бутылка водки. Он стал агрессивным, кричал, бегал по вагону, ругался матом. В нас с Мариной летели очередные куски слив.

– Хватит ругаться, видите, тут едут дети!

Но его уже было не унять. Почему-то его ужасно раздражали мои ноги (я была в бриджах) и разработанные икры.

– Я парень хоть куда! А ты – чёртова москвичка-велосипедистка. Сейчас я тебе ноги повыдёргиваю, лучше замолчи!

Пошла к проводнице. Она сердито поджала губы.

– Все пассажиры молчат, только вы недовольны. С кем не бывает. Перепил мужик.

Только через тридцать минут, когда парень, вцепившись в какого-то пассажира, разорвал на нем пижаму, все стали наседать на проводницу, что надо связаться с бригадиром поезда и вызвать милицию.

Вызвала. Казалось, что наш попутчик был так пьян, что ничего не соображал. Но когда зашли два милиционера, удрал в другой вагон. И только на следующей станции, когда милиция вошла с двух концов вагона, удалось его скрутить. Уводили его под ругань:

– Я парень хоть куда! А ты – чёртова москвичка!

Вот такая «приятная была у нас обратная дорога.

Американские шпионы

Меня вызвали в городской Комитет комсомола, где сообщили, что в Москву приезжает американская делегация – группа девочек, учащихся колледжа, со своим преподавателем. Они хотят познакомиться с самостоятельным школьным туристским лагерем.

Принято решение показать им туристский лагерь школы №589 нашего района – один из лучших турлагерей города

Москвы. Для встречи надо сделать то-то, подготовить то-то и то-то.

И вот подготовка закончена. В назначенный день и час у гостиницы «Метрополь» встречаю автобус с переводчицей-мулаткой. Меня в горьком предупредили, что это – «наш человек», родилась и выросла в Москве, ей полностью можно доверять и решать любые проблемы. Вскоре подходит группа – очень симпатичные девочки, примерно как наши десятиклассницы, и молодая руководительница.

Разместились, поехали. Гости увлеченно разглядывают пейзаж за окном, поют песни, о чем-то переговариваются. Через переводчицу задаю какие-то вопросы руководительнице, она (как и девочки!) ни слова не знает по-русски.

Лагерь, куда мы едем, расположен на западе Московской области, в нескольких километрах от станции Холщевики. Там собрался отличный коллектив учителей-туристов. Лагерь отлично оборудован. Весь учебный год в школьных мастерских будущие жители лагеря своими руками, под руководством учителя труда Беляева, готовили оснащение для лагеря. Мастерили настилы для палаток, разборные столы и скамейки для столовой-клуба, стеллажи для продуктового склада, ходули, различные игры и т. п. Все в лагере радует глаз: и красивые «улицы» с рядами палаток, и столовая под навесом, и отлично оборудованная кухня.

В свободное от походов время ребята работали в подсобном хозяйстве Глебовской птицефабрики на прополке овощей. За работу получали курятину и свежие овощи, так что стол был всегда разнообразным и свежим. Но главное, лагерь славился интересными походами, хорошей подготовкой юных инструкторов туризма, веселыми вечерами, интересными занятиями. Гостей ждал концерт самостоятельности, рассказ о подготовке и работе лагеря, обед, игры и аттракционы.

Нужно сказать, что контингент учащихся в школе был непростой. В те годы это была окраина Москвы. Дети шли в школу из бараков строителей Комсомольского проспекта, рабочих общежитий завода «Каучук».

Несколько человек из школы занимались у меня в туркруж-

ке, где постоянно приходилось бороться с невоспитанностью, грубостью.

Была, например, шестиклассница Валя, которая могла ударить кулаком парня, сидящего на стуле, и сказать; «Ты. Подвинь свой таз, я сяду».

В те времена приезд делегации иностранцев был редким явлением. А люди были воспитаны так, что надо не уронить честь Родины, поэтому решили всю «мелкоту» отправить в походы – как бы чего не лягнули, а в лагере оставить только старшеклассников.

– Чего нас отправляют? – возмущалась моя Валя – Что мы, не знаем, как вести себя с американцами? Мы им скажем: «Мы не рабы, рабы – не мы».

Но их все-таки из лагеря отправили.

Короче говоря, лагерь, который славился своей чистотой и идеальной планировкой, был «вылизан» до предела. Кулинары расстарались, приготовив вкусный обед и даже пироги. В лагерных мастерских были подготовлены подарки-сувениры. Лагерь был готов к встрече.

На 70-м километре шоссе милицейский пост. Нас остановил веселый милиционер. Проверил документы у водителя.

– Должен вас задержать, – сказал он. – Не могу пропустить – команда из Москвы не поступала, а иностранцев дальше 70-го километра не пускают.

– Вы что, серьезно? – возмутилась я. – Их же ждут в лагере. Будет международный скандал.

– Сказал, не положено за 70-й километр. Сейчас запрошу Москву.

– А это долго?

– Может час, а может четыре.

– Что же делать? Пойду, посоветуюсь с переводчицей.

– Вы что? – теперь возмутился он. – Она же шпионка.

– Какая шпионка? Она москвичка.

– Все равно, шпионка. И руководитель их – шпионка. Смотрите, красавица и какая складная. Это чтобы отвлекать. Нет уж, у меня глаз набит. Точно вам говорю – шпионки.

Милиционер ушел звонить. Вскоре вернулся.

– Проверили. Нет пропуска. Будем выяснять. Ждите.

Между тем девочки вышли из автобуса. Поблизости селений не было. Рядом с дорогой раскинулся великолепный луг – высокая трава и много-много ромашек. Девочки были в ситцевых платьях (а у нас тогда в моде был нейлон и капрон). Они разбрелись по лугу, рвали ромашки, плели венки, пели песни.

– Смотрите-ка, – умилялся милиционер, – совсем как наши.

– Это же смешно, – уговаривала я милиционера. – Вы же видите, это дети, пропустите! Подумайте, что я им скажу?

– Скажите, что сломался автобус.

Он ушел, позвонил куда-то.

– Нет разрешения, придется ждать.

– Поймите, – настаивала я, – это просто глупо. Ну, кто-то не сработал, но дети-то не виноваты. Пропустите!

– Дети? – озлился он. – Мы тут французов задержали, говорили – артисты. А сами шпионы, все фотографировали. А еще немцев задержали...

– Да ладно вам! Вы по-человечески поймите, ну что я им скажу?

– Скажите, что деталь сломалась, и ее вывезли в Москву. Надо ждать, когда привезут назад.

Я чуть не плакала от бессилья и стыда. Переводчица была невозмутима – бывает... А девочки бродили по лугу, будто только сюда и ехали, чтобы полюбоваться ромашками.

Только через два часа в Москве все проверили и дали «добро» на проезд автобуса.

В лагере нас заждались. Были теплые речи на английском языке, вкусный обед, восторги от полученных сувениров, песни. Кажется, гости ничего не поняли. А я кляла милиционера и его шпиономанию. И, конечно, же, организаторов поездки, которые забыли, что дальше 70-го километра иностранцев не пропускают без специального разрешения.

Арбуз

Идем по Херсонщине. Вышли к огромной бахчевой плантации, пытаемся ее обойти. Наконец нашли какую-то тропинку и пошли вдоль вьющихся плетей и огромных полосатых арбузов, блестящих на солнце своими глянцевыми боками.

Нас остановил сторож бахчи.

– Погодите, угощу вас арбузом! Сейчас выберу самый вкусный.

И он сорвал огромный, наверное, килограммов на десять, арбуз.

Наш завхоз по питанию Миша, о патологической жадности которого я уже упоминала, отреагировал сразу: «Давайте донесем до обеда! Я несу первый». Наверное, решил сэкономить на обед третье блюдо. Впрочем, зачем я так плохо про парня? Может, он хотел как лучше?

И мы тащили по очереди огромный арбуз до обеда, изнемогая от тяжести.

Каково же было наше разочарование, когда разрезанный арбуз оказался розовым и несладким.

И надо было тащить такую тяжесть?

Лучше бы его на бахче съели.

Кукуруза

Остановились на ночлег возле огромного кукурузного поля. Початков не видно. Но высокие сочные стебли выше роста человека стоят стеной, защищая нас от людских глаз и создавая иллюзию леса.

Разбили лагерь. Поужинали. «Мы в кустики!» – сказали мальчики и убежали.

Вернулись минут через тридцать чрезвычайно довольные – каждый нес «за пазухой» по несколько больших початков кукурузы.

– А вам не говорили, что нельзя брать чужое? – спросила я.

– Так разве это чужое? Это же колхозное!

– А вы что, колхозники? Утром пойдете к председателю извиняться. Ясно?

Ребята понуро разбрелись по палаткам.

Утром, забрав сорванную кукурузу, пошли к председателю колхоза. Тот выслушал меня внимательно, улыбнулся. Реакция его была неадекватной.

– Ну и что, захотелось ребятам кукурузы. Кушайте на здоровье! Свои больше воруют. Пойдемте, я вам еще нарву.

Урок не удался, а кукурузу мы сварили и съели на обед.

В абрикосовом саду

В Днепропетровске по заданию Музея Революции собираем материалы о героях, форсировавших Днепр.

Живем в каком-то старинном имении из красного кирпича (теперь школа-интернат). Дом расположен на высоком холме, а вниз по склону, окруженный каменной оградой, тоже из красного кирпича, спускается огромный абрикосовый сад.

Красота необыкновенная!

В зеленых пышных кронах желтеют спелые с розоватыми «щечками» абрикосы.

Едим до отвала. Вкуснота!

Вечером в саду страшно: над головой кружатся летучие мыши – довольно противные твари. Летают так низко, что шевелятся волосы. Кажется, они вот-вот запутаются в волосах. Ощущение не из приятных.

Жарища стоит ужасная. В тени 37 градусов. Кажется, весь день не отходили бы от тележки с газированной водой, где ящики заполнены глыбами льда. Лед тает, образуя вокруг большие лужи, но от них идет хоть какая-то свежесть.

За день ограда нашего сада и стены домов накаляются так, что рядом пройти невозможно – все пышет жаром.

На задание ходим с 8 до 11 утра. А потом где-то под деревьями в саду спасаемся от злого солнца, радуясь, что летучие мыши вылетают только ночью.

А вечерами где-то в тенистых скверах, наслаждаясь легкой прохладой, едим южное лакомство – «сладкую вату».

Так прошло восемь дней. Послезавтра на теплоходе нам надо уплывать в Херсон.

Неожиданно заболел Володя. Температура больше 39 градусов. Дали жаропонижающее – никакого эффекта!

Вызывать врача? Панически боюсь. А если в больницу упречет?

Решаем плыть в Херсон. Покупаем Володе билет в отдельную каюту (хорошо, что у нас большой «аварийный запас» денег), чтобы избежать контактов.

Температура не снижается. Вызываем судового врача. Теперь бояться нечего, до Херсона нас не высадят.

– Отведите ребенка в тепленький душ, наденьте головной убор, посадите в тень!

Видимо, это был тепловой удар.

Когда приплыли в Херсон, Володя был почти здоров.

А гуси: «Га-га-га!»

Май 1965 года. Выехали после уроков. Потом закопались на переправе через речку Воря. Думали вброд – оказалось довольно глубоко. Пришлось искать кладки.

Место, где мы вынуждены встать на ночлег, пока не стемнело, было неудачным. Спуск к реке (другой воды не было) крутой, глинистый, влажный, нет хвойных деревьев. Вокруг только заросли ольхи и орешника. Но они прикрывали нас со всех сторон, и мы остановились на какой-то полянке.

Разбили лагерь. Приготовили ужин: кашу с тушенкой и жидкий кисель. Почти два ведра воды израсходовали на приготовление пищи, а третье, где помыли начерно кружки, миски, ложки, оставили, чтобы залить костер.

Только собрались это сделать, как раздался треск сучьев, звук упавшего тела, какая-то залихватская песня. И на нашу полянку из кустов буквально вывалились четыре здоровенных пьяных парня.

Они назвались туристами какого-то профтехучилища из Мытищ, сказали, что у них большая группа стоит где-то в нескольких километрах от нас. Что-то слегка соображали, были настроены очень дружелюбно и время от времени горланили какую-то песню. Я запомнила только две строчки припева:

А гуси «Га-га-га»,

Ты парень зря, зря, зря...

На всякий случай шепнула девочкам Нине и Ларисе, чтобы не показывали нос из палаток.

– Попить есть?

Ответить не успели. Они увидели ведро, где мыли посуду, зачерпнули и стали пить.

Лариса Сабанова не выдержала и чуть не выскочила из палатки:

– Они же отравятся!

Но я вовремя успела затолкнуть ее назад и закрыть палатку.

Так поболтав, попев и попив «водички», они ушли, а мои ребята на другой день с удовольствием, действуя мне на нервы, пели песенку:

А гуси «Га-га-га»,

Ты парень зря, зря, зря...

«Только по лицу не надо!»

Весенние каникулы. Поход по Молдавии. Руководитель группы – Махова. Я – второй.

Огромные овраги. Страшные оползни. Отваливаются мощные пласты земли, увлекая на дно оврагов скудную растительность.

Белые домики, балконы-галереи, увитые виноградом.

Виноградники, виноградники. Над ними несколько раз в день кружит вертолет, распыляя какую-то гадость от вредителей, заодно посыпая и нас. Чихаем.

Добрые, приветливые люди, спросишь про колодец – выносят граненый стакан и трехлитровую банку вина. Здесь пьют его как воду.

Ребята смотрят с интересом: дадут выпить или нет? Не дали.

Короткий привал в березовой роще. Еще пятнами лежат пласты нерастаявшего снега. А там, где он стоял и чуть подсохло, – море синих-синих цветов – крокусов, нет свободного пятачка. А ставить рюкзаки на такую красоту так жалко!

Сидим на привале немного дольше обычного. До чего же

красиво! Не можем налюбоваться! Синее-синее море цветов среди сочной, недавно пробившейся травки и белых берез. И запах! Тонкий нежный запах весенних цветов. Чудо!

Бивак на берегу какой-то быстрой и мутной реки. Но недалеко хороший родник. На противоположном берегу большое село. Растительности почти нет. Жидкий кустарник у нас за палатками. А мы – на юру, открыты всем ветрам и глазам. Но люди здесь спокойные – не обижают. А выбрать стоянку с хорошей питьевой водой трудно.

Вблизи остатки какой-то постройки и ребята быстро собирают какие-то небольшие дощечки, но они с гвоздями.

Ставим палатки. Мальчики уходят на родник за водой. С ними Ира – дежурная по кухне. Это очень красивая девочка. Наверное, в нее влюблены все мальчики в группе. Но они для нее – пацаны. Она знает себе цену, питает слабость к мужскому полу. Но ей нравятся ребята постарше.

Вскоре мальчики приносят ведра с водой.

– А где Ира? – спрашивает Светлана Михайловна.

– На роднике осталась с местными ребятами.

– Ну, погоди! – Светлана Михайловна хватает первую попавшуюся доску и мчится к роднику. – Сейчас я тебе задам!

А вслед ей несется жалобная просьба мальчиков:

– Только по лицу не бейте!

Спустя какое-то время они появляются в лагере. Еще не совсем остывшая Светлана Михайловна бить Иру ни по каким местам не собиралась.

– Не стреляй глазами и ни шага из лагеря, – говорит она сердито.

Ира капризно надувает губы:

– Подумаешь, нельзя с людьми поговорить.

И идет к костру работать.

Ищем клад разбойника Кудеяра

Лето 1961 года. Идем походом по Брянщине. Собираем материалы о партизанах Великой Отечественной войны и ищем клад разбойника Кудеяра.

О Кудеяре особо. Однажды Валентин Михайловича пригласили в ЦК комсомола и попросили заняться поисками клада знаменитого разбойника. Ему вручили рукопись – воспоминания известного доктора Дубинина (если правильно помню фамилию), награжденного орденом Ленина.

Доктор в толстой тетради передавал рассказ своего прадеда.

«...В те времена служба в царской армии была долгой – 25 лет. Служить прадеду осталось совсем немного, когда его приставили охранять в остроге важного государственного преступника.

Прошло несколько дней. Арестант всё время пытался заговорить со стражником. Но тот молчал. Знал твердо: в контакт с арестованным вступать нельзя.

Однажды заключённый сказал: "Если ты родом с Брянщины, только кивни мне головой, послушай мой рассказ и запомни, что я скажу".

И поведал, что он знаменитый разбойник Кудеяр с Брянщины; что ему вынесли смертный приговор. Но он не хочет уходить из жизни, унося с собой тайну. А тайна – это клад. Многопудовое сокровище серебра, которое должно достаться людям, а не лежать в земле.

Рассказал, что был он добрым разбойником, грабил богатых и помогал бедным. Однажды в посёлке Белая Берёза ограбили крупного сахарозаводчика. Там увидел его красавицу дочь и влюбился без памяти. Увёз девушку в свой разбойничий стан.

Был он успешным, неуловимым. И хотя за ним всё время охотились солдаты, ловко уходил от погони. Украденная красавица не хотела становиться разбойницей. Хотя её всё время охраняли – норовила сбежать. И, выбрав момент, через верного человека сумела передать отцу, где находится стан разбойников.

...Окружённый солдатами Кудеяр отбивался до последнего. А когда понял, что ему не прорваться, сложил всё награбленное серебро (не менее 60 пудов) в огромные глиняные кувшины и опустил их на дно глубокого колодца.

Кудеяр много раз повторял служивому, как найти клад, потом разбойника увели и больше прадед его не видел.

Точное описание места, где был стан разбойников, не помню. Но что-то примерно так: от Белой Берёзы идти столько вёрст по старому Тракту. Выйти на большак и по нему пройти такое-то расстояние.

Пройдёшь – увидишь большую берёзу, где из одного корня растут 3 ствола. Здесь в полдень надо повернуться лицом к солнцу и идти до огромного развесистого дуба... и так далее.

Служивый всё запомнил и повторял много-много раз, чтоб не забыть. Вернувшись со службы, отправился с сыном на поиски клада.

Шли по тракту, вышли на большак, нашли берёзу, потом развесистый дуб. Сели передохнуть. Вечерело, и вдруг появились какие-то белые приведения. Всё это было так неожиданно и страшно, что мужики в ужасе бежали от дуба.

И только через год решились повторить поиски. И снова всё повторилось...»

Умирая, прадед завещал сыну найти клад и передать его людям. Сын (дед доктора) вместе со своим сыном (отцом доктора) дважды пытался найти клад. Они дошли до дуба. И история повторилась – страшные привидения будто гнались за ними и не давали подобраться к кладу.

Сам доктор с отцом и братом тоже собирался найти клад. В привидения он не верил и был уверен, что это был мираж. Но их поискам помешала война. Он просит школьников найти клад и вернуть богатство людям.

И вот мы идём на поиски клада Кудеяра.

Война сильно изменила местность: проложены новые дороги; вырублены большие участки леса; через болота проложены огромные гати из толстых брёвен.

Где проходил старый тракт? Где от него отходил большак? На эти вопросы требовалось найти ответы. С этого следовало начинать.

Готовясь к походу, мы вели большую переписку с различными местными организациями. И вот у нас в руках список старожилов этих мест – людей, которым за восемьдесят лет.

Их набралось 20 человек. Нужно было встретиться со всеми, записать их рассказы о том, где же до войны проходил большой тракт и старый большак.

Работаем двумя группами. Ставим базовый лагерь и из него группы (одна с Валентином Михайловичем, другая со мной) выходят в отдалённые деревни, чтоб встретиться со старожилами.

Наша группа идёт в маленькую деревушку, где живут два старика 83 и 85 лет. До неё 13 километров от нашего лагеря. Идём старым еловым лесом по слабонаезженной просёлочной дороге...

Наконец лес расступается и мы видим деревеньку – десяток небольших домиков, уютно расположенных на опушке леса.

Но что это? На большой поляне то ли догоняя, то ли убегая друг от друга, с криками носятся какие-то привидения. Видим только ноги, головы и туловища закрыты чем-то серым. Какой-то кошмар!

Ошеломлённые останавливаемся. Что это? Сумасшедший дом? Может, мы сбились с пути и вышли к какой-то психбольнице?

Но не идти же назад. Боязливо приближаемся к ближней фигуре.

– Скажите ... – договорить не успеваем. Раздаётся крик и фигура бросается от нас в сторону.

Не успеваем прийти в себя, как наш Толик, а за ним Саша тоже орут что-то невнятное и бегут куда-то.

Куда же мы попали? Оказывается – в нужную нам деревню. И это не психи, а нормальные люди. А укутаны они в серые одинаковые одеяла, которые продавались в сельмаге. А носятся и орут потому, что кто-то вспугнул большой пчелиный рой. И все жители покусаны и убегают от сбесившихся пчёл. Они будут бегать до тех пор, пока не сядет солнце. Тогда и рой успокоится и сядет на свое место. А пока пчёлы заполнили все дома и жалят и жалят.

Рассказы старожилов мы записали, хотя тоже пострадали от пчёл.

Но когда, позднее, сравнили все рассказы, записанные

обеими группами со слов старожилов, единой картины не получилось.

О том, где проходил старый тракт воспоминания более-менее совпадали. А вот где начинался и шёл большак – сведения были очень противоречивы. Требовалась большая работа в архивах – изучение старых карт местности.

Но мы решили, что ещё вернёмся, будем искать и найдём клад Кудеяра. И даже где-то, на живописной опушке леса (уже не вспомнить, где именно!), зарыли бутылку с письмом к потомкам. О чём писали? Почему не вернулись? На эти вопросы теперь не ответить...

Поход на Кольский полуостров, Хибины, 1964 год

Военная тайна

Сколько неприятностей доставляли в походах плохие неточные карты! Сколько сложных ситуаций возникало на маршрутах! Хорошо, что все обошлось.

Поход III категории сложности 1964 года по Ловозерским и Хибинским тундрам проходил нормально. В Ловозерах немного понервничали. На перевале Чивруай нас накрыл туман, полностью пропала видимость, и пришлось ждать, пока распогодится. Первую часть маршрута мы прошли благополучно и вышли к Умбозеру. Здесь планировали переправу через реку Суру, впадающую в озеро с севера, и выход в Хибины.

Но оказалось, всё не так просто. Про Суру в справочниках писали, что переправа через неё не представляет сложности. Но оказалось, что река, которую местные жители называют «Большая Волга», – бурная, широкая и полноводная. Брод через неё ни в устье, ни в десяти километрах выше по течению невозможен.

Место на Умбозере, куда мы вышли, оказалось бухтой, где стоял «местный флот» – моторки и лодки рабочих уранового рудника в Ревде. Рискованные люди – добытчики урана, каза-

лось бы, никого и ничего не бояться. Но на наши просьбы переправить на тот берег отвечали решительным отказом, пугая ветрами, которые неожиданны и очень вероломны, и пугающими названиями «мыс мертвецов», «гибельная бухта» и т.п.

Все наши попытки переправиться через Умбозеро были напрасны. Тогда мы решили идти на север в Ревду, на автобусе Ревда–Оленегорск проехать р. Суру и выйти в Хибины не с востока, а с севера. Так и сделали.

Кто мог знать, что на карте, которую мы скопировали в городском клубе туристов, шоссе Оленегорск–Ловозеро нарисовано прямой линией через Ревду? А фактически Ревда находится примерно в 15 километрах южнее основной трассы.

По шоссе проехали р. Суру, потом широкую протоку, соединяющую цепь озёр, прошли несколько километров югу и встали на ночлег на берегу безымянного озера.

А утром, пытаясь привязаться к местности, поняли, что что-то не так. Протока была на нашей карте, цепь озёр была. Но их конфигурация явно не сходилась. Что делать? Жилья нет, людей нет, ясности нет. Где мы?

Неожиданно увидели рыбаков. Но они внятно не могли ответить на наши вопросы, а только твердили, что от озёр уходить нельзя, что здесь очень сложное ориентирование, много сходных ситуаций: «Пошли за грибами – пять суток блудили»; «два геолога так и пропали» и т.д.

Единственное, что узнали, – в двух километрах отсюда дом лесника. Решили ещё раз заночевать на этом же месте и пошли разведкой к леснику. Нас встретил довольно молодой мужчина – вдребодан пьяный (а было ещё утро!).

Он радостно снял со стены карту Канады, которая почему-то висела у него, и по ней стал объяснять нам, как лучше выйти в Хибины. Поняв, что всё безнадежно, мы вернулись в свой лагерь.

Вечером неожиданно к нашему костру пришли солдаты. Оказывается, рядом затаилась военная часть. Там оказались земляки из Москвы. Они принесли нам хлеб, лук, вместе с нами пели песни. Но точку нахождения указать отказались – нельзя рассекретить местонахождение части.

Утром, взяв все документы, мы пошли в воинскую часть к замполиту. Нас встретил очень симпатичный мужчина. Он понимал, что у меня 15 детей, что я отвечаю за их безопасность. Но... он отвечает тоже – военная тайна. Мы и так знаем слишком много – в каком районе стоят ракетчики. А уж точную точку – увольте!

Просто какой-то идиотизм! Так и ушли ни с чем. Обозлившись, решили идти на юг. Так или иначе, мы должны выйти в Хибины, а там разберёмся, где мы. И пошли... Четыре дня шли, выдерживая направление, строго на юг. И вышли.

Самое смешное, что пьяный лесник по карте Канады правильно пытался толковать нам, что выйдем в Хибины, если не оторвёмся от системы озёр. Но это мы поняли уже потом.

Мы интуитивно чувствовали, что от озёр отрываться не надо – несмотря на то, что местность над нами всё время «смеялась». Перейдём вброд протоку, пройдем километр – топь, надо снова переходить протоку. Перейдём её ещё раз, пройдем 500 метров – опять топь, надо переходить назад.

Наконец, наступил день, когда мы увидели горы. Но перед

Хибинские тундры. Ущелье Пайкуньяр

нами лежало топкое болото, которое пришлось преодолеть. Мы вышли в ущелье. Это оказалось ущелье Пайкуньяр, где находилось большое одноимённое озеро (в переводе Гольцовое).

И вдруг услышали явный звук мотора. К нам шла машина. Но это нереально. Откуда? Тут бездорожье. Может, мы заблудились?

И тут мы увидели вездеход. Завидев нас, он остановился. Мы тоже. С огромными рюкзаками, закутанные от дождя в полиэтилен мы, видимо, походили на марсиан.

Из кузова машины на нас растерянно глядели молодые парни в пробковых шлемах. «Американцы? – мелькнула мысль. – Десант?» (Это был период напряженных отношений с Америкой).

Несколько напряжённых секунд.

– Кто вы? – чистейшая русская речь.

– А вы?

Это был первый вездеход, который прокладывал летнюю дорогу из Кировска на Имандру – геологи.

Смеялись от души.

«Пожуём сухарики и подумаем...»

Говорят, что белые ночи плохо действуют на психику человека. Не знаю. Но то, что белые ночи притупляют бдительность, сглаживают чувство опасности – это точно.

Темно – значит страшно. А если светло и светит солнце, то какая опасность может грозить человеку?

...Близился конец нашего похода со школьниками по Хибинским тундрам. Были пройдены все сложные участки маршрута, и мы вышли в предгорье.

Закончен очередной день. Разбит лагерь. Поужинали. Но во всю светит солнце, и спать не хочется.

В группе было две девочки – Нина Семенова и Лариса Сабанова. Мы спали втроем в палатке. «Мы только в кустики», – шепнули они мне и выскочили из палатки. Но прошло полчаса, а девочки не возвращались.

Дежурные у костра ещё домывали посуду.

По тундре

– Видели, в какую сторону пошли девочки? – спросила я взволнованно – они отсутствовали уже 45 минут.

Из палаток вылезли все ребята. Стали кричать в сторону, куда они ушли.

Дул сильный ветер. И то ли наш крик не доходил до девочек, то ли мы не слышали ответа. Орали хором на все стороны горизонта.

Что делать? Нам оставалось только кричать.

Место нашего ночлега было на сухом взгорке, среди невысоких северных берёзок, а ниже – болото, озерко и опять взгорок. Мы когда встали, не обратили внимания: в какую сторону ни повернёшься – тот же пейзаж.

Прошло более двух часов. Мы уже охрипли от крика, когда, обессиленные, у еле тлеющего костра на землю плюхнулись две наши путешественницы. Они заблудились. Ушли в другую сторону. Ужас!

– Смотрим, – рассказывали они, – место вроде наше, а вас нет. Прошли немного – опять вроде бы наша стоянка. Взгорок, берёзки, озеро. А где вы?

Они кружили, кружили, поняли что заблудились, и Лариса сказала:

– Давай сядем. У меня в кармане сухарик, пожуём и подумаем.

Сели и увидели след рифленого ботинка «вибрам», который шёл от небольшого озера с хрустально чистой водой на взгорок. Поднялись на взгорок и на сырой почве увидели ещё следы. Так от следа к следу, страшась потерять направление, вышли к лагерю.

Вот что делает однообразный пейзаж и абсолютно сходная

ситуация местности. Взгорье, сырая ложбинка, кочки, кривые низкорослые берёзки. Это называется «заблудиться в двух соснах».

Но что мы все пережили!

ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ, 1966 ГОД

Так это же моя сволочь!

Перед нами была Манарага, в переводе «Медвежья лапа» – одна из красивейших вершин Приполярного Урала.

Перевалив через плечо Манараги, мы спустились по одному из правых притоков реки Косью в долину реки.

Здесь фактически закончился наш 257-километровый маршрут.

Но чтобы выйти в посёлок Косью, надо было пройти ещё 100 лишних километров.

...Когда маршрутно-квалификационная комиссия (МКК)

Приполярный Урал. Короткий привал

Городского клуба туристов утверждала нам маршрут III категории сложности, члены комиссии, в основном известные водники, крепко поспорили между собой.

«Каким берегом реки Косью выходить в посёлок?» – вот в чём была суть вопроса.

– Если они пойдут левым берегом Косью, где стоит первая изба известного местного охотника Мезенцева, – говорили одни, – то встретят рыбаков и их довезут до посёлка.

– Толик, – заседали на председателя маршрутной комиссии сторонники движения правым берегом, – тебе нужны трупы? Ты же понимаешь, что через Вангыр, бурный порожистый приток Косью, им не переправиться. Даже если они уйдут на 5 километров вверх по течению – Вангыр вброд не перейти.

В общем, большинство настаивало, что нужно идти правым берегом, который, хотя и заболочен, но не имеет крупных притоков, через которые надо переходить вброд. Так и утвердили.

*Приполярный Урал. Мы ее покорили!
Гора Народная – высшая вершина Урала.*

– Ничего, – подбадривали нас члены маршрутной комиссии, – 100 километров – ерунда. Три дня, и вы в Косью – рюкзаки-то уже лёгкие.

...Первые же километры «дополнительного» пути доказали, что никто из членов МКК правым берегом не ходил. Нам показалось, что здесь вообще до нас не ступала нога человека. Это был не путь, а тяжёлый кошмар.

Болото. Бурелом. И немыслимое количество притоков Косью, напоминающих осушительные каналы. Они казались бездонными. Чёрная вода на уровне берега, шест уходит в топь, глубину не определить. Заросли ивняка, берёзы.

Шли мы, нещадно ругая членов МКК, мокрые, угрюмые, безрадостные. И лес был мокрый, угрюмый, безрадостный. С трудом одолели пятнадцать километров в первый день пути.

В середине второго дня мы услышали шум моторных лодок. Через заросли ивняка выбрались из гущи леса к реке, так как двигаться берегом было вообще невозможно.

Радостно завопили во все глотки. Река неслась, гремела, мы боялись, что нас не услышат и лодки уйдут. Но рыбаки увидели нас и приветливо помахали рукою. Вскоре они подплыли к нам.

– Подвезти в Косью? – понятно спросили они. – А спирт есть?

У нас оставалось примерно граммов 150 спирта. Сказали, что спирт будет в Косью.

Они заспорили:

– Ну что такое 150 грамм спирта на двух таких мужиков?

Мужики действительно были крупные. Один с приветливым открытым лицом, кряжистый, надёжный. Другой сухопарый. В нём чувствовалась сила и какая-то угрюмость. Позднее Валентин Михайлович – мастер давать характеристики – утверждал, что это не иначе, как беглый полицейский, служивший у фашистов и скрывавшийся в глухомани от правосудия.

Он производил очень неприятное впечатление. От него хотелось держаться подальше. Уже потом мы поняли, что был он чем-то страшен.

Почему-то в лодке он, как удав, уставился на меня, и мне

было очень не по себе от его тяжёлого, мрачного взгляда. Но это потом. А тогда расселись по лодкам. Девочки, Толя Вилков и кто-то ещё – к «приветливому», а в нашей (у «полицая») – я, Валентин Михайлович, Боря Котов, Володя Малышев и кто-то ещё – не помню.

Рыбаки выпили спирт. Взревел мотор и лодка «приветливого» помчалась по реке.

А у нашего почему-то долго чихал мотор, что-то было там не в порядке. Мотор не заводился, «полицай» дёргал и дёргал какую-то верёвку. Наконец мотор заработал, и мы поплыли.

– Места у нас тут спокойные, – начал свой рассказ рыбак. – Вон тут, правда, четыре туриста утонули. Так сами виноваты, видят ведь – быстрина, а лезут... А там целая группа погибла, вынесло их на камни. Так ведь дураки. В лодке шест есть, посмотреть надо и вовремя оттолкнуться...

Он рассказал ещё несколько историй про их «спокойную» речку и дураков-туристов, которые погибли.

Я старалась на него не смотреть. Становилось просто нехорошо от его удавьевого взгляда – вот-вот придушит. Но в какой-то момент, услышав перебои в работе мотора, посмотрела. А «полицай», склонив голову на грудь, засыпал.

– Не спать! – закричала я, но было уже поздно. Он сполз с сиденья на дно лодки и захрапел так, что заглушил грохот реки.

– Скажи хоть, что надо делать? – Но «полицай» спал мёртвым сном. Видимо, до наших малых граммов рыбак успел принять изрядную дозу спиртного.

Мотор не работал. А нас несло течение на каменную гряду, разделившую реку на два мощных потока.

Володя Малышев, который «всё умел» и самоуверенно брался за любое дело, схватил шест, оттолкнулся...

...И, о ужас! Шест треснул пополам. Но, видимо, этот толчок всё-таки спас нас. Мы попали в какую-то струю правого потока, который был немного слабее левого. Нас крутануло – думали, перевернёмся. Но лодку вынесло на широкий песчаный пляж.

Мы выскочили на берег, не веря, что всё обошлось.

«Полицай» спал безмятежным сном. Я готова была его

убить. А сердобольный Боря Котов вытащил его из лодки на свой спальник: «Ну перебрал чуток мужик!».

Быстро темнело. Палатки остались у ребят в той лодке, ведра для варки пищи тоже. Но ни есть, ни спать не хотелось. Надо же пройти многокилометровый маршрут без ЧП и накладок и так расслабиться в конце!

Правду говорят, что все беды приходят, когда человек после напряжения расслабляется. Что делать дальше? Вернётся ли за нами тот рыбак?

А наш «полицай», чёрт его подери, храпел как ни в чём ни бывало.

Развели костёр, сидели и думали: сколько же может проспать этот пьянчуга? Вот ведь влипли! И как там наши?

Уже совсем рассвело, когда мы услышали шум мотора. Это плыл нам на подмогу «приличный» рыбак.

...В Косью сразу пошли узнавать насчёт билетов на Москву. Надо сказать, туристы для посёлка – большое событие. Жители очень сопереживают тем, кто ушёл на маршрут, волнуются, как бы чего не случилось. Кассирша на вокзале, очень милая и словоохотливая женщина, стала расспрашивать, все ли у нас здоровы, как понравились места, прошли ли мы свой маршрут, пришли ли своим ходом или подбросили? И как рыбаки – ничего ребята?

Ответили, что один очень приличный, а другой, наверное, полицай беглый, чуть нас не угробил.

Женщина заулыбалась, не отрицая мои слова о беглом полицае.

– Так это же моя сволочь! Спирт мужикам давали? Радуйтесь, что живы!

КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, 1966 ГОД

А вдруг взорвётся?

Четвёртый день наша группа идёт по Ловозёрским тундрам Кольского полуострова.

Четвёртый день с утра до ночи и с ночи до утра идёт противный надоедливый дождь.

Вокруг на много-много километров нет ни жилья, ни людей.

Серая пелена дождя. Серое беспросветное небо. Серые унылые камни. Кажется, никогда не кончится этот занудный дождь.

Серое, под стать погоде, настроение.

Несмотря на то, что мы полностью, вместе с рюкзаками, закутались в полиэтиленовые накидки, идём мокрые почти по пояс. Идем молча, километр за километром, по намеченному азимуту, сверяя свой путь по компасу.

Сегодня я проводник и иду впереди группы. Вдруг глаза, уставшие от серого однообразия, различают что-то белое прямо по нашему курсу.

Что это? – раздаются удивлённые голоса.

Что-то завёрнутое в полиэтилен. Первое впечатление – упаковка сухарей. Примерно такие же пачки сухарей, тщательно укутанные в плёнку, несем мы в своих рюкзаках.

Может, это туристы прошли и сухари потеряли?» – предполагает кто-то из идущих сзади.

Приближаемся. Уже чётко видно что-то наподобие ящика, завёрнутого в полиэтилен. Может, правда, сухари? Но что это? – от ящика в разные стороны тянутся какие-то провода. Даю команду остановиться и не подходить.

Может, здесь прошли геологи и потеряли какое-то взрывное устройство?

Робко делаю ещё несколько шагов к неизвестному предмету. Что делать? Разумнее обойти – пусть себе лежит, где лежало. Зачем рисковать? Но любопытство сильнее страха.

Ещё несколько шагов не проясняют ситуацию. Я уже нахожусь от непонятного предмета на расстоянии вытянутого альпенштока. Робко протягиваю альпеншток – вдруг взорвётся?

Трогаю осторожно находку. Взорвётся? Она легко сдвигается с места. Но ничего не понять.

И тогда я решительно альпенштоком переворачиваю предмет и под полиэтиленом читаю крупно напечатанный текст: «Товарищ! Вами обнаружен прибор для исследования космических лучей. Нашедшего очень просим доставить его по указанному адресу (указан адрес лаборатории по запуску космических зондов в г. Кировске). И более крупно: «Вас ждёт вознаграждение в сумме 5 рублей (на эти деньги в те годы можно было купить 2 килограмма «Докторской» колбасы)».

Пришествие всех развеселило. Дождь всё лил и лил. Но настроение стало совсем другим.

Несмотря на большой вес наших рюкзаков, берём ящик. Тщательно вытираем его и укутываем ещё в один слой плёнки.

Через несколько дней закончился первый отрезок нашего маршрута. Мы вышли «к людям» в посёлок Ревда. Поспешили на почту и отправили ящик по указанному адресу. А ещё приложили открытку, где писали, что через семь дней мы пройдем второй отрезок нашего маршрута, выйдем в Кировск и очень просим принять нашу группу на экскурсию.

...Когда, закончив свой маршрут, пришли в Кировск, на почте нас ожидало письмо – приглашение посетить лабораторию.

Это был одна из интереснейших экскурсий. Нам рассказали о работе лаборатории; показали образцы закупаемых зондов; зонды, залетевшие на нашу территорию из других стран. Рассказали, что очень немногие из запускаемых зондов удаётся обнаружить, так как они залетают в «ненаселёнку».

Кроме ценного оборудования, установленного в полиэтиленовом ящике, которое используется повторно, – очень важны записи, сделанные прибором. Мы выслушали тысячи благодарностей в свой адрес, получили вознаграждение и тепло расстались.

САЯНЫ, 1972 ГОД

Моя тётя на белом коне

За тысячи километров от Москвы, в самом сердце Азии, лежит сказочный край – Тува. Бурные полноводные реки и спокойная гладь озёр; дикая тайга и бескрайние знойные степи; экзотика полупустыни – песчаные барханы и верблюды; широкие просторы тундры и необозримые горы.

Красивые альпийские луга, где растут эдельвейсы, маки, жарки; манящая шапка Монгун-Тайги; узкие каньоны и широкие долины рек; грохочущие водопады на склонах; стада тибетских яков-сарлыков и диких оленей.

Край легенд, несметных богатств, смелых чабанов и охотников. Именно там проходили в 1972 году Всесоюзные сборы работников детского туризма. Участники сборов проходили зачётные маршруты второй–четвертой категории сложности.

Мы с Валентином Михайловичем и Юрой Каменецким были в составе группы, совершавшей поход 4-й категории сложности по Западному Саяну.

Маршрут: Шуй – река Сайлихем – перевал Шапшальский (высота 3100 м) – озеро Джулу-Куль – Урочище Ледниковой гривы – озеро Гладкое – р Узун – Оюк – перевал Юных туристов (высота около 3000 м) – перевал Кара – Тасырган (высота 2441 м) – р. Козер – озеро Ташту-Холь – р. Чуль-Ча – озеро Кара-Холь – посёлок Кара-Холь. Протяжённость маршрута 261 км.

В составе 18 человек – участников похода были местные туристы, представители Ленинграда и других территорий.

Среди местных был турист-второразрядник Барат-Делег-Оол. Заслуженный учитель республики, отец большого семейства (было у него трое детей). Крепкого телосложения, коренаст, но необыкновенно изящен. Был молчалив и необыкновенно серьёзен, несмотря на свои 25 лет. Хорошо пел и виртуозно исполнял национальные танцы.

Наши девушки пытались разучить тувинские танцы, но рядом с ним смотрелись смешно и тяжеломерно.

...Прошли Шапшальский перевал. Мы уже на Алтае. Проходим озера Джулу-Куль, Гладкое. Путь тяжёлый, однообразный.

Хочется увидеть что-то радующее глаз, но вокруг только осатаневшая карликовая берёзка, хватающая за ноги и мешающая движению.

На коротком привале Барат-Делег-Оол, вглядываясь в даль, вдруг говорит: «Вот едет моя тётя на белом коне». Воспринимаем это как неудачную шутку, вежливо улыбаемся.

Ещё 45 минут пути. Снова короткий привал. И опять Барат-Делег-Оол, вглядываясь в даль, без всяких эмоций повторяет свою фразу: «Вот едет моя тётя на белом коне».

Удивлённо смотрим и уже не улыбаемся.

Снова идём по надоевшей карликовой берёзке. Кончится ли она когда-нибудь?

И вдруг в однообразном пейзаже что-то изменилось. Вдалеке показались какие-то движущиеся точки. Они то появлялись, то исчезали, то опять появлялись.

Прошло ещё несколько минут, и мы увидели трех всадников. Они, как три сказочных богатыря, то поднимались на высокий холм, то надолго исчезали в низине.

Это оказались тувинцы – двое мужчин и женщина на белом коне. Только Барат-Делег-Оол прирождённым острым взглядом охотника смог их разглядеть на таком расстоянии. Всадники спешили. Были в гостях на Алтае, теперь возвращаются домой.

Женщина – тётя Барат-Делег-Оола – знаменитый чабан республики Тува. Просит его перевести нам (по-русски не говорит), что награждена орденом Красного знамени. У неё в отаре 378 овец. На 100 голов она получила 132 приплода. И ещё добавляет с гордостью, была в трех городах: в столице Тувы – Кызыле, Красноярске и Москве.

Всадники достают из сумок, висящих на животах у лошадей, водку из кислого молока, сухие лепёшки из овечьего сыра и просят нас отметить встречу. Делаем несколько глотков, закусываем лепёшкой и тепло расстаёмся.

Всё тот же пейзаж и та же карликовая берёзка, цепляющаяся за ноги и мешающая движению, будто говорит нам: «Не пуцу!»

А на сердце стало как-то веселее после встречи с тётей на белом коне.

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Посетитель

В туристский кабинет входит юноша. Привычно достаю журнал регистрации посетителей и спрашиваю:

- Школа? Класс? Фамилия?
- 29 спец, 9-й класс. Трупп.
- Как? – переспрашиваю я.
- Трупп. Через два «п», – почти с вызовом отвечает парень. Весело жить с такой фамилией!

Перестань смеяться!

Свой первый летний туристский лагерь школа № 36 организовала совместно со школой № 50. Из 36-й школы 20 учащихся, я и начальник лагеря – учитель математики Василий Михайлов; из школы № 50 – 10 учащихся и учитель физкультуры – крупный, грубоватый мужчина Иван (отчество не помню) с очаровательной десятилетней дочкой, которую звали Греза. (Греза Ивановна, конечно, звучит!)

Лагерь находился на высоком берегу реки Вори, недалеко от деревни Мутовки. Мы жили в большой армейской палатке, где были построены нары, на них стелили матрасы.

Так повелось, что перед сном, поочередно, мы рассказывали какие-то страшные или смешные истории и под этот рассказ все засыпали.

И вот очередной рассказ. Что-то очень смешное. Взрывы хохота, нары трясутся. И вдруг сонный бас Ивана:

– Греза, перестань смеяться! Ты трясешься так, будто едешь на мотоцикле!

Какая женщина!

С этим Иваном связана еще одна история. Строить лагерь выезжала рабочая бригада, где был он, я и 10 крепких умелых парней. Ехали в кузове грузовой машины, на которой вывозили имущество лагеря и стройматериалы.

У ВДНХ машина долго стояла в пробке. И тут Иван увидел знаменитую скульптуру Веры Мухиной «Колхозница и рабочий». И она его сразила.

– Вот это женщина! – воскликнул он, – Вот это да! С такой и прогуляться не стыдно!

Она на добрые слова бурно реагирует

Был жаркий майский день. В туристском кабинете Дома пионеров, на втором этаже красивого особняка в Земледельческом переулке, распахнуты окна.

Входит девушка-старшеклассница. Она пришла за маршрутом похода для своего класса.

А в открытое окно доносится жалобный собачий лай, переходящий в плач.

– Что же там с собакой делают? – Я подхожу к окну, но вижу только противоположную сторону переулка.

– Это моя плачет, – смущенно говорит девушка, – не хочет одна оставаться, боится.

– Надо было ее взять с собой.

– Правда? – радостно восклицает девушка. – Я думала, вдруг неприятно или будут бояться. А можно, я ее приведу?

– Конечно.

Девушка убежала и привела с собой молодого, но довольно крупного боксера.

– Бедная собачка, – сказала я, – бросили тебя одну, а ты такая красивая, такая хорошая.

Собака дернула поводок из рук хозяйки (я стояла по одну сторону стола, а они по другую), прыгнула на стол, положила лапы мне на плечи и стала лизать мое лицо и руки.

– Ой, – растерянно сказала девушка, – я забыла предупредить: она на добрые слова очень бурно реагирует.

Но я уже была вся обслюнявлена благодарным псом.

Мне полковника Милашкина

Жизнь сводила и разводила нас со многими людьми. По-разному складывались отношения. Одно время мы с Валентином были очень дружны с Валей Шляковым. Чиновничье чванство и самодурство пришло к нему потом, намного позже, когда он стал большим начальником – директором Центральной детской экскурсионно-туристской станции СССР.

Так вот, мы были очень дружны, вместе проводили слеты и соревнования двух районов – Фрунзенского (Ленинского) и Ждановского, практические занятия и учебу кадров на их базе в Расторгуеве. Шляков был веселый, заводной придумщик.

Звал он меня обычно «Милаша» или «Милашка».

Однажды вечером в туркабинете зазвонил телефон. Взяла трубку.

– Мне полковника Милашкина!

Голос мне показался знакомым, и я весело ответила:

– Полковник Милашкин у телефона!

– Не понял, я просил полковника Милашкина.

– Валя, хватит придураться. Я слушаю.

– Кто там у вас снимает трубку? Это из первого отдела Министерства иностранных дел. Срочно к телефону полковника Милашкина!

Бывают же такие ошибки!

Здесь продается славянский шкаф?

В Серебряном переулке, в помещении Главного управления народного образования г. Москвы, где мы живём на 1-м этаже, событие – устанавливают наружный лифт. В стене огромный пролом, он начинается с площадки между 1-м и 2-м этажами. Здание закрыто. Этажи перекрыты. В пролом можно подняться, если найти лестницу или верёвку.

– Никто к нам не залезет? – спрашиваю Валю. Он не успевает ответить – громкий стук в дверь из холла первого этажа, а именно там пролом!

Время близится к 23-м часам. В здании, кроме нас, никого нет.

Мне не по себе. Надо же – накаркала! Но твердым голосом спрашиваю:

– Кто там?

Грубый мужской голос отвечает вопросом:

– Здесь продается славянский шкаф?

– Здесь ничего не продается, – резко отвечаю я, – шли бы вы своей дорогой.

– А шпион живет этажом выше? – Голос кажется знакомым.

– Какой шпион?

Слышу смех. Распахиваю дверь. На пороге – Виталий Ярошенко с очередной молодой девой:

– Шли мимо, решили заглянуть.

Пили чай. Смеялись.

Телеграмма

Но отношения с Ярошенко перестали быть добрыми, когда он стал директором Московской городской детской экскурсионно-туристской станции (Мосгордэтс). Диктатор, он призывал к одному: «Делай как я!» «Делай только как я!»

Мы считали, что работаем правильно. У нас были многолетние сложившиеся традиции и своя система работы, положительные результаты которой мы видели в росте туристско-краеведческой работы школ. Ломать мы ничего не хотели. Поэтому шла война. Шёл постоянный бой и открытая вражда. На каждом методическом объединении и вообще везде, где только можно, Виталий шпынял нас, старался поддеть, подколоть. Мы, конечно, заводились с половины оборота. Честно говоря, мы не отставали и откровенно подчеркивали свою неприязнь к директору станции и его диктаторским замашкам.

О былой дружбе и не вспоминали. Мы люто ненавидели друг друга.

Был день моего рождения. В разгар застолья раздался звонок в дверь. Валентин вышел и вернулся, протягивая мне телеграмму.

– От Ярошенко, – многозначительно сказал он.

На минуту я потеряла дар речи.

– Читай! Читай! – заторопили меня гости.

Читаю: «Станция юных туристов приветствует и поздравляет славного юбиляра тире праведника тчк желаю продолжения неустанной борьбы на благо московских юных туристов зпт моего благополучия и авторитета тчк целую директор Виталий Ярошенко».

Верчу в руках бланк телеграммы, перечитываю текст. Валя все разыграл здорово! Но обратила внимание на адрес: «Москва, Кремль» и на одну букву, которая выглядывала из-под напечатанных и наклеенных строчек.

И все же розыгрыш удался!

До чего же она стройна!

Собака Таймыр была постоянной спутницей наших малых и больших походов, поездок, соревнований. Очень азартная,

она могла до бесконечности бегать за палкой, которую ей кидали. За палкой она самоотверженно бросалась в любые заросли, в воду. Доставала и, радостно повилывая хвостом, бежала к кидающему. Клала палку у его ног, отходила в сторону, ложилась, брала в зубы какую-то дань – листочек, окурок, веточку – и ждала следующего броска.

Уже рука отваливается от многочисленных киданий, а она неутомима!

Как-то заведующий туристским отделом Городского Дворца пионеров, главный судья городских туристских слетов, Матус Иосифович Край-

Наш Таймыр

ман вывез всех в Ступинский лагерь. Мы хотели собирать грибы, Куликов – снимать карту нового полигона, а Крайман – еще больше сплотить судейский коллектив.

Ранним утром собирались у одного из домиков. Таймыр, как обычно, притащил палку, и, пока ждали опаздывающих, не терял времени даром.

Среди нас была супружеская пара – работники Дворца пионеров. Он – электрик, обычно обслуживающий туристские слеты. Она – женщина плотного телосложения – на слетах работала поваром.

Я устала кидать Таймыру палку. Меня сменил электрик. Его жена долго смотрела на собаку, потом сказала восхищенно: «До чего же она стройна!»

На что муж ей ответил: «Ты бы побегала столько раз за палкой, была бы такой же стройной».

Найдёныш

В полночь, вернувшись из гостей, вышла гулять с Таймыром на Зубовский сквер. Как обычно, собака гонялась за палкой. Я была сосредоточена на том, чтобы увидеть, куда палка упала – на случай, если Таймыр её сразу не найдёт.

И вдруг увидела, что по Пироговке, в сторону Садового кольца, мчится собака. Она добежала до проезжей части и понеслась обратно. И так несколько раз, а потом села на троллейбусной остановке и заплакала в голос, как ребёнок.

– Ты что, глупая, потерялась? – спросила я. Собака уткнулась в мои колени.

Она была с ошейником, с поводком.

Таймыр, всегда очень агрессивно настроенный к любой собаке, проявил собачью солидарность – не лаял, не кидался. Я взяла поводок, дождалась троллейбуса в ту и другую сторону – думала, может, кто-нибудь приедет за собакой.

Прибежал Валентин: «Куда ты делаешь?» Он увел Таймыра, а я ещё с полчаса ходила с найдёнышем – вдруг прибежит хозяин? Но никто не прибежал.

Когда пришли домой, собака выбрала место за дверью, в

углу прихожей под книжными полками. Она свернулась калачиком, положила морду на лапы и, не отрываясь, смотрела на меня. В глазах слёзы. Казалось, она сейчас скажет: «Только не гони меня!»

Можно только догадываться, что ей пришлось пережить!

На многочисленные объявления, которые мы развесили везде-везде, откликнулись несколько человек. Но это была не та собака, которую они искали. И они ещё не теряли надежду найти свою.

Когда стало ясно, что хозяин не найдется, что этого симпатичного метиса терьера, скорее всего, бросили (был конец августа, все возвращались с дач) и что, конечно же, мы его не выгоним, встал вопрос о имени.

– Как же тебя зовут? – спрашивал Валентин. – Белка? Стрелка? Жучка? Рыжик?

Собака поднимала голову, смотрела внимательно, очень грустно, и ложилась в угол, который облюбовала.

Как-то к Марине пришли гости. Тане принесли большую плитку шоколада, которую она положила на низкий журнальный столик у них в комнате.

Когда гости ушли, Мариша воскликнула:

– Тата, ты с ума сошла – съела сразу огромную плитку шоколада!

– Нет, я не ела, – ответила дочка.

Когда стали убирать посуду, увидели под столиком обёртку от шоколада.

– Так это ты съела шоколад? – рассердился на собаку Валентин. – Сейчас я тебе покажу Кузькину мать!

И вдруг собака радостно завизжала и запрыгала вокруг него.

– Значит, ты Кузя? – спросил Валя.

Найденыйш радостно завилял хвостом. Так у нас появилась собака с мужским именем Кузя, хотя была она девочка.

Девочка, ты танк?

На пионерском туристском слете, который проходил в Наро-Фоминском районе с привлечением солдат и техники знаменитой Кантемировской дивизии, Матус Иосифович Крайман придумал на соревнованиях по ориентированию на трех контрольных пунктах поставить военную технику. А пункты так и назвать: «Танк», «Танкетка», «Бронетранспортер». Участникам соревнований объяснили, что на трассе соревнований они встретят настоящую боевую технику. Но дети, привыкшие к условностям, видимо не очень поверили в это или что-то не поняли.

На один из контрольных пунктов из леса вышла группа. Увидев палатку, а возле неё девочку-судью, командир группы решительно направился к ней.

– Девочка, ты танк?

– Не-не, – девочка ничего не поняла.

– Значит, ты танкетка?

– Не-не...

– Ура! Ты точно – бронетранспортер! Ребята, мы вышли на свой КП! Скорее сюда, будем отмечаться!

Где наша доблестная Советская армия?

На туристском слете старшеклассников штабом было решено провести военную игру. Кроме членов штаба о задумке никто не знал.

Около 4-х утра лагерь был поднят по тревоге. Было приказано быстро построиться группам вместе с руководителями. Начальник штаба на полном серьезе объявил, что американцы в таком-то квадрате выбросили десант. На сборы 30 минут. Взять компасы, аптечки. Каждая группа получит карту с нанесённым квадратом, где следует обнаружить десантников. Группу будет сопровождать военный радист, чтобы сообщить о десанте. Зябко поеживаясь от утренней прохлады, ребята внимательно слушали.

Сидоров Сергей Сергеевич, хорошо поддавший с вечера, не выспавшийся и поэтому особенно злой, возмущался:

– А почему мы? Где же наша доблестная Советская Армия?

Через 30 минут все группы выступили на поиски десанта. Никто и не подумал, что это игра.

Бью сапогом по морде?

На смотре готовности к летним многодневным походам Игорь Леонидович Радушинский судит «Туристские навыки» (быт). Финиширует одна из групп. Для проверки правильности укладки рюкзака он выбирает одного из участников. Его рюкзак напоминает плохо оформленный магазин, где всё небрежно выставлено на показ. Снаружи, на одном из карманов, висит котелок и кружка, на другом – болтаются кеды на длинных шнурках. Из большого кармана, оттягивая рюкзак назад, опасно торчат колышки для установки палаток, а под клапан рюкзака засунуты большие резиновые сапоги.

– Это что за гастроном? – насмешливо спрашивает Игорь Леонидович.

Владелец рюкзака молча переминается с ноги на ногу.

– Почему вещи не убраны в рюкзак?

– Не лезут...

– А если я уложу, тогда бью тебя сапогом по морде?

Посмотреть представление прибегают зрители из других групп. Под прицелом десятков глаз Радушинский быстро и ловко укладывает все вещи в рюкзак.

– Ну что, бью сапогом по морде?

Зрители хохочут. Незадачливый турист что-то бормочет нечленораздельное.

К ланям

Одним из любимейших маршрутов школьников района был маршрут в питомник ланей, созданный в одном из микрорайонов города Зеленограда, близ деревни Ржавки.

Нужно сказать, что мы широко пропагандировали его – привозили и приводили туда директоров и организаторов

внеклассной работы школ, учителей – туристических организаторов, старших пионервожатых. Сотни туристских групп побывали в этом замечательном уголке.

Отрабатывали мы на этих маршрутах варианты движения группы «по описанию пути». Так неопытному руководителю группы было не страшно заблудиться, он имел точное описание пути, по которому надо двигаться, лишь иногда проверяя правильность движения по компасу.

А начиналось всё так: В газете «Ленинское знамя» я прочитала, что в Зеленограде создан питомник ланей. Сюда с Дальнего Востока для акклиматизации привезли дальневосточных ланей и разместили в специальных вольерах на большой территории; поставили заградительные сетки, оборудовали места подкормки и т.п.

Было решено разведать и подробно описать маршруты в питомник.

И я отправилась на разведку. Один из маршрутов проходил от станции Малино, где лесной массив начинался сразу у железнодорожной платформы, и не было населённых пунктов.

От станции, ведя подробное описание пути, я вскоре вышла на лесную просеку. По ней дошла до красивого лесного озера, где раньше был дом лесника.

В те времена в одиночку ходить было не страшно, и я спокойно шла по лесу, наслаждаясь пением птиц и красотой природы. Раскидистые сосны, красавицы ели, весёлые берёзы – лес был необыкновенно хорош.

Обойдя озеро слева, снова вышла на просеку, которая вывела меня на высокий берег реки Сходни. Спустилась вниз, по мостику перешла речку, пересекла большую луговину и вышла на тропу, шедшую в северо-восточном направлении.

Здесь, на низком берегу реки, преобладали заросли ивы, ольхи. Лес стал сырым, тёмным, каким-то мрачным. Тропа вывела меня на старую лесную дорогу. Достала компас, чтобы измерить азимут и вдруг услышала треск кустарника – кто-то ломился через чащу. Лось! – подумала я. Но это был не лось. Из кустов прямо на меня шёл огромный, распухший от пьянки мужик, видимо, отсыпавшийся в кустах.

От неожиданности он остановился, а я, испугавшись так, что дрожали коленки, решила, что лучший способ обороны – это нападение.

– Если я пойду налево, куда выйду?

Он протер кулаком глаза:

– К шашлычной!

Осмелев чуть-чуть, спросила:

– А если направо?

– К закусочной!

– А прямо?

– К пивному бару! – Он, кажется, чуть-чуть протрезвел. – А куда надо?

– К пивному бару! – И на дрожащих коленках я решительно зашагала прямо.

Через несколько минут быстрой ходьбы я вышла на окраину Зеленограда. И здесь только, увидев людей, поняла, как испугалась.

До питомника ланей оставалось меньше километра пути.

Три буквы

На днях узнала: ушёл из жизни хороший, добрый, весёлый человек – Павел Андреевич Муратов, учитель физкультуры 70-й, а потом 36-й школы.

И в памяти выплыл такой эпизод.

На станции Скоротово, на берегу реки Халявки, проходил очередной смотр готовности к летним многодневным походам. Среди опытных туристов, планирующих побывать на Урале, Кольском полуострове, в Прибалтике были и новички – участники пятидневного похода по Московской области.

На опушке леса натянут лозунг «Дорогу осилит идущий», а под ним – доска со сводным протоколом смотра готовности. Здесь перечислены все тринадцать пунктов программы смотра, по которым участники должны показать степень своей готовности к запланированным маршрутам. По некоторым пунктам уже проставлены баллы.

У доски стоит растерянный Павел Андреевич. Он первый

раз на смотре и первый раз идёт с учащимися в пятидневный поход по Подмоскovie.

Подхожу к доске, и он смущенно спрашивает:

– Документация – понял. Питание – понял. А что за слово из трёх букв никак не пойму, – и показывает 3 буквы в одной из граф сводного протокола – «О.П.Д.»

– Так это же описание пути движения! Главный судья смотра готовности – Валентин Михайлович – очень любит различные сокращения – детям так интереснее!

А я не боюсь

Решила в один день успеть познакомиться с работой двух школьных летних туристских лагерей, расположенных на реке Воре – 27-й школы близ деревни Каблуково (Фряновское шоссе) и 36-й школы близ деревни Мутовки по Ярославской железной дороге.

Из благоустроенного «Комарграда» школы № 27 дошла до бетонки и на попутках отправилась до железной дороги.

Вдоль бетонки красивые лесные массивы, нет жилья – путь неблизкий. Водители охотно подсаживали, расспрашивали кто, куда и зачем.

– Замужем? – спросил один после вопросов о работе.

– Нет.

– Ясное дело, какому же мужику понравится, чтобы его баба одна по лесам шастала.

На перекладных добралась до лагеря 36-й. Он размещался на той же горке на высоком берегу реки Вори, где был и в то время, когда я работала в школе. Поговорила с ребятами, осмотрела территорию. Время близилось к вечеру. Долго уговаривали меня поужинать, «а мы потом проводим до станции».

– Да я не боюсь, – беспечно ответила я. – Сколько лет провела здесь, тропки все знакомы.

Поужинали. Ещё поговорили. Темнело.

Пошла единственной улицей деревни Мутовки. Тихо. Темно. Ни одного человека. Подумала: «А где же дачники?». За деревней шёл покатый спуск к мостику через реку Ворю.

Я была уже на середине мостика, когда какая-то необъяснимая тревога заставила меня оглянуться.

Оглянувшись и увидела на горке крупного мужчину. Единственное, что выхватил взгляд – брюки, заправленные в сапоги, и в руках авоська.

Почему-то стало ужасно страшно.

До станции оставалось больше 2-х километров. Знаю, что людей там нет. Ему-то с горки, а мне – подъём в гору, пересечь шоссе и идти один километр глухим лесом, который и днём-то мрачен и неприятен.

Я прибавила шаг. Бежать боялась – нельзя показывать, что страшно.

Не оглядываясь, влетела в гору. Наверное, установила рекорд по скоростной ходьбе. Уже видны были огни станции, когда я явственно услышала за спиной его шаги.

На последнем дыхании поднялась на одну, на вторую ступеньку платформы. И перевела дух. На платформе были люди.

В эту минуту мне на плечо легла тяжёлая рука.

– Ну и здорова ты шагать, никак догнать не мог – думал вместе дойти до станции веселей!

Я оглянувшись. На меня приветливо и открыто смотрел молодой мужчина – широкая улыбка, добрые глаза.

Подошла электричка. Надо же было так перетрусить!

Сублимат

Наш маршрут III категории сложности по Панским Тундрам Кольского полуострова начинался с длительных переездов: Москва–Апатиты – поезд; Апатиты–Кировск – поезд; Кировск–Титан – поезд; Титан–ст.Умба (посёлок Октябрьский) – мотовоз; станция Умба–«посёлок 45 километр» – попутка; посёлок «45 километр»–посёлок «82 километр» – попутка.

Отсюда мы выходили к истокам реки Цаги, к реке Марь-Йок, к горе Чуарвы, к Чурозеру и далее – 283 километра за семнадцать ходовых дней по «ненаселёнке», где нет жилья и людей.

В посёлке Октябрьский, пока мы отмечали документы и до-

Панские тундры. Бивуак в лесотундре

говаривались насчёт попутной машины, наш завхоз по питанию посетил местный магазин и пришёл радостный: «В магазине есть сублимат, – заявил он, – и продавщица очень любезно согласилась обменять его, с доплатой, на тушёнку».

Дело в том, что сублимат (сублимированное – обезжиренное мясо) было большим дефицитом, и в Москве мы его не достали.

Продавщица поменяла всю нашу тушёнку на сублимированное мясо. Заплатили мы разницу в стоимости в сумме 18 рублей (тогда это были деньги!). Радостно подхватили свои неподъемные рюкзаки, каждый из которых облегчился на 2 килограмма. Погрузившись в попутку, поехали в посёлок «45 километр».

Посёлок почти брошен – много заколоченных изб. Но есть магазин и почтовое отделение.

В 250 метрах от посёлка на реке Сейда остановились на обед. Меню № 1 у нас было молочное. В этот день по кухне дежурили я и Валентин Михайлович. Он уговорил завхоза на первый обед сделать кашу не молочную, а мясную. Завхоз согласился и выдал два пакета сублимата: «Гулять так гулять!»

Меня всегда ужасно раздражала Валина привычка – преж-

де чем что-то съесть он, как собачонка, тщательно обнюхивал еду своим не маленьким носом. Так было и в этот раз. Валя разорвал пакет из фольги, в который герметично было упаковано мясо, и первым делом засунул туда свой нос. Что-то ему не понравилось, он отвернулся и снова стал обнюхивать содержимое пакета.

– Да что ты его нюхаешь? – разозлилась я.

– А ты нюхни, – и он протянул мне пакет.

– Ну тебя, – отмахнулась я, помешивая кашу. – Давай засыпай!

– Нет, ты нюхни, – настаивал он, – Чем-то плохим пахнет.

Я понюхала и ужаснулась – пахнет падалью, щепотка мяса напоминала что-то разложившееся. А когда со дна пакета достали бумажку с аннотацией, нам буквально стало плохо – срок хранения мяса истёк пять лет назад.

Какой же надо быть гадиной, чтобы всучить людям, уходящим далеко от жилья, просроченный продукт? А мы обрадовались, что избавились от тяжёлых железных банок, и потеряли бдительность.

На наше счастье в посёлок Октябрьский отправлялась машина с почтой. Водитель Лобанцев, возмущённый махинацией продавщицы, обещал нас подбросить до посёлка «82-й километр» после того, как отвезёт почту.

С ним в Октябрьский отправились завхоз Юра Батурин и Юрий Николаевич Щёбёнков. Увидев их, продавщица сначала побледнела, а потом стала утверждать, что никакого обмена не было – тушёнку и деньги она не брала.

Наши мужчины заявили, что обмен был при свидетелях, что её махинация чуть не закончилась трагедией и что её надо судить за попытку убийства целой группы, что они пойдут в поселковый совет и организуют ревизию, чтобы выяснить, зачем пять лет хранить испорченное мясо.

Тогда продавщица разрыдалась, просила не губить её, так как у неё дети и т.д., и вернула всю тушёнку и деньги.

Шофёр Лобанцев, как обещал, за соответствующую плату довёз нас до бывшего посёлка «82-й километр».

Дорога к посёлку представляет собой заброшенную на-

сыпь от 52-го километра действующей железной дороги Титан–Ревда. Дальше её заключённые построить не успели. Машину трясло так, что мы были сплошь в синяках и потом несколько дней вообще не могли сидеть.

Заночевали на р. Цаге. А утром радовались солнцу, новому дню и Валиной «скверной» привычке – обнюхивать еду, что спасло нам жизнь.

Белая машина

В 1977 году туристская группа «Таганай» 36-й школы установила имя лётчика, погибшего в конце октября 1941 года в неравном бою у села Васильевское. Проведя трудный кропотливый поиск, ребята собрали свидетельства, документы и увековечили память одного из героических защитников Москвы – Николая Гурьева. Разыскали однополчан и родных лётчика. На месте его гибели и на кладбище, где он похоронен, были установлены мемориальные доски с его именем.

Надо ли говорить, что мы всячески пропагандировали маршруты походов в село Васильевское? Во-первых, как пример удачного поиска; во-вторых, как места боёв за Москву; в-третьих, как необыкновенно красивые места – долина Москвы-реки; в четвёртых – здесь детские годы провёл А. Герцен. В «Былом и думах» он писал: «Я не видел мест изящнее Васильевского».

И правда, места здесь потрясающей красоты!

Не удивительно, что один из учебных походов, которые мы

Панские тундры. Еловая тайга

регулярно проводили для старших пионервожатых, был в село Васильевское.

График похода был довольно плотный: мы прошли первую часть маршрута, возложили цветы к мемориалу на месте гибели лётчика и на его могилу.

Приготовили обед в ближайшем лесочке, поели и двинулись дальше. Но когда подошли к подвесному мостику через Москву-реку, вышла осечка.

Нужно сказать, что этот мостик – давнее страдание этих мест. Ежегодно его смывает паводок, хотя он вроде бы и достаточно высоко поднят над водой. Но, как правило, его ремонтируют тят-ляп, а так как по нему пытаются проехать и лихие мотоциклисты, и смелые велосипедисты, бывает, что где-то в середине моста выломаны доски. Это, с учётом того, что мостик даже при одном пешеходе раскачивается довольно сильно, создает определённые трудности.

Короче говоря, на мосту мы застряли. Наш чёткий график дал трещину. Первая по мосту прошла я, убедившись, что можно преодолеть отсутствие двух досок. Прошла и дала команду двигаться следующему (а нас было 20 человек). Галя Федякина, вожатая школы № 54, прошла опасный участок, и я крикнула, чтобы начинал движение следующий участник.

И тут со стороны санатория имени Герцена к мосту подошли две женщины. Узнав, что наш дальнейший путь лежит до станции Санаторная, женщины запричитали: «Ой, одни девочки. Ой, не ходите! У нас тут женщин крадут». И скороговоркой поведали, что тут ходит какая-то белая машина, в районе Чапаевка–Санаторная, и что у них исчезли уже четыре женщины. Эта машина их похищает.

Была середина сентября. Надвигались сумерки. Наверное, это было глупо, но я приняла решение – с маршрута не сходять. Гале, которая слышала окончание страшной истории, наказала молчать и ничего не рассказывать девочкам.

Когда все переправились я, не дав девочкам унять дрожь в коленках после перехода моста с ужасной дырой посередине, дала команду двигаться дальше.

Уже совсем стемнело, когда мы подошли к деревне Григоро-

во. По берегу реки Москвы сидело много рыбаков. Один даже заругался, когда кто-то включил фонарик: «Рыбу распугаешь».

От крайних домов деревни к станции Санаторная полем шла дорога – 2,5 километра. Мы успели пройти не больше километра, когда Галя схватила мою руку и крепко сжала её. По дороге, пересекающей нашу и идущей вдоль железной дороги, примерно в километре от нас, медленно двигался (словно кого-то высматривая) белый фургон.

– Всем стоять на месте, не разговаривать, фонари не включать! – Я сказала всё это таким голосом, что испуганные девочки замерли на своих местах. Только Галя крепко сжимала мою руку и отпустила её только тогда, когда машина скрылась из виду.

Быстрым шагом дошли до станции. На счастье, скоро подошла электричка. И только в вагоне мы перевели дух и рассказали девочкам страшную историю.

Не дадут колбаски купить

Пройдя маршрут по югу Украины: Херсон–Бучский лиман–Николаев–Ольвия–Очаков, мы прибыли в Одессу. Здесь первым делом помчалась на почту, где нас ждали письма. Мне тоже было несколько писем от Валентина Михайловича, где он писал, чтобы мы в Одессе смотрели в оба, т.к. экскурсионную группу 36-й школы под руководством И.А. Вербы крупно обокрали, и вообще в Одессе сплошные жулики.

В городе мы по заданию музея Революции собирали материалы о Героях Советского Союза – участниках форсирования Днепра. Работали группами по два человека – ходили по адресам, записывали воспоминания ветеранов войны. На «работу» уходили пораньше, пока не очень жарко, и ближе к вечеру. А днём, в самое жаркое время, собирались в условном месте, шли на пляж – загорать и купаться.

Проявляя бдительность, складывали вещи в кучу и ложились «звёздочкой» лицом к вещам, где внизу лежали фотоаппараты. Купались по группам – одна купается, другая – сторожит.

Но жуликов не было видно. Одесситы – весёлые, общи-

тельные, доброжелательные, даже отдалённо не напоминали непорядочных людей.

Нас было 17 человек: 15 мальчиков – кружковцев Дома пионеров, я – руководитель и помощник руководителя Марина – выпускница 36-й школы, моя походница, прошедшая со мной по дорогам Сталинградской области, Орловщины, Прибалтики. Чтобы не мешать самостоятельности ребят, мы с Мариной составили очередную пару.

Задание выполнялось легко, были составлены специальные вопросники, по которым вели беседу. Надо сказать, что задание ребята выполняли с удовольствием. Во-первых, встречались с необыкновенными людьми – настоящими героями; во-вторых, тогда туристы-поисковики были в диковинку, и в каждой семье ребят встречали потрясаяще – так, что и уходить не хотелось.

Так жили мы в Одессе уже семь или восемь дней. Выполнение задания шло к концу. Настроение было отличное.

В один из дней, после выполнения вечернего задания, мы с Мариной, возвращаясь домой, решили зайти в гастроном и купить колбаски к ужину.

В колбасном отделе стояла небольшая очередь – человек 8–10. Мы встали в хвост. Люди в очереди о чём-то говорили, продавщица весело балагурила, прилавков благоухал колбасными ароматами.

Оставалось перед нами ещё 3 покупателя, Марина отошла от меня к окну, а я, расстегнув две верхние кнопки планшета, где лежали деньги, держала его у груди.

Неожиданно в очередь впереди меня стал вклиниваться мужчина лет сорока, в добротном сером костюме, довольно приятной наружности.

Спину впереди стоящего я помнила хорошо, к тому же из очереди не уходила. Но мужчина нахально лез впереди меня.

– Вы здесь вроде бы не стояли, – робко сказала я.

– Нет, стоял.

Было жарко, мужчина снял пиджак, перекинул его через руку, и я с ужасом увидела, что его вторая рука из-под пиджака лезет ко мне в планшет, где лежат деньги. Мужчина смот-

рел мне прямо в глаза, словно гипнотизировал, а рука уже почти залезла в планшет. А меня словно парализовало.

И тут Марина, оценив ситуацию, бесстрашно кинулась между мной и мужчиной.

– Эй, дядька, куда лезешь, ты здесь не стоял! – Видно, главным в этой фразе было слово «лезешь».

– Ну вас, колбаски не дадут купить! – И мужчина быстро пошёл к выходу.

И когда он был за дверью, люди, которые стояли впереди, и те, что были сзади, дружно кинулись меня отчитывать:

– Он к вам лезет, а вы молчите! – Они, оказывается, всё видели, а сказать боялись.

Надо же, такой симпатичный на лицо ворюга, а мы-то ждали бандитские морды! Я медленно отходила от шока...

В КГБ не шутят

Наш маршрут по Орловщине, по местам боёв 85-го миномётного полка, закончился в городе Орле. Здесь мы провели 10 дней, собирая свидетельства-воспоминания о событиях Великой Отечественной войны. Программа у нас была обширная – встречи, экскурсии.

Интерес к нашей группе был большой. Газета «Советский патриот» из номера в номер рассказывала о том, как мы собираем материалы о истории 85-го полка. К нам в Орёл даже специально приехал корреспондент этой газеты Михаил Наумович Певзнер, который потом написал о нас две книги «История одного знамени» и «Два знамени».

Жили мы в городском авиаклубе, где на 2-м этаже нам выделили большую комнату.

С первых дней наше появление в авиаклубе вызвало большой интерес у учлетов. Они подходили к нашей двери, бесцеремонно её распахивали и подолгу рассматривали нас, будто обитателей зоопарка.

Вначале мы старались тактично их не замечать. Смотрят и пусть смотрят, посмотрят – уйдут. Потом нам порядком надо-

ело это разглядывание, и мы стали нагло закрывать дверь перед самым носом зрителей.

Мы работали парами (по 2 человека). Утром уходили на задание до обеда. В клубе оставались только дежурные. Потом возвращались на обед и снова отправлялись на задание.

В один из дней (это было уже примерно на 8-й день нашего пребывания в городе) мы с Ритой Богачёвой вернулись из городского архива, где работали. Дежурные сообщили, что обед готов, и мы стали ожидать возвращения остальных групп.

Вдруг дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина лет 35-ти в светлом костюме. Он, как и пацаны-учлеты в прошедшие дни, беззастенчиво разглядывал нас. Я поднялась, чтобы закрыть дверь, уже протянула руку. Но он остановил меня вопросом.

– Вы Людмила Марковна Ротштейн? Переоденьтесь, возьмите документы и пойдёмте со мной.

Я заволновалась:

– Что-то случилось?

– Нет, надо проехать в горархив.

Дежурные фыркнули по поводу «переодеться», а я, позвав Риту, шагнула к двери.

– Вы останьтесь, – сказал мужчина Рите.

Мне бы испугаться, но я спокойно пошла вниз. Не испугалась я и когда мужчина предложил мне сесть в стоявшую внизу машину. Подумала: «Может мы что-то не так сделали в архиве?»

Ехали долго. Мужчина молчал. И мне стало как-то не по себе. Показалось, что выехали куда-то загород.

– Куда мы едем? Архив уже проехали.

Мой спутник молчал. И только тут я испугалась: бросила 15 детей, поехала с каким-то мужиком, даже документы не спросила.

Машина остановилась, и я с ужасом прочитала вывеску на сером здании «Областной Комитет государственной безопасности». Вышла из машины на дрожащих коленках: «Что я могла натворить?»

Вошли в здание. Длинный коридор, часовые. «Прямо, налево, направо», – за моей спиной раздавался резкий скрипучий голос моего спутника. И я шла и шла на ватных ногах, мимо многочисленных часовых, какими-то зловещими, давящими на психику коридорами и только думала: «Что я могла натворить?».

Вышли к какому-то холлу, и я увидела, что на диване сидят две мои девочки, две Марины. Поняла: «Централ!» Нельзя было фотографировать Централ. Знаменитая Орловская тюрьма, где отбывал ссылку Дзержинский, где в годы Великой Отечественной войны фашисты открыли концлагерь.

От сердца отлегло, я засмеялась. А девочки радостно шагнули мне навстречу. «Не подходить!» – раздался грозный окрик моего сопровождающего. Девчонки испуганно плюхнулись назад на диван, а я от неожиданности остановилась.

«Идти прямо!» – это ко мне относилась очередная команда. Вошли в комнату, где за столом сидели четверо мужчин в штатском.

– Всё в порядке, товарищ полковник, – сказал мой сопровождающий, – они опознали друг друга.

– Садитесь и подробно рассказывайте, зачем и чье задание вы выполняли? – сказал тот, кого называли полковником.

– Музея Революции, – наивно ответила я.

– Шуточки! – грозно оборвал он меня. – Зачем снимали Централ, я спрашиваю, кто вам дал такое задание? Кому должны передать плёнку? Почему там стратегические объекты – мосты, дороги?

Господи, надо же так влипнуть! Мы думали о будущей выставке и наметили объекты для съёмок раздела «Вот что оставили фашисты, и вот что восстановлено», а на плёнке мосты, дороги, вокзалы и другие объекты. И в голову не приходило, что это стратегические объекты.

– У нас нет сведений, что там был Дзержинский (это о Центrale).

Сначала я от злости огрызалась:

– Надо лучше изучать свой край...

Но, видя сверкнувшие злые глаза полковника и сосредоточенные лица остальных мужчин, поняла – здесь не шутят.

– Возраст? Учтите, здесь возраст надо назвать совершенно точно.

Я хмыкнула – не такие мои годы, чтобы скрывать возраст! И снова увидела злые глаза полковника. Да, здесь не шутят! Они отрабатывают вариант «шпион», лирика их не волнует.

Наша «приятная» беседа продолжалась очень долго. Задавался вопрос – я отвечала. И через 2–3 новых вопроса опять повторялся первый. Девчонки только испуганно переглядывались.

Плётку нам не вернули, но расстались мы мирно. Нам сказали, что об этой встрече никто-никто не должен знать, что мы должны понимать обстановку и т.п. Нас отвезли домой. Через день мы уезжали. Обедали в столовой и вдруг – милиция: «Проверка документов». Все ничего, а я и две Марины полумёртвые: «Это за нами!»

Ещё одну проверку документов мы пережили на вокзале.

И только когда мы были в поезде, уже далеко от Орла, Певзнер рассказал нам такую историю.

...В Смоленске по фотографии вроде бы опознали опасного преступника. Но то ли брали его неосторожно, то ли так сложились обстоятельства, но к мужчине, которого задержали, неожиданно с криком кинулась женщина и схватила его за горло. Она кричала, что это заместитель фашистского коменданта Орла, на совести которого тысячи убитых местных жителей, что он уничтожил всю её семью и т.д.

Это оказалось правдой. Это был жестокий матёрый палач, которому удалось уйти от возмездия. Все эти годы он спокойно жил по чужим документам, работал. В Смоленск приехал в командировку. Его поместили в Орловском Централ, усиленно охраняли.

Местные газеты печатали воспоминания немногих очевидцев, которым удалось выжить. Власти опасались, что его постараются убрать свои, которые тоже осели под чужими именами, и которых он может выдать.

А тут «шпионы» – фотографируют Централ.

А мы-то думали, что это шутки.

Отриконенные ботинки

Начальство выделило деньги туркабинету на покупку туристского снаряжения. Валентин Михайлович купил рюкзаки, палатки и 2 пары отриконенных ботинок. Это высокогорные ботинки, окованные стальными зубчатыми скобами. Твёрдый носок и каблук ботинка помогают выбивать ступени в слежавшемся снеге (фирне), предохраняя ноги от ушиба камнями. Они использовались до освоения ботинок с подошвой типа «вибрам».

Я тут же надумала проверить обнову. Надела ботинки и решила выйти во двор.

Дом пионеров размещался в старинном особняке в Земледельческом переулке. Туркабинет находился на 2-м этаже в комнате, прилегающей к балкону зрительного зала. Она имела два выхода – в парадную часть здания и на «чёрный ход». Оттуда крутая белокаменная лестница в два пролёта, каждый примерно из 20 ступенек, вела в небольшой дворик. Туда я и направилась. Лестница была местами обита, хорошо отполирована сотнями прошедших по ней ног.

Вероятно, я прошла не более 2-х ступеней – ботинки скользнули по отполированному мрамору. Я упала на спину и по лесенке, на «пятой» точке и на спине, со страшной скоростью понеслась вниз, ударяясь о ребра ступенек. Так я долетела до площадки первого пролёта и каким-то чудом остановилась на краю второго, не в силах ни подняться, ни говорить.

И тут до меня донёсся невозмутимый голос Валентина Михайловича, который стоял на верхней площадке и хотел следом за мной выйти на улицу:

– Знаешь, забыл тебе сказать – на отполированные камни в триконях выходить не надо...

Откуда вы это можете знать?

Проходил какой-то семинар туристских работников на Центральной Детской экскурсионно-туристской станции России. Большой зал заполнен полностью. Идёт обмен опытом.

Выступает товарищ из Всесоюзного пионерского лагеря

«Артек», возглавляющий там туристскую работу. Он очень важен и горд собой – в Артеке туризм на высоте.

– Мы, – рассказывает он, – совместно с Севастопольским медицинским институтом и Симферопольским педагогическим институтом провели большое исследование, в результате которого установили, что режим движения в туристском походе со школьниками должен строиться следующим образом: 45 минут движения, 15 минут отдыха.

Наступила полная тишина – в зале перестали шептаться и шелестеть бумагами. И вдруг раздался чей-то звонкий голос:

– Так мы это давно знаем!

– Вы знаете? – удивился докладчик. – Откуда вы можете это знать?

Казалось, от громкого хохота рухнут стены. Хохотали и не могли остановиться все. Ведь в зале сидели практики детского туризма. Больше «учённому мужу» не удалось сказать ни слова.

Пусть намагнитит его обратно!

Турорг школы № 78 Алексей Михайлович Седых был своеобразный молодой человек и делал всё по настроению. Если его хвалили – мог свернуть горы. Был увлечён туризмом и пытался внедрить его в школе, где работал. Плотного телосложения, очень любил поесть. Если голоден, то кроет всех без разбора по делу и нет.

Помню, в многодневном походе группы учителей по бывшей Восточной Пруссии после хорошего обеда, широко улыбаясь, обещал очередной дежурной: «Будешь так готовить, и, пожалуй, на тебе женюсь!»

Как-то пришёл за советом. Директор школы – властная и не очень умная женщина – всеми фибрами души ненавидит туризм и не даёт развернуться. То отменит уже подготовленный школьный турслёт, то не выпустит какую-то группу в поход. Что делать?

– А ты объяви забастовку, – советую я, – скажи, что больше не будешь организатором этой работы. Пусть поищет дурака-фаната...

Лёша так и поступил.

...На традиционном районном совещании директоров школ, где слушался вопрос о состоянии турработы в школах района, в числе отстающих называют № 78. В ответ на критику директриса «держала речь»:

– Она, – следует кивок в мой адрес, – размагнитила моего Седых, который отвечал за эту работу. А больше у меня туризмом некому заниматься. Пусть как хочет намагничивает его обратно!

Зал хохочет. Наша заведующая РОНО Лия Давыдовна Кузнецова – умница. Она глубоко убеждена, что туризм нужен каждому школьнику. И во всём поддерживает нас. Она в курсе конфликта турорга с директором школы, а отвечает директору на полном серьёзе:

– Хорошо, она его намагнитит обратно, но и вы ему помогаете как надо.

Седых был «на коне» – туризму в школе открыта зелёная улица.

Озеро Подкова

Полярный Урал – это быстрые сине-зелёные реки, стремительные говорливые ручьи, острые пики и круглые шапки гор с пятнами снега.

Это ровная спокойная гладь и беспокойная рябь тундровых озёр, зажатых горами.

Это цепкая карликовая берёзка и заросли ивняка.

Встали лагерем на ручье Озёрный. Сегодня у нас радиальный выход: ручей Озёрный – ледник Долгушина – ледник Бога – ручей Водопадный – ручей Озёрный.

Траверс горы Пик, озеро Очки. Проходим дикое нагромождение камней – серые, отмытые водой; серые, покрытые зелёным лишайником. Выходим к большому снежнику, а внизу потрясающее по своей красоте озеро Подкова. Оно лежит в глубокой котловине, среди сказочно красивых гор с большими языками снежников, а по форме напоминает подкову. На берегу и в воде огромные глыбы льда.

Полярный Урал

Казалось, мы где-то на берегу Ледовитого океана.

Озеро зачаровывало своей красотой, это было какое-то чудо, от которого невозможно было отвести глаза. И туту мы совершили ошибку. Надо было сделать привал, налюбоваться на озеро, сделать серию фотографий. Но мы не хотели терять время – впереди ещё был большой маршрут, два ледника. Околдованные красотой пейзажа потеряли бдительность...

Наш путь пролегал по огромному снежнику, расположенному на довольно крутом склоне. Шли, тщательно прощупывая альпеништок, место для следующего шага. Местами снежник сильно подтаял, и его пересекали ледяные полосы, по которым сочилась вода.

В какой-то момент я, любуясь неповторимым пейзажем, утратила осторожность: альпеншток штырём скользнул по мокрому льду, я потеряла равновесие, упала на спину, и по ледяной дорожке меня понесло вниз по склону.

Последнее, что я видела: испуганный Ваня сел в снег, охватив голову руками; невозмутимый Валентин Михайлович, не оценивший ситуацию, фотографирующий «интересный кадр».

Я не успела испугаться – страх пришел потом! «Надо пере-

вернуться на живот и зарубиться альпенштоком», – чётко работала мысль.

На живот перевернуться мне удалось, а задержаться альпенштоком никак не удавалось. Альпеншток попадал на лёд, и лишь увеличивал скорость скольжения. Меня несло всё быстрее на ледяные глыбы озера Подкова.

«Марковна, держись!» – вниз по склону, быстро оценив опасность, глиссируя, мчался Боря Котов, пытаюсь догнать меня и как-то задержать.

В какой-то момент мне всё же удалось зацепиться и снизить скорость скольжения.

Меня задержала какая-то ледяная глыба, на которую я налетела почти у самой воды. Я увидела огромные сказочные глыбы голубого льда и только тут поняла, что не могу подняться. Теперь мне стало страшно – пришёл страх, который буквально парализовал меня. Но Боря уже был рядом и говорил какие-то успокоительные слова.

Я навсегда запомнила живописное озеро Подкова, надёжное Борино плечо. Надо думать – это было моё второе рождение.

Сколько стоит билет до «Это было под Ровно»?

Туристский кружок семиклассников готовился к летнему походу. А куда пойдём?

Мнения разошлись. Одни предлагали пройти по Подмоскovie, так, чтобы в конце маршрута выйти к большому водоёму и провести там несколько дней; другие хотели в Брянские леса, где в годы Великой Отечественной войны действовали партизанские отряды. Третьи, прочитав интересную книгу чекиста Медведева «Это было под Ровно» о легендарном разведчике Николае Кузнецове, считали, что самый интересный район – город Ровно и его окрестности, где в фашистском тылу действовал знаменитый разведчик.

Решили провести «защиту маршрута». Разбившись на группы, познакомились с литературой – изучали район похода, определяя наиболее интересные места, готовили смету расходов.

На «защите» каждая группа должна была отстоять «свой»

район, рассказывая о его достопримечательностях и природе. Кто сумеет доказать товарищам, что их выбор лучше, — тем маршрутом и пойдём.

В кружке был один шестиклассник Леня Ярыгин. Он оказался в числе тех, кто хотел в Ровно. Ему и было поручено для составления сметы расходов выяснить стоимость проезда до Ровно.

Решительно набрав номер справочного бюро Белорусского вокзала, Лёня задал интересовавший его вопрос:

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит билет до «Это было под Ровно»?

Ответом ему были частые гудки. А он настойчиво звонил ещё и ещё.

— Почему они молчат? — недоумённо спрашивал Леня у товарищей.

— Может, ты как-то не так спросил?

— Нет, я спросил чётко. Даже на бумажке записал, чтоб не сбиться — и Лёня повторил свой вопрос.

Раздался дружный хохот. А Лёня на много лет получил кличку: «Скажите, пожалуйста, сколько стоит билет до "Это было под Ровно"?»

Мухоморовка

Прошли хребет Волчьих тундр и вышли к лесоучастку Кушколь.

У первых домов встречаем мужчину. Он сильно пьян, едва держится на ногах. Но радостно улыбается и пытается объяснить нам, что на лесоучастке сухой закон.

Ведет нас к начальству. Начальник, сердито сверкая глазами, говорит мужчине: «Глаза бы мои на тебя бы не смотрели, иди отсюда».

Потом, с широкой улыбкой, поворачивается к нам. Расспрашивает, кто и откуда, куда держим путь?

— Хотите заночевать? Добро пожаловать. Но свободного жилья нет.

Предлагает недостроенный дом, где всё чисто, окна заты-

Волчьи тундры

нуты плёнкой. Только крыши пока нет, но палатки поставить можно: тепло и сухо.

Соглашаемся. Начальник объясняет, что, да, у них на участке сухой закон. В местном магазине нет ничего, что можно выпить. Изъяты из продажи одеколон, лосьоны, полироль.

На участке живут 15 человек: 8 — местные жители и 7 начальство лесоучастка. И ещё более 150 расконвоированных заключённых. Ребята хорошие, способные, работяги. Три раза в год, по большим праздникам, на участок приходит машина. Привозят ящики пива и наряд милиции.

Ну, выпьют, пошумят чуть-чуть — новый срок получать никому неохота. Машина и милиция уедут, и опять тихо.

На вопрос, откуда пьяный, если сухой закон, ответил, что местные из мухоморов гонят самогон, так и называется — «мухоморовка».

Немного жалеет, что согласился на ночлег в свежем срубе — шли бы в тундру. Мокро? Зато спокойно. Больше 150 расконвоированных заключённых — нам как-то не по себе.

Но вокруг очень доброжелательные лица.

Ночь прошла спокойно. Утром мы покинули гостеприимный лесоучасток.

Волчьи тундры

Идём по Волчьим тундрам Кольского полуострова. Этот горный массив является северным продолжением массивов Чука и Монче тундры.

Волчьи тундры представляют собой сплошной хребет с отдельно выступающими вершинами (их примерно 7). Высшая точка Юкагор (955 м).

Хребет напоминает застывшие большие волны. Саамское название этих гор – Набдес тундры т.е. «большая волна».

Давно пора вставать на ночлег. А мы идём и идём – встать негде, с трудом, уйдя в верховье, перешли вброд какую-то речку – широкую, глубокую, с неподвижной, будто стоячей, водой.

Место зловещее, глухое, с давящей тишиной.

Вставать там не хотелось, да и не было сухих полянок. За рекой начиналось болото. За ним – каменные россыпи, потом красивые выходы скал с большими лохматыми лишайниками. Красотища необыкновенная.

Кажется, это какие-то декорации, что-то сказочное!

Красавицы сосны приютились на самом краю скал, чудом зацепившись за пяточок земли в расщелинах. Дикое нагромождение огромных камней; плит, отполированных водой; какие-то сухие каньоны и каменные распады; нависшие громады скал и никакой площадки, чтобы поставить палатки.

Красота какая-то фантастическая! Просто дух захватывает от этих необыкновенных пейзажей!

Наконец находим какую-то мало-мальски подходящую площадку. Её только немного надо расчистить, убрав несколько десятков камней.

И неожиданно на этой площадке, ближе к воде, за деревьями, видим палатку. Здесь живут два геолога: начальник геологической партии и его помощник. А вся партия раскидана группами (2–3 человека) по многочисленным озёрам.

Геологи помогают нам убрать камни, показывают единственное возможное место забора воды.

Верхнее Волчье озеро тоже необыкновенно живописно. Его берег усыпан огромными глыбами «живых» камней. Вста-

нешь на огромную глыбину, а она как Ванька-Встанька начинает качаться туда-сюда. Шагнёшь на вторую, а она тоже склоняется то на один бок, то на другой. Трудно удержать равновесие – ощущение не из приятных.

И в воде огромные валуны. Они скользкие, покрытые мхом. Наступить на них – значит оказаться в озере. Геологи показали нам путь к воде по нескольким более устойчивым камням.

Утром раздались какие-то голоса, и к валунам (тем самым, что качались лишь немного!) причалили три резиновые лодки. Оказалось, что

у одного из «наших» геологов – день рождения. И это друзья-геологи приехали с других озёр, чтобы поздравить коллегу.

Привезли ему «живой подарок» – очаровательного трёхмесячного лохматого щенка. Геологи рассказали, что взяли его в Лапландском заповеднике. Его родители – дикие собаки.

Дикие собаки – бич заповедника. В районе Мончегорска снесли большое количество барачков. Их обитатели, переселившиеся в многоэтажные дома, побросали своих питомцев. Собаки сбились в дикие стаи, поедают оленей. Людей не боятся. Охота с флажками, как на волков, ничего не даёт. Хитрые, озлобленные, изучившие повадки людей, они постоянно уходят от облав. Породнились с волками.

И в заповеднике пока не придумали, как с ними бороться.

Вот из такой стаи и подобран этот чудесный щенок. Щенку тут же положили в палатку подстилку. А у входа поставили две консервативные банки – с едой и с водой.

Но он, обнюхав палатку и банки, неожиданно для всех ко-

Волчьи тундры

солапо отправился к озеру. Ловко балансируя на качающихся огромных валунах, пошёл к воде. Спустился в какую-то расщелину между камнями, по пузо в воде, спокойно напился, взгромоздился на раскачивающийся гигантский валун и не спеша, без всяких усилий пошёл обратно. Дошёл до палаток и улёгся рядом. Это было захватывающее зрелище! Дикий зверь и дикая природа!

Сказка

Признаюсь: из всех районов, в которых мне пришлось побывать, самым любимым является Кольский полуостров: Суровые Хибины; Ловозерские тундры, полные легенд и сказаний; свинцовые воды Ловозера и Умбозера; Панские тундры с топкими болотами, извилистыми валами-озами, удлинёнными холмами-друмлинами, бурными реками – Поноем; Варзугой, Паноем; сказочные Волчьи тундры; Свинцовые тундры.

И сказка из сказок – Сальные тундры – большой горный массив в центре Западной части Мурманской области с его высшей точкой – горою Элгорае (997 м). Южные склоны

Сальные тундры

Сальных тундр имеют значительную крутизну, обрываются скальными сбросами.

С запада к Сальным тундрам примыкают Тёмные тундры (Туадаш тундры). Высшая точка – гора Чильтальд (907 м).

Весь хребет Сальных тундр и большая часть его склонов покрыты каменными россыпями, лишёнными какой-либо растительности. Лес, в основном, растёт на дне долины и немного на боковых склонах.

Выше – только кустарник. Карликовая берёзка 3–5 сантиметров, а среди её зелени море красных шляпок – это подосиновики. Они выше «леса», в котором растут.

Зрелище потрясающее! Незабываемое!

«Сначала они пищали, а потом почему-то пиццать перестали...»

Звонит директор одной из школ и, ничего не объясняя, очень тревожным голосом просит нас зайти к ней по серьёзному делу.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, но могло случиться.

Приходим и узнаём: готовится школьный турслёт, а шестиклассники из одного класса категорически отказываются в нём участвовать.

– Заупрямились: не пойдём и точка. А такие радостные уходили в поход на три дня со своим молодым классным руководителем, – говорит директор.

– А что говорит руководитель?

– Говорит, что намеченный маршрут прошли, и все в порядке.

Директор показывает маршрутный лист, где читаем: «За три дня пройдено 100 километров», – и не верили своим глазам.

– Может, они подъехали? – спрашиваем у директора.

– Не знаю...

Директор приглашает руководителя похода.

Входит очень симпатичный молодой человек – преподава-

тель истории. После окончания института ушёл в армию и первый год работает в школе.

– Подъезжали?

– Нет, честно всё прошли.

– Но это 33 километра в день?

– Ну и что, а мы в армии больше пятидесяти в день проходили.

– Но ведь они маленькие, и девочки были в группе, наверное, они пищали?

– Да, знаете, – откровенно сказала он, – сначала они, действительно, пищали, но потом почему-то пищать перестали...

Он так и не понял, что у детей не хватило сил даже на писк.

Позднее этот парень стал прекрасным руководителем, водил группы в сложные многодневные походы.

А потом она локти себе кусала

По традиции Городскому летнему турслёту туристов-старшеклассников предшествовал большой многодневный поход. Он начинался где-то на границе Московской области (или соседних областей) и заканчивался на поляне слёта.

В пути школьники должны были выполнить два краеведческих задания, оформить их, и вместе с описанием пути движения сдать на поляне слёта, где строгая судейская коллегия вычитывала работы и оценивала выполнение задания.

Группа девятиклассников, маршрут которой начинался в Калужской области, получила задание: «Побывать в деревне Стрелковка, где в 1896 году родился известный военачальник, Маршал Советского Союза, Четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Узнать о детских и юношеских годах Жукова».

... В Стрелковке туристы получили официальные данные о детских и юношеских годах будущего маршала. Но ребята оказались настырные и задание им хотелось выполнить «на пять». Они долго ходили по домам, расспрашивая старожилов. И «разнюхали», что в нескольких километрах от Стрелковки живёт первая любовь Жукова.

Конечно же, они захотели встретиться с этой женщиной и отправились в соседнюю деревню, где и разыскали первую любовь Жукова.

– Вы его любили? – в лоб спросили туристы у собеседницы. – А почему не вышли за него замуж?

Женщина мягко объяснила: «Он мечтал о армии, а мне не хотелось быть солдаткой».

«Но мы выяснили, – писали ребята потом в своём отчёте, – что дело не в этом. Семья Жукова была очень бедной, а его любовь была из зажиточной семьи. Ей просто не хотелось связывать свою жизнь с бедняком. Наверное, потом она не один раз кусала себе локти, когда узнала, кем стал Георгий».

– А потом вы встречались? – наседали на женщину краеведы.

Не в силах устоять перед их натиском, женщина рассказала, что виделись – он же приезжал в родные места.

– Ну и что? – приставали туристы.

– Послала я ему как-то грибочков солёненьких.

– А он их получил?

– Получил и письмо мне прислал.

– Письмо! – обрадовались ребята. – А оно у Вас сохранилось? Подарите нам.

Пришлось женщине расстаться с письмом, которое, возможно, было ей дорого. Георгий Константинович тепло благодарил землячку за грибочки из родных мест. Пожелал здоровье ей и её семье.

А туристы, довольные, что им удалось добыть такую реликвию – подлинное письмо легендарного Жукова, маршала, сыгравшего в годы Великой Отечественной войны важнейшую роль, чрезвычайно гордые собой прибыли на поляну слёта.

Судейская коллегия была в шоке. Мало ли что могли «накопать» чрезвычайно активные дети.

«Захочу – костер на заднем сидении разведу...»

Я выступала на каком-то семинаре в Ждановском Доме пионеров. Почему-то семинар задержался, и я торопилась в свой Дом пионеров на совещание. А мужчины – Равин, Шляков и компания опаздывали на футбольный матч в Лужники.

Филипп Абрамович «загрузил» всех в свой «москвич» и пообещал: «Успеем!». На Таганской площади машину остановил постовой. Филипп Абрамович, грузный, спокойный, уверенный в себе, вышел из «Москвича».

- В чём дело? Я не нарушал!
- А почему в машине столько людей, не положено.
- Не положено? Моя машина, что хочу, то и делаю. Захочу – костёр на заднем сидении разведу!
- Костёр? Нет, не надо! – сказал испуганный милиционер.
- Проезжайте, пожалуйста.

Чернышевский и Белинский

Встали лагерем в истоках какого-то ручья, примерно в одном километре от лагеря геологов. Здесь у нас была днёвка. Отсюда было два радиальных выхода.

Вечером к нам пришли «гости». Это были две очень красивые лайки – одна совершенно чёрная; другая – совершенно белая, на трех лапах. Видимо, мы им «приглянулись», когда навещали геологов. Валентин Михайлович тут же «окрестил» вновь прибывших, дал им клички: Чернышевский и Белинский. «Главным» был трехногий Белинский.

Собаки были необыкновенно дружелюбны, добры, сметливы, тактичны. Они ничего не просили; лежали, свернувшись калачиком, недалеко от палаток, не реагируя на непроходящий дождь. Если мы делились с ними своими небогатыми припасами – благодарно виляли хвостами.

Вообще-то они не нуждались в наших подачках – корма им хватало: ловко охотились на леммингов – жирных полярных мышей: Белинский вспугивал стаи полярных куропаток, а Чернышевский на лету ловил их, и псы обедали.

Также вспугнули и поймали зайца, поразив нас своим тактом и взаимовыручкой. Сначала «ужинал» Белинский, поедая внутренности зайца, Чернышевский спокойно лежал в стороне, не проявлял нетерпения. Но вот Белинский поел и отошёл в сторону, тогда к трапезе приступил Чернышевский.

Наша собака Таймыр, агрессивно встречающая всех со-

бак, отнеслась к пришельцам, к нашему удивлению, дружелюбно – обнюхала, помахала хвостом и больше не подходила. Впрочем, ей было не до них!

Одного лемминга она поймала, надкусила и бросила – её такая пища не устраивала. Стаи куропаток поднимала, но так ни одну не поймала. Азартная, с лаем гналась за куропаткой, которая была уже высоко. А в это время из-под её ног убежали птицы, не успевшие взлететь.

Дождь её «достал». Стоило нам только натянуть дно палатки и поставить две стойки, Таймыр, не дожидаясь пока укрепят растяжки, нырнул в палатку и рычал, когда туда приходили «коренные» жители.

Если же палатку успевали поставить и расстелить спальные мешки, он залезал в палатку, ложился на самый тёплый. А потом кидался на хозяина, не желая уступать ему тёплое место.

Таймыр был буквально помешан на водоёмах и обычно не пропускал ни одной лужи, чтобы не окунуться и не поплавать. Но холод, ледяные реки, камни и снежники ему явно были не по плечу и не по нутру.

Когда возвращались из многокилометровой радиалки на Большое Щучье озеро, бедная собака, в кровь сбившая лапы о камни и лёд, еле шла. И было больно на неё смотреть. Она устала таскать камни и класть у наших ног, прося, чтобы ей их кидали. А любимых палок, за которыми она любила гоняться, было почти не найти. Да и ловить на лету камни было больно и не очень приятно. «Глаза бы мои на вас не смотрели», – словно говорила она, старательно обходя нагромождение камней. А многочисленные ручьи проходила по крупным камням или осторожно переползала на брюхе снежные мосты – только бы не входить в ледяную воду.

Одним словом, Полярный Урал не понравился собаке.

Прошло три дня, и мы пошли дальше по маршруту, ласково распрощавшись с Чернышевским и Белинским.

Какого же было наше удивление, когда к концу дня, разбивая бивак, мы увидели у своих палаток знакомых лаек.

На другой день они, уже не таясь, шли вместе с нами. Ос-

Полярный Урал

танавливались, когда мы останавливались на привал, охотились и весело бежали в хвосте группы, когда мы шли вперёд. Мы были в ужасе. Собаки всё дальше уходили от лагеря геологов.

Мы всё ближе подходили к посёлку Хальмер-ю. Ведь там свои собаки. Как встретят они чужаков? Загрызут?

Пытались мы собак уговаривать и гонять, но они почему-то очень привязались к нам. Ломали голову – что делать? До Хальмер-ю оставался один день.

Перешли вброд реку Кару – псы за нами. Вышли на дорогу, ведущую от Хальмер-ю к Ледовитому океану, до которого было всего шестьдесят километров.

...Неожиданно увидели вездеход – он вёз продукты в посёлок Полярный.

– Эта собака домашняя, у нас пропадет. А лаек отдайте нам, – попросили полярники, – это ездовые собаки, они из упряжки убежали. На побережье за одну собаку дают песка.

Мы обрадовались такому выходу из создавшегося положе-

ния – мы не бросим, а пристроим этих собак. Но они вовсе не хотели расставаться со свободой. Чем только их не приманивали: и хлебом, и колбасой, и сардельками. С трудом их удалось поймать и усадить в вездеход.

А мы вышли в Хальмер-ю, что в переводе на русский означает «Долина смерти».

Об этой долине Валентин Михайлович Куликов написал стихи:

Хальмер-Ю

*В суровом северном краю,
Куда не шлялись черти,
Лежит долина Хальмер-Ю
Или – Долина смерти.*

*В округе на сто верст тундра.
Про этот край в народе
Премудро сказано – дыра,
Точней не назовете.*

*Про эту глушь не скажешь так,
Что здесь медвежий угол,
Медведь он тоже не дурак,
Здесь и медведю туго.*

*Лежит бескрайняя тундра.
Лишь на востоке в дымке синей
Чуть возвышаясь над пустыней
Как туча горбится Урал.*

*Века летели за веками,
Все пуст был этот уголок,
Никто не знал, что под ногами
Таится чудо-уголек.*

*Века сменялися веками,
Но вот пришел двадцатый век,*

*И в глубине земли тот камень
Нащупал хитрый человек.*

*И вот серьезные мужчины
Сюда пришли и привели
Свои сердитые машины,
Чтоб взять сокровища земли.*

*И тишину пустынных мест
Нарушил грозный рев моторов
Как песня бодрая окрест
Разнесся рокот их в просторах.*

*И тундра охнула как баба
Когда рожать ей вышел срок
Под ругань сочную прораба
Вставал шахтерский городок.*

*И вот стоит он в том краю,
Куда не шлялись черти.
Стоит поселок Хальмер-Ю
И нет долины смерти.*

1971 г.

Из походных дневников

- Поля с одной стороны были окружены озером.
- В Богатищево поставили арку, обозначили деревню. Сход решил объявить её населённым пунктом высокой культуры и трезвого быта.
- Тропа располагалась чуть западнее севера.
- Мы шли слаборавнинной местностью.
- Он пошел работать бурлаком на Волгу, где хорошо влился в коллектив.
- Я не хотел писать дневник, но В.И. сказал, что сделает из меня котлету, которую мы съедим за ужином.

- Деревня была небольшого роста.
- Церковь построена в 14 веке. Я бы ей столько лет не дал.
- Дорога плохая. Идти по ней трудно – мешают извилины.
- Лесной массив привлекал своей необыкновенной скромностью.
- Через 500 метров от переезда, в направлении на юг отходит ему перпендикулярная дорога на запад.
- Ходили в поход в овражек лесных диковин. Видели бабу Ягу. Она говорила Кашею «Как прекрасно жить в этом мире» и никому не делала вреда.
- Посёлок Сходня мы не нашли. Говорят «Язык до Киева доведёт», но нас не довёл.
- Поход был очень научным.
- В связи с плохим знанием местности, долго плутав и искав дорогу на Петрищево, вышли на станцию Партизанская. Поход очень понравился. Некоторые ребята, может быть, почерпнули для себя что-то новое.
- Провели поход по литературным местам. Что видели?– Звёздное небо.
- У князя Волынского были глаза цвета воронова крыла.
- Шли по дороге и всё время боялись потерять азимут.
- Пройти в деревню Ивановку не могли, так как местные жители не знают туда дороги.
- Узнав дорогу, мы пустились дальше.
- Когда мы стали выбирать место привала, то от природы, очарующей глаз, долго не могли встать на якорь.
- С тех пор церковь больше не служит.
- Около деревни мы были неодобрительно встречены местным стадом крупного рогатого скота.
- Единственные жители от оставшейся деревни зимой не живут, а приезжают летом.
- Помещик, по нашим соображениям, был хозяйственный мужик.
- Деревня Зажевочка представляла из себя три дома, где никто не живёт. Утром играли в футбол с местной командой.

- Когда мы прошли через деревню, в ней осталось всего 4 дома.
- Выйдя из зарослей, мы обнаружили своеобразный рельеф – местность сильно пересечённую с водой.
- Завод образовался в конюшнях графа Меншикова.
- Дороги были окювачены.
- Наш путь к могиле был несложен.
- Во время экскурсии внешний вид мы нашли в хорошем состоянии.
- Завод имеет клуб в виде актового зала.
- Нам пришлось преодолеть поднятие на крутую гору.
- Коровы весь год снабжаются колхозным кормом.

ГОВОРЯТ ПОСЕТИТЕЛИ ТУРКАБИНЕТА

- – Мальчик ты на совещание командиров? – Нет, я на азимут. Мне сказали: пойдешь только на азимут.
- – Ребята, маршрут у вас непонятный. Покажите хоть, по какой дороге пойдите? – По железной.
- – Ребята, вы на семинар завхозов? – Нет, мы – математики. Но такого кабинета в Доме Пионеров нет, вот нас и послали в туристский.
- – Меня прислали из 36-й школы за каким-то документом на букву «ё».
- На букву «ё» нет документа.
- Ладно, сейчас посижу и вспомню.
- Сидит 30 минут.
- Ё-моё, меня прислали за сметой расходов!
- * Звоним по телефону в Министерство сельского хозяйства, чтобы узнать какой совхоз в области является лучшим. Набираем номер.
- Алло! Крупный рогатый скот слушает.

МНЕ ВСПОМИНАЕТСЯ...

В 1960-е годы я – руководитель туристских кружков. Сколько ребят прошло через малые и большие походы!

И сейчас, спустя 40 лет, со многими из них поддерживаем дружеские отношения: встречаемся, перезваниваемся. 30 лет они были судьями на наших районных традиционных туристских соревнованиях: Смотр готовности к летним многодневным походам, «Партизанские тропы» и т.д. Сколько всего произошло за эти годы! А я смотрю на них – солидных, определившихся в жизни, и в памяти всплывают какие-то курьёзы, сценки, связанные с ними.

Виль Фунтиков

Виль был командиром группы, которая совершила походы по тем местам, где прошёл с боями 85-й минометный полк: по Донским степям до Сталинграда и по Орловщине: Синегубово – Мценск – Новосель – Верховье – Орёл.

В Орле Виль поделился с товарищами своей мечтой.

– Хочу проситься в Советскую Армию, в подшефный полк.

Стали думать, как лучше это сделать. И решили: Виль пишет письмо министру обороны.

«Я, Фунтиков В.И., выпускник 36-й школы города Москвы, – писал Виль, – прошу призвать меня на действительную военную службу... обещаю быть в первых рядах воинов. Прошу записать меня в гвардейский миномётный полк, с которым много лет дружит наша школа...»

Письмо Фунтикова дошло по назначению. Оно было направлено в Главный штаб сухопутных войск Советской Армии и вернулось в военкомат с резолюцией: «Удовлетворить просьбу при условии годности по состоянию здоровья».

Медицинская комиссия признала: «Годеи!»

А вскоре вся школа провожала Вилиа на Сахалин, в часть, которая в годы войны именовалась «85 гвардейский миномётный полк».

Редкие письма приходили из Петропавловска-на-Камчатке, где нёс службу Виль.

«...Трудно ли мне? На то военная служба, всем трудно. Некоторым куда труднее, потому что у них нет ни походной закладки, ни знания топографии, как у меня, ни других навыков. Вот один парень на учениях заблудился. Мы его отыскивали, из снега выкопали. А снега у нас тут много, выше телеграфных столбов наваливает».

В Таманской дивизии

В 70-е годы Московская городская детская экскурсионно-туристская станция проводила для школьников-старшеклассников звёздные лыжные походы, посвящённые Дню Советской Армии, которые оканчивались в воинских частях.

Группы, по одной из каждого района Москвы, проходили пятнадцатикилометровый маршрут из разных пунктов, и все приходили в одну точку назначения. Здесь их ждал обед, осмотр казармы и военной техники. А потом встреча в офицерском клубе, где они и солдаты части показывали свою самостоятельность.

С директором станции Зинаидой Васильевной Быковской поехали в Таманскую дивизию, где должен был закончиться очередной звёздный поход. С замполитом обговорили все детали: время прибытия, убытия, обед, экскурсии в казармы и т.д.

– А приветствовать вас будет ваш земляк – москвич, служит у нас в политотделе. Сейчас его приглашу.

Каково же было моё изумление, когда в вошедшем бравом старшем лейтенанте я узнала Виля Фунтикова. Мир тесен!

Ещё в седьмом классе Виль всё время приставал ко мне:

– Что надо знать, чтобы стать политработником?

Он окончил военное училище имени Верховного Совета. Позднее работал в Партбюро Автобазы Генштаба Советской Армии.

Коля Нишатов

Идём по югу Украины: Херсон – Николаевка – Кировка – Николаев – раскопки Древней Оловки – Очаков.

Жарища. Голубая мечта – стакан холодной газировки!

...Мы на окраине Николаева. У первых домов видим свою мечту: тележка, где продают газировку, стеклянные колбы с сиропом, рой пчёл и мух над ним. У тележки продавщица в белом фартуке – улыбчивая румяная украинка.

– Хлопчики, – окликает она нас, – идите, напою!

Подходим. И тут продавщица замечает Колю. Он самый маленький в группе, худенький. А рюкзак у него очень объёмистый (хотя по весу меньше других). Он несёт соединительные трубки от пылесосов. Голь на выдумки хитра! Идём по безлесной местности, а в продаже в те времена никакие приспособления для палаток не продавались. Вот и используем в качестве стоек соединительные трубки для пылесосов. Они лёгкие, быстро и просто собираются, хотя в рюкзаке занимают много места.

Снимаем рюкзаки и ждём вожденный стакан холодной воды.

А продавщица не отрывает глаз от Колиного рюкзака. Добродушия и улыбки как не бывало.

– Люди добрые, что же это делается? Милое дитяtko, ну кто же ей дозволил издеваться над ребёнком? Что ты его як верблюда нагрузила? Сейчас я позову милицию. Иди, милый хлопчик, я тебе с двойным сиропом налью!

Коля смущённо переминается с ноги на ногу. Ребята хохочут.

Выпиваем по несколько стаканов волшебной воды. Уходим. А нам вслед несутся причитания и угрозы продавщицы:

– погоди, я найду на тебя управу! Я тебе покажу, как издеваться над маленьким!

Он ничего не понял

В городе Николаеве нас ждала экскурсия на судостроительный завод, где была построена знаменитая китобойная флотилия «Слава», и ещё много интересного.

Принимал нас судостроительный завод, разместив в своем

общежитии. Там нам отвели большую светлую комнату с белоснежными кроватями, красивыми занавесками на больших окнах.

Стояла страшная жара. Решили никуда не ходить до вечера, а пообедать здесь. Пока ребята блаженствовали на кроватях, пошла на кухню – разведать обстановку.

На кухне возились с кастрюлями несколько угрюмых не приветливых женщин. Поздоровалась, представилась и удивилась – ни улыбки, ни вопросов, ни доброго слова. Кивнули и угрюмо отвернулись к своим кастрюлям.

И вдруг одна из женщин решительно шагнула в мою сторону.

– Послушайте! У Вас дети. Бегите скорее отсюда, пока не поздно. Куда глаза глядят! У нас десятого по счету «скорая помощь» увезла – тяжелая форма дизентерии!

Ребята не успели разобрать рюкзаки, и были крайне удивлены моей команде покинуть это шикарное жилище.

А мы бежали «куда глаза глядят». Это был, конечно же, городской комитет комсомола, куда мы прибежали, испуганные страшной ситуацией.

Нас разместили в Доме пионеров в полуподвальном танцевальном зале с большими зеркалами, извинившись, что нет другого помещения, и ничего не могут нам дать, кроме матов.

Но я была так довольна, что мы унесли ноги из того общежития и так благодарна женщине, решившейся сказать нам правду!

А вечером заболел Коля. Мы изолировали его в дальний угол, огородив стульями. Я написала приказ по группе:

- к Коле не подходить,
- пользоваться только своей посудой, ее лично мыть с мылом и кипятком,
- руки тщательно мыть с мылом и т.д.

Что делать? Вызывать врача? Но Колю увезут в больницу. Не вызывать? Решили немного подождать.

Наш завхоз по питанию, Миша, был патологически жаден. Выпросить у него что-либо было чрезвычайно трудно.

Вообще-то в своей практике я заметила, что должность завхоза самая опасная в походе. Она будит в человеке не

только необходимую бережливость и расчетливость, но и какую-то нехорошую жадность, прижимистость, скупердяйство. В Мише она разбудила именно такие жилки. Но, чувствуя остроту ситуации, он носился по магазинам, выискивая для Коли сухие галеты, выдавая рис на отвар и т.д.

В городе главенствовали мухи. Их было так много, что можно было сойти с ума. В нашем подвале было хорошо, но в городе!

Хотя в столовых везде пища и хлеб были закрыты, висели многочисленные ленты липучек от мух, от этих тварей не было никакого спасения.

Лично у меня начисто пропал аппетит. Пока обедали в столовой, брала пачки запечатанного печенья, бутылки фруктовой воды, и это был мой обед. Но ребята! Пока несли душистый украинский борщ от раздачи до своего столика, в него залетали мухи. Фу! Нет никаких сил. Решили обедать дома, обходясь кипятильниками. С ужасом ждали, что еще кто-то заболеет.

Прошел еще один мучительный день.

Надо было что-то решать. Но что? И так, и так – страшно.

Решилась на последний разговор с Колей.

– Бегал?

– Бегал.

– Часто?

– Часто.

– Стул жидкий?

– Нет, я ходил только по-маленькому.

Бедный Коля со страха перепутал цистит с дизентерией. Я думала – мы его придушим. Хотя были счастливы, что все обошлось, и сократили дни пребывания в Николаеве.

Надо было уносить ноги из этого города.

Юра Константинов

Юра Константинов

Южный Урал, 1963 год

...Идём на вершину горы Юрма, что в переводе означает «Не ходи!». Раньше редко кто из местных жителей отваживался подниматься на эту «нехорошую и мокрую» гору. Часто уходившие на Юрму не возвращались назад. И люди верили, что на горе живут черти, которые не пускают людей назад. Легенда сложилась от того, что на Юрме действительно часто пропадают люди.

Остроконечные скалы — шиханы образуют на вершине горы подобие ворот. Их называют Чёртовы ворота.

Юрма находится на границе Среднего и Южного Урала. Это настоящая лаборатория гроз и ливней. Здесь редко не бывает дождя. А грозы на вершине — это страшно.

Подъём на гору тоже непрост.

...Перед нами колоссальное хаотическое нагромождение огромных каменных глыб, создающих впечатление чего-то первобытного, величественного.

Наступишь на такую глыбину, а она вдруг начинает раскачиваться у тебя под ногами. Это «живой» камень. Качаешься, а дальше шагнуть некуда — впереди расщелина или такая высокая глыба, что шагнуть невозможно.

Но вот мы на вершине стоим у Чёртовых ворот, которые необыкновенно хороши! Они сложены из красновато-розового гранита. Очень красиво! И вид с вершины потрясающий!

Юра — завхоз по питанию. Довольно прижимистый, а тут расчувствовался и выдал нам по банке крабов на двоих.

На вершине горы Юрмы

Потом был конкурс на лучшую песню о походе, и ребята сложили такие стихи:

А всё-таки завхоз наш очень щедрый парень,
Нам не забыть тот пир у Чёртовых ворот.
Когда он, сердце сжав, лицо закрыв руками,
Нас крабами кормил, не утирая слёз.

Хибины, 1964 год

От встречных туристов узнали, что где-то, кажется на реке Лявочор, всего в 2-х километрах от нашего маршрута, стоит небольшая партия геологов, а у них есть подробная карта местности.

Так как качество карт в те годы были самым большим вопросом, решаем зайти к геологам за консультацией.

Ранним утром я, командир группы, Юра Константинов и ещё двое ребят готовимся к визиту. Юра настойчиво уговаривает меня надеть «нарядные» брюки, так как я представляю группу москвичей и стыдно появляться в гостях в том виде, в каком мы идём по маршруту.

В те годы в многодневный поход мы брали парадную форму – чаще одинаковые головные уборы, рубашки с эмблемой группы. В городах «щеголяли» в парадной одежде. А на маршруте не думали о внешнем виде. Главное, чтоб комар не прокусил, не донимал надоедливый гнус и было удобно.

Сдаюсь... – переодеваюсь.

Спешим к геологам, чтобы застать их, пока они не ушли на разработки.

Три палатки. Очень неряшлива вся стоянка... гора пустых консервных банок. Почему-то их не закапывали. На растяжках палаток небрежно развешано бельё. Кое-как натянуты палатки. Не впечатляет!

На наши голоса из палатки вылезает начальник партии.

Мы в шоке. Брюки подпоясаны какой-то верёвкой. Но главное – живописная майка! Количество дырок на ней сосчитать было невозможно.

«Парадную» форму этого геолога мы вспоминали долго, посмеиваясь над Юрой.

Патефон

В поход по Латвии в январские каникулы 1965 года Юра принёс старый патефон. Пластинок было немного, но одна меня «достала», так как он ее ставил специально для меня. Пел знаменитый Пётр Лещенко. С одной стороны – душещипательные «Чёрные глаза», с другой – он же поет песню на производственную тему – «Станочек, мой станочек».

С особым удовольствием патефон заводили Юра и Володя Мишин. Я была очень недовольна – и охота им тащить за собой этот ящик, чтобы довести «любимого руководителя»! Утром вместо слова «Подъём!» мы просыпались под надоевшую мелодию «Станочек, мой станочек».

И каждый раз в очередном походе патефон «случайно» оказывался у Юры, хотя занимал значительную часть рюкзака и весил вместе с пластинками порядочно.

Апрельский поход 1966 года – последний поход Юры перед уходом в армию. Живописный приток реки Волгуши – бурный, широко разлившийся ручей Клубиш. Чудо! Ребята решили, наконец, расстаться с надоевшим мне патефоном!

Так и стоит перед глазами картина. Мы шеренгой, будто заворожённые, стоим на берегу многоводного (от обилия растаявшего снега) ручья в белоснежной берёзовой роще, а вниз по течению уплывает куда-то заведённый патефон, разнося чарующий голос Утесова «Расстались мы, светила из-за туч луна....».

Музыка всё тише и тише... И вот уже ничего не слышно. Даже немного жаль!

Володя Мишин

Балагур, остро слов, выдумщик. В походе по Эстонии сходу улавливал правильное произношение эстонских населённых пунктов – Пиганди, Кагвере, Иоська, Пилькусе, Отепя, Кяярика. Тогда как все мы, коверкая слова, никак не могли правильно назвать то или иное селение.

Там же в Эстонии написал мне очень «душевные, трогательные» стихи:

Людмила Марковна здорова,
Вот только ногу натерла.
И все ж с упорством носорога
Ведет нас чёрт знает куда.

Пожалуй, больше других был увлечён ориентированием. И стал в 1964 году чемпионом Москвы по ориентированию среди юношей.

Мастер на все руки: мог и починить, и соорудить, и придумать что надо. Оговорюсь, что это умение Володя пронёс через всю жизнь. Великолепному двухэтажному дому, который он своими руками построил в Волоколамском районе, мог бы позавидовать талантливый архитектор.

Володя Мишин

Саша Чепурнов

Саша Чепурнов

Любимым районом наших походов по Подмосковию была Клинско-Дмитровская моренная гряда, быстрая живописная река Волгуша и её притоки.

...Весна. Разлившиеся речки уже почти вошли в свои берега, оставив большие бочаги, наносы глины, песка, ила.

Чепурнов – дежурный по кухне. Он надевает высокие резиновые сапоги, берёт вёдра и отправляется за водой. Прохо-

дит минут десять. Вдруг округа оглашается истошным воплем: «Спасите, братцы, спасите!»

Мчимся к реке. Чепурнов, выше колена увяз в иле, так и не дойдя до воды.

Вытаскиваем неудачливого «водовоза» из его сапог, потом сапоги из ила. Сашка мокрый по пояс. А запасную одежду, конечно же, забыл вложить в рюкзак.

Отдаю ему свои брюки от штормового костюма. Он высокий, я – маленького роста. Мои брюки ему чуть ниже колен, вид забавный. Хохочем. А он, бедняга, замёрз. Но сделал важный для себя вывод: «Всегда буду брать запасную одежду, даже в однодневный поход» – произносит он, выстукивая зубами мелкую дробь.

У кого-то нашлись запасные кеды, у кого-то – тёплые носки.

И вот бедолага, повеселевший, обогревшись у костра, рассказывает, как его затягивал ил.

– А что же ты не пошёл по каменистой грядке? – спрашиваем его.

– А я хотел напрямик, ведь ближе.

Марина Карагодина

Милая, спокойная девочка с толстой русой косой до пояса.

В Эстонии, почти в каждом селении, где мы ночевали, расстроганные местные женщины умилённо гладили её по голове, приговаривая: «Наша, наша». Она и правда была очень похожа на эстонку и внешним видом и характером.

Саша Анисимов

Один из первых моих кружковцев в Доме пионеров. С ним мы прошли сотни километров по Подмосковию; дорогами Латвии; искали клад разбойника Кудеяра на Брянщине; пересекали границу Европа–Азия на Южном Урале.

...Майский трёхдневный поход по Подмосковию. Саша догоняет нас вечером, после работы, на месте ночлега где-то на реке Волгуше. Он ученик слесаря в «Промеханизации». Они работают на кондитерской фабрике «Красный Октябрь» на сборке конвейеров.

На фабрике свои законы: можешь попробовать шоколад в неограниченных количествах, но ничего выносить с территории нельзя. И он пробовал, пока глаза глядели. Теперь ему плохо.

– Саш, расскажи, как работал, – пристают к нему ребята.

Но у него на языке одна фраза:

– Проклятый шоколад, видеть его не могу! Больше никогда в жизни есть не стану шоколад.

Они меня обули

В полночь в дверь нашей квартиры на Серебряном переулке постучался пьяный Саша. Впрочем, мне он показался не столько пьяным, сколько возбуждённым. Он размахивал руками и выкрикивал малопонятную фразу:

– Они меня обули! Они меня обули! Представляешь, они меня обули!

Ничего не поняла и посмотрела на его ботинки:

– Ботинки тебе поменяли?

– Какие ботинки? Обули они меня!

Оказалось, Сашка познакомился с двумя симпатичными

девочками. Немного выпили, потом гуляли. Девушки обнимали его, клялись в любви и... начисто обчистили все карманы – деньги, документы, ключи, даже мелочь и ту не оставили.

По пути 85-го комсомольского минометного Ордена Красного Знамени Двинского полка

Начало поиска

27 апреля 1947 года на 13 слете пионеров в Колонном зале Дома Союзов 36-й школе – победительнице городского смотра дружин по военно-патриотической работе было в третий раз вручено переходящее знамя 85-го комсомольского минометного Ордена Красного Знамени Двинского полка.

«По итогам смотра военно-спортивной работы, – говорит в своем выступлении секретарь Московского городского комитета комсомола, – впереди вновь оказалась пионерская дружина школы № 36. Еще в годы войны она оказывала большую помощь семьям фронтовиков, вела систематическую шефскую работу в госпиталях, проводила походы по сбору лекарственных трав, а теперь развернула широкую физическую подготовку. Все ребята сдали нормы ГТО и БГТО, приобрели новые знания по топографии, связи, маскировке, изучили азбуку Морзе. Это знамя начиная с 1945 года успешно завоевывает школа № 36, поэтому оно навсегда остается в школе».

Когда делегаты слета вернулись в школу, их забросали вопросами:

- Кто вручал знамя?
- Как пионерское знамя стало боевым?
- В каких боях участвовал полк, кто его герои и т.д.?

Из всех вопросов делегаты смогли ответить лишь на один: «Знамя вручал Герой Советского Союза Радионов».

И тут ребята поняли, что ничего не знают о полке, знамя которого передано в школе.

Решили исправить свою ошибку и помчались на другой

день в гостиницу «Москва», где в те годы останавливались все почетные гости Москвы. Но их ждало разочарование:

– Были, но уехали!

Шло время.

На совете дружины все чаще задавался вопрос:

– Как же так, мы ничего не знаем о полке, знамя которого передано нам навсегда! Надо искать.

– Где искать? – скептически отвечал вопросом на вопрос Юра Силкин, – Война давно закончилась. Тут не только про знамя – про полк ничего не узнать.

– Можно письмо написать, – предложил Витя Ершов.

– Написать можно, но только кому послать? – возразили ему товарищи.

– И все же, ребята, давайте поищем, – сказала старшая пионервожатая. – Пойдем в музей, в редакции газет – может, нападём на след.

В Историческом музее была развернута большая выставка «Комсомол в Великой Отечественной войне». Но сколько ни ходили ребята от стенда к стенду, упоминаний о минометном полке не было.

– Я говорил – ничего уже не найдёшь, – утверждал Юра Силкин.

Но когда ребята хотели уже уйти, их остановил Виль Фунтиков – самый младший и, как оказалось, самый упорный.

– Тут заведующая говорит, что в архиве какая-то картотека героев есть. Давайте посмотрим.

Стали просматривать карточки, и вдруг мелькнула знакомая фамилия Радионов.

Не успели обрадоваться, как фамилия мелькнула во второй и в третий раз. Радионовых оказалось 10, но никто из них в миномётном полку не воевал.

– Говорил, не найдем, – ворчал Юра Силкин.

И всё же ребята частенько наведывались на выставку и однажды узнали – в подготовке выставки участвовали работники комсомольской печати, многие из которых встречались с различными ветеранами.

Разыскали одного из них и неожиданно услышали:

– Вам повезло. Под Москвой, в городе Ступино, живёт бывший политработник гвардейского полка – Терентий Моисеевич Горб. Точный адрес его не знаю.

– Найдём! – заверили ребята.

Когда приехали в Ступино, первый же встречный сказал: «Вам нашего Горба? Перед исполкомом сверните направо, большой четырехэтажный дом».

– Какие же вы молодцы, – выслушав ребят, сказал Терентий Моисеевич. От него пионеры получили первые сведения о полке и его истории.

Полк был сформирован в 1942 году по решению Центрального комитета и Московского городского комитетов комсомола из комсомольцев-добровольцев Москвы и Московской области, владеющих одной из военных профессий – водитель, связист. Брали умеющих хорошо стрелять, ходить на лыжах. Новобранцы обучались в лагерях под Москвой и в Измайловском парке – тогда это была глухая окраина Москвы. (В 1975 г. здесь был установлен монумент 85-му комсомольскому полку, автор – ветеран полка Рем Иванович Бальжак.) Здесь добровольцы овладевали новой материальной частью – гвардейскими миномётами, названными в народе любовно «катышами». Здесь полку было вручено полковое знамя, знамя Центрального комитета комсомола. А пионеры Москвы вручили своё знамя с наказом крепче бить врага.

– А где во время боя хранились знамёна?

– Боевое гвардейское знамя и знамя Центрального Комитета комсомола, как положено, – в штабе полка, а пионерское знамя передавалось в лучший дивизион передовым оружейным расчётам.

В 1944 году миномётчики передали знамя пионеров в Московский Комитет комсомола с просьбой вручить его лучшей дружине города.

Полк получил боевое крещение 15 сентября 1942 года южнее Воронежа. С этого дня миномётчики прошли с боями тысячи километров.

Терентий Моисеевич рассказал, что полк за успешные действия под Сталинградом был награждён орденом Красного

Знамени, участвовал в ожесточённых боях под Орлом и на реке Великой. 27 апреля 1944 года ему было присвоено наименование «Двинской» за успешные действия в Прибалтике и освобождении города Двинск (Даугавпилс). Гвардейцы принимали участие и в разгроме японских империалистов.

От Горба ребята узнали, что в военно-политической академии имени Ленина работает преподавателем комиссар полка Пётр Петрович Гук.

Разыскали комиссара и встретились с ним. Оказалось, что у него сохранился фронтовой дневник, который Пётр Петрович вёл с первого дня формирования полка.

Комиссар назначил ребятам новую встречу. И вот они листают пожелтевшие страницы, рассматривают фронтовые фотографии.

Пётр Петрович показал и сохранившийся рукописный журнал, где было много фамилий однополчан.

Через несколько дней ребята заняли очередь у киоска Мосгорсправки.

– Можно узнать адрес, если у нас данных недостаёт? – обратился Виль Фунтиков к работнице справочного бюро.

– Заполняйте бланки, – равнодушно ответила она.

Но когда ребята подали ей толстую пачку синих листочков, возмутилась:

– Вы что, издеваетесь надо мной? Их тут больше 50!

И только когда ей рассказали, зачем нужны эти адреса, подобрала.

С её помощью удалось выяснить адреса ветеранов, проживающих в Москве и в Московской области – в Щёлкове, Загорске, Кашире, Ступине, других городах и посёлках.

И ребята пошли по адресам. Не обходилось без конфузных случаев. Когда ребята пришли по одному из адресов, указанному Мосгорсправкой, дверь им открыл товарищ по школе, ученик восьмого класса Валерий Терентьев.

– Вы ко мне? – удивлённо спросил он.

– Мы к ветерану Евгению Алексеевичу Александрову.

– Какой же это ветеран? Это муж моей сестры.

– Вот он и есть ветеран комсомольского полка.

– Не может быть!

Мы искали ветеранов, а они, оказывается, были рядом.

На станции Лосиноостровская разыскали дом, где жил бывший санинструктор полка Копань. Оказалось, он умер от ран несколько лет назад. Нас встретили его мать и сестра. Они как-то странно и неохотно отвечали на наши вопросы. Потом сестра куда-то исчезла, не попрощавшись. А мать на нашу просьбу показать, какие остались фотографии и документы, нехотя достала какую-то бумажку и пару фотографий.

Так холодно и равнодушно нас ещё не встречали.

– Может, им тяжело вспоминать? – недоумевали мы на обратном пути.

Подошла электричка, и мы с ребятами расстались. Они поехали в Москву, а я в противоположную сторону – на станцию Клязьма, где тогда жила.

В поезде к ребятам подсел какой-то весёлый парень.

– А где ваша симпатичная девушка? – спросил он. – Хотел познакомиться, а вы её куда-то дели!

– Да какая девушка, – возмутились ребята. – Это же наша вожатая!

– Как вожатая, откуда?

В КГБ сработали чётко – вот куда убежала сестра ветерана!

Ведь 85-й полк был вооружён новейшим оружием – реактивными миномётами. До конца войны фашисты охотились за его секретом. Но как ни старалась разведка – ничего не смогли узнать. А родственники санинструктора были, как и мы все в те годы, патриотами и были настороже.

Утром к директору школы пришли два молодых человека и, предъявив документы, выясняли, зачем и почему ездили в Лосиноостровскую. КГБ не зевало!

Однажды кто-то из ребят сказал, что хорошо бы не только воспоминания, но документы и фотографии собрать.

– Кто же тебе отдаст фронтовые снимки, которые на память остались? – возразил Володя Сухарев.

– А помните, – сказал Виль Фунтиков, – комиссар Гук показывал нам фронтовые снимки, где секретарь Центрального

Комитета комсомола Михайлов вручает полку знамя ЦК комсомола. Давайте его разыщем, он многое должен знать.

Разыскали Михайлова, ставшего министром культуры. Он встретил ребят очень тепло и доброжелательно.

– Дома у меня документов и фотографий нет, но я постараюсь что-то подобрать.

И вскоре ребята получили большой пакет, присланный по просьбе Михайлова из архива Центрального Комитета комсомола, где было около сотни различных фронтовых фотографий. Они и послужили началом создания школьного музея боевой славы, впоследствии, по решению Министерства культуры, получившего звание «Народный».

На очередной сбор дружины, посвящённый полку, в гости к ребятам приехали 40 ветеранов полка.

В 1956 году перед входом в школу был установлен памятник погибшим воинам 85 полка. Деньги на его строительство зарабатывала вся школа – работали на стройке, собирали макулатуру, металлолом.

А потом, получив специальный пропуск в Министерстве обороны, ребята много дней работали в Подольске – в Центральном Архиве Министерства обороны. Знакомились с боевыми донесениями разведчиков, приказами.

Узнали о героях полка – командире дивизиона Викторе Новикове, погибшем на Орловщине, о капитане Петре Маланове, отдавшем жизнь за освобождение города Добеле в Прибалтике и других героях полка. Разыскали их родных.

Куда пойдём?

– Куда пойдём в многодневный поход летом? – такой вопрос обсуждался на занятии туристского кружка.

– Кавказ.

– Карпаты.

Называли ребята места, где им хотелось бы побывать. Неожиданно кто-то предложил пройти по боевому пути 85-го полка под Сталинградом.

Эту идею ребята поддержали и решили посоветоваться с

ветеранами. Написали письмо Г.М. Горбу и вскоре получили ответ. «Весьма рад, что вы задумали свой летний поход по населённым пунктам и степным балкам, которые в тяжёлые годы Отечественной войны являлись боевыми рубежами известного полка. О таком походе и я не раз думал, гадал, прикидывал».

Правильно было бы пройти по маршруту: хутор Рыбный (на правом берегу Дона в районе станицы Усть-Хоперской) – хутор Перелазовский – Калач – хутор Мариновка – Карповка – Сталинград.

Идею одобрил и комиссар полка П.П. Гук, но предупредил ребят, что нужна очень серьёзная физическая подготовка. Нужно уметь ходить по азимуту и многое другое.

Изучили литературу, писали письма в пункты следования и различные организации. Из Генштаба Советской Армии пришёл пакет с вычерченной на восковке схемой боевого пути полка.

В Московский Городской клуб туристов пришли с тщательно разработанным маршрутом похода г. Серафимович – хутора Усть-Хопёрский Котовский – Блиновский – Усть-Медведицкий – Перелазовский – Калмыковский – г. Калач – хутор Советский – Мариньва – высота 129,9 Карновка – Сталинград.

Члены Городской маршрутной комиссии, рассмотрев маршрут, только развели руками.

– Это не район туристского путешествия. У нас и консультанта нет по этому району. Там кругом безводная степь. Видите карту? Попробуйте, потом расскажете.

И мы «попробовали». Следовало, во-первых, очень хорошо подготовиться. К походу готовились 25 человек. Знали, из них выберут только 16 самых крепких.

Тренировочные походы с увеличенным километражем и увеличенным грузом проводили еженедельно. Занимались и в спортивном зале.

Распределили обязанности. Командиром единогласно выбрали Виля, его все уважительно называли Виль Иванович. Он одним из первых стал заниматься историей полка, опытный турист, хозяйственный и рассудительный. Его уважали за от-

крытый, весёлый нрав, за то, что в походе он всегда первым брался за самые трудные дела.

Завхозом по питанию выбрали Нину Синицыну, все знали её хозяйственные способности. Она тут же приступила к работе: засела за расчёты питания, подбор необходимых продуктов и т.д.

Санитаром – Нонну Колчеву, которая с пятого класса мечтала о медицинской профессии.

«Должности» получили все. Работа кипела полным ходом. Историки делали записи в своих блокнотах обо всех пунктах, где вел бои полк.

Возникла проблема со снаряжением. Родители Марины Ершовой – заядлые туристы – где-то изготовили хорошие козловые принадлежности и разборные стойки для палаток.

Однажды Виль пришёл в школу радостный и заявил, что палатки будут. Оказалось, что он, Володя Сухарев, Галя Мартянова и Рита Богачёва согласились участвовать в эксперименте, которые проводит научный сотрудник НИИ педагогики Нагорный. Два раза в неделю, нагруженные тяжёлыми рюкзаками, они ходили, то ускоряя движение, то замедляя его темп, то сокращая, то увеличивая вес рюкзаков, все время находясь под наблюдением учёного.

– Как дела, подопытные? – смеялись ребята.

– Ходили по замкнутому кругу. Скорость 120 шагов в минуту. У Виля поднялось давление, у меня упало.

Наблюдения продолжались два месяца. Доказано, что существующие нормы нагрузки школьников-туристов занижены. Но палатки Нагорный дать так и не смог.

С помощью директора школы Семёна Осиповича палатки «добыли» в Районном доме пионеров.

Сколько было слёз, когда «отсеивали» лишних, но предстоял очень необычный, очень трудный поход: без воды, без топлива, без леса, с ограниченной возможностью пополнения продовольствия, и всё требовало жертв.

Группа была дружной, сплочённой. У каждого было своё определённое дело, которое он старался делать от души, чтобы не подвести товарищей.

2 июля 1958 г. в полном снаряжении отправились на вокзал.

Когда уходили в поход, отец Володи Сухарева, генерал старой закалки, подарил нам две книги Генштаба 1942 года с грифом «секретно» – расположение войск под Сталинградом.

А мне наказывал: «Ты держи их в ежовых рукавицах, не распускай». Володю он воспитывал, как солдата. Тот не только два раза в неделю мыл полы в их немаленькой квартире, но и драил всю посуду. Впрочем, его, доброго и трудолюбивого, не нужно было заставлять. Он все делал от души, с наслаждением.

Впоследствии Володя стал кадровым военным и женился на своей школьной подружке Валентине Левиной. Мы встретились в конце 70-х годов. Они были счастливы.

А Володю генерал просил разыскать могилу старшего сына, без вести пропавшего в боях под Сталинградом, и что-то узнать о его гибели.

И входя почти в каждый хутор, Володя надеялся что-то узнать или увидеть хотя бы фанерный обелиск с именем любимого брата. Но уходил почти всегда со слезами на глазах. Братских могил почти не было. Они были в городах и крупных поселках. А на хуторах жители говорили горько: «Вон холмик у меня за домом, там человек 200 погребено. Кто же имена знает? Собирали по всей степи»; «В ближней балке 50 человек похоронили, а документы и не искали».

Уйдут из жизни эти жители, и никто и не узнает, что здесь похоронены солдаты, отдавшие жизнь за эту землю.

На маршруте

И вот мы в походе. Шли по маршруту: г.Серафимович – хутор Усть-Хоперский – хутор Калмыковский – хутор-Перелазовский – г.Калач – хутор Карповка – Сталинград.

Кажется, всё продумано, не должно быть ни накладок, ни проблем. Группа хорошая. Работает как отлаженный механизм. Чёткий график дежурств – повара, костровые, мойщики посуды, ведение ОПД (описание пути движения).

По всему нашему многокилометровому маршруту нас встречали тепло и радушно. Мы были первыми туристами, которые прошли в этих местах. В хуторах добрые женщины угощали нас молоком, и трогали руками: «Неужто правда, вы из самой Москвы до нас добрались?» А многие интересовались: «Сколько вам платят за то, что мешки такие здоровые таскаете?»

Когда мы вошли в первый хутор и увидели толпу людей, даже испугались: «Может быть будут?» И были сражены плакатом: «Сегодня к нам прибывают туристы из Москвы. Просьба собраться на площади для встречи».

Вообще на всем маршруте в хуторах и даже на дальних точках, фермах, нас встречали очень по-доброму. Ну а мы рассказывали о Москве; о 85-м гвардейском полке, сформированном в 1942 году из комсомольцев-добровольцев – ребят допризывного возраста, владеющих одной из военных специальностей (радист, связист, фельдшер, водитель), о своем походе, пели песни.

Фотографируем, записываем воспоминания жителей о событиях Великой Отечественной Войны.

У историков в блокнотах сообщения о действиях полка. Они знакомят нас с ними: «Хутор Рыбный – огневой рубеж, позиция, откуда раздалась первые залпы «Катюш» 85 полка в утро 19 ноября 1942 года. 19 ноября войсками Юго-Западного фронта был начат прорыв обороны врага, в котором важную роль играла артиллерия, в том числе гвардейские миномётные части. К 10 часам утра полк вошел в общую колонну 26-го танкового корпуса, поддерживая танковые части огнём и колёсами. Впервые действовали ночью. Участвовали в освобождении районного центра Перелазовский», – и так по всему маршруту.

Рюкзаки у нас, конечно, были тяжеленные, хотя мы тщательно выверяли вес. И послали сами себе объёмные посылки с продовольствием («заброску»), которые получили на 6-й и 13-й день пути. Но мы вынуждены были двигаться пусть с небольшим, на 3 канистры, запасом воды – без воды в такую жару не выжить. Несли с собой три канистры с водой по 7 литров – две для приготовления пищи, одна – аварийная.

Тщательно был продуман и график, и режим движения. Расстояния между хуторами были равны примерно 25–27 километрам. Это была норма дневного перехода. Ходовой день был примерно равен 7 часам: четыре перехода утром с 8 до 12 часов и три перехода после 16-ти часов. В жару – 4-часовой «обед». «Заползали» в какую-нибудь балку (по нашему – овраг), и располагались вдоль его стен, прячась от проникающего туда солнца, и всё равно было невыносимо жарко.

Дров нет – несли большой запас сухого спирта и специальные плитки для него. Варилось долго, но всё же варилось. Иногда попадались заросли сухой травы, ковыля. На хуторах люди топили печи кизяком – сухим навозом. Но делать из него костёр было довольно неприятно.

На всём маршруте деревянных домов почти нет. Стоят глинобитные домики, похожие на украинские хатки, но маленькие, без палисадников, и печки не в домах, а на улице.

На третий день пути, оставив на берегу Дона дежурных – готовить еду и разбивать лагерь, пошли в большой хутор Усть-Хоперский записывать воспоминания местных жителей о событиях военных лет. На обратном пути нас настиг неожиданно налетевший песчаный буран. Бешеный ветер поднял тучи колючего песка; небо, ставшее вдруг чёрным, как сажа, прорезали зигзаги молний. Молодцы дежурные! Несмотря на буран, поставили палатки. Правда, когда мы пришли, пришлось удерживать их и прижимать банками тушёнки, чтобы свирепый ветер не вырвал их с кольями из зыбучего песка и не унёс в Дон. Так что ночь мы провели в палатках.

Из-за непогоды, бушевавшей всю ночь, дежурные опоздали с завтраком. Ветер задувал костер, песок лез в глаза, нос, уши. «Тихий» Дон почернел и «кипел» большими бурунами. Но все же каша и чай на наших волшебных костровых приспособлениях были готовы довольно быстро. Впрочем, кашу мы ели все же с песком, который ветер щедро задувал в наши миски. На маршрут вышли с опозданием. Неприглядную картину представляла оставленная нами стоянка. Огромные барханы песка, мрачный неприветливый Дон. Темное небо в тучах, несколько раз принимался идти дождь, и мы изрядно про-

мокли. Но вскоре выглянуло жаркое солнце, и над нами поднялся пар.

Этот день был очень тяжёлым. Уже давно закончилось наше ходовое время, по нашим подсчётам пройдено больше 30 километров, а хутора всё нет. Душно и жарко, мучает жажда. Сосём выданные завхозом леденцы «Барбарис», но пить всё равно хочется ужасно.

В пути – ни души. Кругом, насколько видит глаз, – ничего, кроме голой степи.

И вдруг на горе показалось несколько домиков.

– Хутор! – обрадовано крикнул кто-то.

Но мы шли и шли, а хутор не приближался. Это был миф...

Ночевали в степи без горячей еды. Виль из аварийной канистры (две другие израсходовали днем) налил всем по четверти кружки воды. И только две Вали, у которых был день рождения, получили двойную порцию.

Так и ели свои бутерброды, чуть смачивая их скудной жидкостью. И завтракали также.

Только через два перехода вышли к хутору. На нашей схеме он был обозначен неверно. Встали на обед, напились, умылись и «залегли» в ближайшей балке, чтобы переждать жару.

Так что не все дни были равны по нагрузке.

Вот и в этот день прошли больше 30 километров и вышли к какой-то далёкой ферме с неожиданным названием Верба. Несколько домиков, колодец.

Здесь мы впервые увидели степных гончих собак. Выглядят они удивительно тоще, а тело вытянуто ещё больше, чем у обыкновенной гончей, но приветливы и доброжелательны. Бродили верблюды, волы, коровы с колокольчиками на шее, стояли высокие арбы (в них запрягали волов). Нас напоили молоком, расспрашивали о Москве. Володя играл на аккордеоне, девочки пели песни.

Один раз на маршруте, к общему восторгу, нам встрети-лась какая-то река. Карта (схема) у нас была плохая, и никакой реки там, конечно, не было.

Река была странная, с совершенно голыми берегами. Сто-

яла одна единственная груша, но с сухой верхушкой. Вблизи был какой-то хуторок (не обозначенный на нашей схеме), а местные ребята купались в реке. Мы тоже не могли отказать себе в таком удовольствии, и не вылезали из воды, только дежурные, обломав сухие верхние ветки груши, готовили обед.

Но удовольствие нам неожиданно испортила плывущая по реке змея. Испуганные, выскочили на берег. Местные жители уверяли, что это уж, и он «не тронет». Но мы на всякий случай дождались, пока змея уплывет.

Мы очень стосковались без леса. Так хотелось увидеть что-то зелёное, вдохнуть лесную прохладу, но вокруг – степь, холмы, балки, снова балки...

И вдруг впереди блеснула стальная полоска. Вода? Не может быть! Это, наверное, снова мираж? Нет, на этот раз мы не обманулись. Вода близко, и мы ещё сильнее чувствуем жажду. Глаз радуется ярко-зелёная сочная трава и кустарник.

Ещё километр пути и перед нами открывается водная гладь. Мы стремглав бежим к воде и окунаем разгоряченные лица в чуть тепловатую, невкусную воду. Это Цимлянское море. Но, главное, это вода!

На 25-й день пути группа вошла в город Сталинград.

Здесь нас ждали незабываемые встречи, интереснейшие экскурсии.

И вот мы в городе-герое, где каждый камень – это история, в городе, ставшем символом негибаемого мужества.

В областном комитете ДОСААФ нас ждала телеграмма командующего Кавказским военным округом Маршала Советского Союза А. Еремина – поздравление с успешным завершением похода.

Мы побывали на легендарном Мамаевом кургане, в Купоросной балке, Квадратной роще – местах ожесточенных схваток с врагом.

Встретились с генерал-майором Морозовым, дивизию которого поддерживал 85-й полк.

Город Калач

23 ноября 1942 г. полк участвовал в боях за переправу через Дон и в освобождении города Калач-на-Дону, обеспечивая действия танковых частей.

Наши историки читали воспоминания комиссара П.П. Гука:

«Дон был серьёзным препятствием на пути подвижной группы, в которую входил полк. Предстояло форсировать водный рубеж, подавить сопротивление врага, укрепившегося в Калаче, и овладеть городом. Под покровом ночи передовые подразделения танкистов завязали бои за переправу, стремясь прорваться на противоположный берег и захватить плацдарм, на котором могли бы разместиться основные силы. Наши дивизионы своим огнём поддерживали действия танкистов.

Во время боя за переправу гвардейские миномёты вели огонь с берега, прикрывая танки, наступавшие через мост. Эта поддержка решила дело. Огонь гитлеровцев стал ослабевать. Вслед за танками гвардейские миномёты устремились на противоположный берег Дона и вместе с ними ворвались в Калач.

Удар был настолько внезапным, что гитлеровцы бежали, оставив продовольственные склады и дымящиеся полевые кухни.

Продвигаясь с тяжелыми боями к Волге, полк вынужден был задержаться в Калаче. В баках машин иссякло горючее, цистерны запаздывали.

И вот тогда выручили местные ребята во главе с учеником второго класса Славой Деревенсковым. Они помогли отыскать замаскированный фашистами склад горючего – девять больших цистерн. Водители заправили баки своих машин, и полк двинулся вперёд. «Жив буду – тебя не забуду, – обещал комиссар Славе, – я о тебе в "Пионерскую правду" напишу».

Пётр Петрович указал нам место, где примерно жил Слава: – Адреса я, конечно, не помню, но жил он возле рыбного завода у самого Дона. Ещё над воротами шест с большой рыбой качался.

Комиссар просил нас разыскать Славу, но Деревенкова в

Калаче не оказалось. В одном из домов возле рыбного завода нам сказали, что Деревенских надо искать в Сталинграде.

Сказать откровенно, мало кто из участников похода надеялся на то, что поиски Славы Деревенского увенчаются успехом. Каково же было наше удивление, когда в Сталинграде, обратившись в адресное бюро, мы получили ответ: «Сталинград, улица Советская 20, квартира 13».

И вот встреча... Дверь открыл коренастый симпатичный юноша. Он очень растрогался, что Пётр Петрович не забыл его и передал ему доброе, тёплое письмо.

Рассказывая о Калаче, хочется упомянуть ещё один эпизод, связанный с 85-м полком.

За мужество и героизм, проявленные при освобождении города Калач, многие бойцы и командиры были представлены к высоким наградам. Но они не были вручены. Вместо них последовало суровое наказание – выговоры, понижение в должности и т.д. – хорошо, что не трибунал!

А дело было в том, что полк понёс потери – были убиты водители боевых машин и некого было посадить за баранку. А нужно было двигаться на Сталинград. И тогда командование пошло на рискованное мероприятие. В Калаче был освобождён лагерь военнопленных. Отобрали пять человек, как решили – надёжных, и посадили их водителями на боевые машины. Но ведь «Катюши» были сверхсекретным оружием и фашисты делали всё возможное, чтобы завладеть их секретом. А пленные тогда считались врагами Родины.

Тикайте, хлопчики! Тикайте! Танки идут!

В Калаче, в освобождении которого участвовал 85-й полк, провели два дня. В горвоенкомате, где мы предъявили письмо Главного Политуправления Советской Армии с просьбой ко всем военным организациям оказывать нашей группе содействие в продвижении по маршруту, нас встретили не просто дружелюбно. Нам разрешили поработать с картой-километровкой с одним условием – не копировать! Мы измерили расстояния между последними участками нашего пути. Замерили их азимуты.

...Прошли хутор Мариновка. Отсюда мы должны были выйти к высоте, обозначенной в топографических картах точкой 129,0. Здесь героически погиб командир боевого расчета Иван Пугач.

Так вот, прошли хутор Мариновка. К концу ходового дня неожиданно для себя вышли на отличную грейдерную дорогу. Задумались: вроде бы её мы не видели на карте в военкомате. Решили, что мы от радости, получив подробную карту местности, были не очень внимательны.

Примерно в двухстах метрах от дороги увидели кучу свежих опилок, среди них много чурок. Ура! Чурки – это дрова, а мы по всему степному маршруту испытывали дефицит топлива. Решили здесь заночевать.

Откуда здесь свежие опилки и чурки? – Этот вопрос себе не задавали. Увидели оборванную ржавую колючую проволоку, поваленные столбы со щитами «Проход воспрещен». Решили, что здесь, вероятно, когда-то была воинская часть.

Пужинали. Небо было ясное, звездное. Очень жарко. Решили палатки не ставить. Просто расстелили их на опилках и легли спать.

Ранним утром услышали приближающийся непонятный тяжелый гул. А затем истошный крик пастуха, гнавшего стадо коров: «Тикайте, хлопчики! Тикайте! Танки идут!»

И он бегом, вместе с коровами, промчался мимо нас.

Чего он так испугался? А по дороге, вздымая пыль, в облаке выхлопных газов, на большой скорости один за другим шли танки. Шли с закрытыми люками. Так и прошли мимо, не обратив на нас никакого внимания. Сначала подумалось: может, не наши? Но увидели звезды и успокоились – видимо, у них другие задачи.

Не встревожились. Спокойно позавтракали, собрались и пошли по дороге, которая совпадала с нужным нам направлением. Прошли примерно два километра и в ужасе остановились. Цепью поперек дороги стояли танки с огромными пушками, нацеленными прямо на нас.

– Дяденьки, – крикнул от неожиданности кто-то, – не стреляйте, мы свои!

А пушки угрожающе смотрели на нас и пока не стреляли. Что делать? Бежать назад? Так и в спину расстреляют. Раз десять прокричав, что мы свои, опасливо двинулись к танкам. А когда дошли, увидели, что людей там нет. Кого же они пугали?

Прошли примерно один километр – никого. Еще один километр пути. Увидели четыре сторожевые вышки. А на них никого. Куда же мы попали?

Поорав немного, что мы свои, и не дождавшись ответа, опасливо пошли по дороге вперед.

Прошли еще примерно полтора километра и увидели на поляне свежееотесанные столы со скамейками и много военных. Кто-то играл в шахматы, кто-то что-то обсуждал.

Хотели спросить, куда мы попали, но на нас никто не обращал внимания, и мы пошли дальше. Через несколько километров дорога резко повернула влево. По нашим расчетам, до высоты 129,0 оставалось не больше трех километров. Мы успокоились и повеселели.

Но прошли меньше километра, когда наткнулись на большую группу военных. Нас окликнули. Это оказались земляки – слушатели академии им.Фрунзе. Мы представились.

– Это о вас писала газета «Красная Звезда»? – спросил один из военных. – А знаете, что у нас в Академии работает бывший командир 85-го полка Валентин Плотников? Он сейчас в лагерях. А вернется, мы ему о вас расскажем.

К группе подошел какой-то начальник в плащ-палатке, спросил, кто мы и куда держим путь. Узнав, что на высоту 129,0, посоветовал свернуть на какую-то дорогу. Тепло простились. Военные ушли по своему маршруту, мы по своему.

Но не прошли даже одного километра. Перед нами остановился разгневанный мотоциклист.

– Почему в зоне люди? Кто вас допустил сюда?

Мы испуганно изложили, кто мы и куда идем.

– На высоту? – переходя на визг, заорал мотоциклист. – А вы знаете, что через тридцать минут начнется газовая атака и артобстрел высоты 129,0? А одного холостого снаряда хватит, чтобы накрыть всю вашу группу! Жить надоело? Дурак начальник, что сюда вас направил. Он у себя на кухне началь-

ник, а здесь ничего не знает! Бегом по этой дороге до первой избы и лицом вниз на пол. Лежать, пока не кончится обстрел. За вами придут. Бегом! Осталось 25 минут. Живо!

Как мы мчались к избам какого-то выселенного хутора! Как добежали до первого дома с выбитыми стеклами, как плюхнулись лицом на грязный пол! Как услышали страшную артиллерийскую канонаду! Нет слов, чтобы описать весь этот кошмар.

Так и лежали, пока над нами не раздался насмешливый голос того же мотоциклиста:

– Вставайте, уже давно не стреляют! Кто же вас послал в самое пекло?

Оказалось, что мы попали на полигон, где проходят подготовку слушатели военных академий и где проходили крупномасштабные учения.

А если бы мы успели дойти до высоты? Какую же карту нам дали в военкомате? Неужели не могли предупредить, что туда лезть не надо? Это значит – оказали «содействие в продвижении по маршруту»!

Так вот почему испугался пастух. Военные получили приказ – и точка. Все остальное – лирика. Это им неинтересно. Это их не касается. Спасибо тому мотоциклисту, имени его не знаем и чин не спросили. Только знаем, что он – Человек. В критическую минуту, решая какие-то свои задачи и проблемы, он позаботился о людях. Хотя, как мы узнали позже, за людей, по своей глупости попавших на полигон, военные ответственности не несут.

Не может такого быть!

Наш санитар Нонна была очень надёжным и добросовестным человеком. На всём маршруте следила за здоровьем товарищей, заставляя их обливаться холодной водой по пояс, тщательно мыть ноги везде, где была вода. Она осматривала ноги туристов, лечила потёртости, ссадины. Казалось, от её зоркого взгляда не может скрыться ничего.

Как случилось такое? Я и представить не могу.

До Сталинграда оставалось не больше пятнадцати километров пути. Пообедали на берегу канала. Команда: «Подъём!» Надеваем рюкзаки и вдруг Нина, завхоз по питанию, вместе с рюкзаком с полного роста валится на землю и со слезами на глазах говорит: «Не могу! Не могу встать на ноги!»

Все в шоке – что случилось?

А она только плачет: «Не могу»

«Снимай ботинки!» – командует Нонна. Тут и выяснилось, что неделю назад Нина натёрла ноги, лечилась сама, скрываясь от Нонны и товарищей.

– Почему же ты молчала?

– Не хотела всех подводить.

А теперь ступня – сплошной нарыв.

Когда вставали на обед и собирали в округе веточки и щепочки для костра, видели солдат. Значит, где-то войсковая часть. Послали разведку и вскоре выяснили: да, близко. Пошли к замполка части. Он все понял сразу и отнёсся с пониманием: «Позвоню в медсанчасть, вызову "скорую", отвезём к нашему хирургу – это всего в пятнадцати километрах»

...Когда хирург осмотрел Нинины ноги, он только ахнул: «Шла много дней? Не может такого быть! По всем показателям медицины на таких ногах не только нельзя передвигаться, но и стоять невозможно».

Он обработал ноги, дал все необходимое для перевязок, велел раньше чем через пять дней не вставать.

А замполит, дай Бог ему здоровья, приказал на «скорой» отвезти Нину в Сталинград, в школу, где мы должны были жить в дни пребывания в городе.

Тихий ужас на Тихом Дону

Кажется, на четвёртый день пути к обеду вышли к старице реки Дона. Воды здесь не было, но место привлекало нас сухим ложком, на склонах которого рос какой-то кустарник и были сухие ветки. Заглянули в карту – до какой-то петли Дона меньше километра. «А воду мы принесём!» сказали мальчишки. Забрали все ведра и канистры и вместе с Юрой – вторым руководителем ушли на Дон.

Я, девочки и дежурный костровой Володя Сухарев остались собирать топливо. Прошло какое-то время. По наши подсчётам ребята уже должны были дойти до Дона. И вдруг до нас донёсся страшный, какой-то нечеловеческий вопль.

Первая мысль: «Ослушались, полезли купаться, и кто-то утонул».

– Девочкам оставаться на месте! Володя, за мной! – И, утопая в песке, мы помчались к Дону.

Кучкой стояли мальчишки, какие-то насупленные, угрюмые. Пересчитала. Слава Богу – все!

Чуть в стороне, с десятков женщин, в белых платках, повязанных по-казачьи, низко на лоб так, что открытыми оставались только глаза, что-то выкрикивали.

Увидев меня, расступились. На земле билась в истерике полуголая девушка, прикрытая платком. Рядом, как побитый барбос, стоял растерянный Юра.

Подступив ко мне ближе, женщина кричала:

– Может, это у вас в Москве положено чужих баб лапать?

– Полина, скажи за мужиками, пусть их как надо поучат!

Оказывается, ребята приближались к реке, а на берег вышла из воды голая девушка. И вдруг Юра помчался к ней и, обхватив, повис на её спине.

Что она могла подумать? – До ближайшего хутора двадцать пять километров, рядом на поле работают только женщины...

Это она так страшно кричала.

– Я же пошутил, – виновато лопотал Юра.

Одна из женщин шепнула мне на ухо:

– Уходите подальше и быстро.

– Мы его накажем, простите, – только и смогла выговорить я. Быстро, без воды, вернулись в свой лагерь.

– Свертываемся и вперёд, быстрее!

Мальчишек просила девочкам ничего не говорить.

Как мы почти бежали по дороге!

Казалось, сейчас нас догонят казаки на лошадях и будут гонять нагайками.

Дошли до какой-то балки и буквально свалились на дно, ед-

ва переведя дыхание. Всухую жевали свою еду. Так появились в группе два лагеря: по одну сторону Юра, по другую все мы.

Наверное, Володя, который дружил с Валентиной Левиной, проболтался, а она сказала девочкам. К Юре никто не обращался, не заводил разговоров. Спросит – ответят. Лично я не могла на него смотреть. Хотя раньше отношения были хорошие – ходил он со мной в походы немало и казался таким надёжным.

Завтракаем у лётчиков, обедаем у десантников

Поход по Прибалтике (Латвия), по боевому пути 85-го гвардейского миномётного полка, начинался с экскурсионной части. В Ленинграде, кроме знакомства с достопримечательностями города, мы должны были встретиться с ветеранами полка – минометчиками, в том числе с одним из самых героических людей части – Носичем; побывать в штабе ленинградского военного округа. О встрече в политуправлении с каким-то высоким начальником мы договорились заранее. Требовалось узнать о месте нахождении части, которой было передано знамя 85-го полка.

Дело в том, что 85-й полк, который проходил службу на Сахалине, в 1967 году попал под сокращение вооруженных сил и был расформирован. А его номер и знамя были переданы другой части. (Я, конечно, мало понимаю, какое это сокращение, если вместо одной части появляется другая? Но в военном деле трудно разобраться.)

Нас интересовал адрес новой части, с которой мы никак не могли установить связь. Кто-то шепнул нам, выдав военную тайну, что находится она в Ленинградском военном округе, оснащена новейшим оружием и сверхзасекречена. Но на все запросы из Ленинградского округа нам отвечали, что такая часть у них службу не приходит.

В Пскове нас ждала встреча с ветераном полка Воиновым.

С Носичем нам не повезло. Оказалось, что Академия (кажется, артиллерийская), где он работал преподавателем, почему-то раньше времени выехала в военные лагеря под Лугу.

В штабе Ленинградского военного округа, из проходной, где в телефонных кабинках висели грозные плакаты: «Не болтай, враг подслушивает», мы позвонили в Политуправление и, получив пропуск, были препровождены к высокому чину.

Он встретил нас очень любезно, рассыпался в комплиментах, говорил о нужности и полезности поисковой работы, которую мы ведём. Сказал, что сейчас же прикажет связаться с Лугой, чтобы нас встретили на станции и отвезли в лагерь к Носичу. (Так и было. Встреча состоялась. Мы записали интереснейшие воспоминания Носича). Но на вопрос о части твёрдо отвечал, что у них такой нет. Мы настаивали. Говорили, что нам не точка нужна, где они находятся, а их полевая почта. Ведь люди, которые там служат, ведут переписку, нам надо только установить связь.

Трудно понять военных, но генерал был категоричен: «Нет». И тогда, видя, что разговор зашёл в тупик и нам придётся уйти ни с чем, я сказала решительно:

– Знаем из своих источников, что часть находится у вас и осваивает новое вооружение. Помогите нам установить связь.

Если бы в комнате генерала раздался взрыв, он не вызвал бы такой реакции. Генерал побелел, покраснел, позеленел. Но сказал твёрдо: «Вас ввели в заблуждение, такой части в нашем округе нет».

Вошёл адъютант и сообщил, что нас ждут в Луге. Очень сухо простились. Генерал сдержанно пожелал нам успехов, и мы уехали в Лугу, а потом в Псков.

Ночью наш поезд пришёл в Псков. Мы были снабжены письмом Политуправления Министерства обороны с просьбой к воинским частям и военкоматам оказывать всяческое содействие группе туристов. Поэтому отправились в штаб местного гарнизона, где, мы знали, круглосуточно на посту был оперативный дежурный. Дежурил какой-то майор. Он долго вертел в руках нашу бумагу и вместо того, чтобы предложить нам пристанище, принялся кричать: «Я что, собес? Почему я должен помогать каким-то туристам?» От своего голоса, от своей значимости он заводился всё больше и больше, выкрикивая что-то малоприятное и обидное.

Что делать? Потащились назад на вокзал. Никаких помещений, чтобы переночевать на вокзале не было.

Дежурная посоветовала пройти к военному коменданту, который размещался в домике рядом с вокзалом.

Комендант встретил нас по-доброму и разрешил разместиться в одной из комнаток. Расстелили палатки и сладко уснули.

Только проснулись, идёт комендант:

– Вас разыскивают, прислали машину.

– Это, наверное, не нас, – удивились мы. А в комнату уже весело вбегал разбитной лейтенант – комсомольский вожак Костя.

– Значит так, – заявил он – едем к лётчикам, завтракаем. Смотрим технику. Едем на место формирования регулярных частей Красной Армии. Потом к десанникам – обедаем, смотрим учения. Потом ... Но сначала к нам в штаб, сложите рюкзаки...

Мы растерянно переглянулись:

– А вы нас ни с кем не перепутали?

Но Костиному напору можно было позавидовать. Солдаты, которые с ним приехали, уже грузили в машину наши рюкзаки.

Когда машина остановилась у штаба, на крыльцо выскочил тот самый майор, который орал на нас ночью.

– О, москвичи, добро пожаловать, – радушно приветствовал он нас.

Мы ничего не могли понять, только удивлённо смотрели, открыв рты. Кажется, мы их и не закрывали почти весь день. «У лётчиков», куда нас привез Костя, столы были накрыты белоснежными скатертями. Дымились блины, стояли запотевшие графины с холодным квасом.

Командир части и шеф-повар стояли на пороге, умильно смотрели, как едят «дети» и что-то приговаривали.

– А вы уверены, что это нас встречают? – удивлённо спрашивала я у Кости, сидевшего рядом.

– Вас! Вас!

Откуда нам было знать, что генерал из Политуправления, хватившись, что туристы, знающие слишком много, куда-то исчезли, разыскивал нас в Луге, но не нашёл. Дал команду

искать дальше по маршруту. И, обнаружив в Пскове, приказал встретить и проводить «по высшему разряду». Наверное, для того, чтобы не рыскали где не надо. Ведь, может быть, именно в Пскове находилась часть, которую мы искали.

Костя сказал, что он на весь день «наш» и машина «наша», что ужинать будем у артиллеристов, и что он же отвезёт нас к нашему поезду. Уже расставаясь перед отправкой поезда, когда мы, уставшие от впечатлений, разомлевшие от обилия вкусной еды, тепло прощались с Костей, я не удержалась и спросила:

– Почему такая встреча? Нас ведь дежурный майор на порог пускать не хотел.

– Из округа звонили, был приказ – коротко ответил он.

ИЗ ОТЧЕТОВ О ПОХОДАХ

Поход по Калининградской области (бывшей Восточной Пруссии), 1961 год

Двадцать незабываемых дней провели мы, группа учителей-туристов, в бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область). Прошли туристский маршрут протяженностью 164 километра.

Короткая справка. Пруссия – государство, затем земля в Германии (до 1945 г.). Основное историческое ядро Пруссии – Бранденбург, объединившийся в 1618 году с герцогством Пруссия (которое возникло в 1525 г. на части земель Тевтонского ордена).

Бранденбургско-прусское государство стало в 1701 г. Королевством Пруссия (столица Берлин), где руководящую роль в экономике и политической жизни играло юнкерство.

Пруссские короли (Фридрих II и др.) в XVIII – первой половине XIX веков значительно расширили территорию государства. В 1871 г. прусское юнкерство во главе с Бисмарком «железом и кровью» завершило объединение Германии на прусско-милитаристской основе; прусский король и стал Германским императором.

В результате ноябрьской революции 1918 г. монархия в Пруссии была ликвидирована, и она стала одна из Германских зе-

мель. После разгрома фашистской Германии во второй мировой войне территория Пруссии была разделена на отдельные земли (1945). В 1947 г. Контрольный совет для Германии принял закон о ликвидации Прусского государства как оплота милитаризма и реакции.

Уцелевшие в войну немцы были поголовно выселены, а край заполнили комсомольцы-добровольцы и переселенцы из различных районов страны.

В числе комсомольцев-добровольцев был и Валентин Михайлович Куликов.

Валентин очень любил этот край, где прошли семь лет его жизни и начиналась его туристская биография.

Он приехал в 1947 г. по путевке ЦК ВЛКСМ, работал комсоргом; инструктором по детскому туризму; организовал КЮП – клуб юных путешественников Калининградского Дома пионеров; Туристский лагерь клуба «Остров Робинзонов».

Со школьниками исходил памятные места края вдоль и поперек. Ему очень хотелось, чтобы и нам полюбился этот удивительный неповторимый край. И ему удалось влюбить нас в этот уникальный уголок земли.

Сколько же мы увидели интересного! За всю жизнь столько не увидишь!

Башня Бисмарка

Башня Бисмарк-тур

На реке Неман, на горе Сигнальберг, возвышается сложенная из гранитных глыб наблюдательная башня. Ее называют башней Бисмарка. Она сооружена по указанию «железного канцлера» Бисмарка в середине XIX века. С неё наблюдались тактические учения прусской армии во время подготовки Пруссии к франко-прусской войне 1870–1871 гг.

От башни к реке Неман спуска-

ется стометровая каменная лестница, обсаженная многолетней вечнозеленой туей.

Замок Рагнит

В 1231 г. В Пруссию по велению Папы римского и императора Фридриха II с грамотой на владение всеми землями, которые завоюют у прусских племен, были направлены первые рыцари Тевтонского ордена. Эта сила вскоре оказалась угрозой для прусских племен. Ожесточенная борьба продолжалась 53 года, прусские племена были окончательно покорены. На покоренных землях тевтонский орден приступил к строительству замков и крепостей.

В 1298 году было заложено строительство знаменитого замка Рагнит, который строился 12 лет. На протяжении 561 года замок Рагнит использовался как крепость оборонительного значения в северо-восточной части прусских земель.

Город Советск (Тильзит)

Город основан тевтонскими рыцарями в 1288 году как торговый центр. В 1945 году бои за Тильзит шли жестокие, он дважды переходил из рук в руки, поэтому был сильно разрушен.

Одна из достопримечательностей города – парк Королевы Луизы. Раньше парк занимал 102 га, сейчас оборудовано только 33 га.

Война разрушила замечательное сооружение парка – парковый дворец, где располагались залы, кабаре, тир, планетарий.

Во дворце из ценного камня (кажется, пирита) были выложены на полу и стенах красивые сложные орнаменты. Этот камень обладал интересным свойством – он был мягок. Поэтому им выстилали полы в спортивных залах. Падение на такой пол не причиняло никакой боли.

В парке был установлен памятник королеве Луизе, сделанный очень искусно: пьедестал изготовлен из очень красивого ирландского мрамора, а сама скульптура – из итальянского.

К сожалению, уцелел только пьедестал. Но и то, что уцелело, поражает воображение.

Центральная улица Советска

В парке собрано 1000 разновидностей деревьев и кустарников, многолетние травы (шотландские, бархатные и др.), здесь встречается 6 разновидностей березы (карельская, австрийская и др.).

Много старых причудливых деревьев. Очень любопытно, что садовники, выращивая парк, сумели создать чудеса. При входе в парк растет липа, на стволе которой сделан естественный нарост в виде медведя, ползущего по дереву. И таких чудес много!

Интересен старый открытый театр, построенный в английском стиле.

Тильзит известен в истории как место, где был подписан Тильзитский мир между Францией и Россией в 1807 г. На середине реки Неман, на специально изготовленном плоту, происходила встреча Наполеона с русским императором.

Самые известные достопримечательности города – мост королевы Луизы и кирха XVI века, где тогда-то молился Наполеон. После войны от моста сохранилась только арка левого берега. Сам мост имеет длину около 400 метров, был построен скоростным методом советскими войсками целиком из де-

Памятник танку Т-34

ревянных конструкций. Дом, где останавливался Наполеон, не сохранился.

В центре города в сквере Победы установлен танк Т-34, первым ворвавшимся в город. На мемориальной доске высечены фамилии 97 захороненных здесь воинов, погибших при штурме Тильзита.

Перейдя по мосту реку Неман, попадаешь в литовское селение Панелуни.

В 7 км от города заложен памятник Барклаю-де-Толли. На памятнике надпись на двух языках: «Достойному полководцу, проложившему себе стезю славы мужеством и храбростью во многих боях и ознаменовавшему победы предводительствуя союзными войсками в войне, освободившей народы в 1813, 1814, 1815 годах, соорудил сей памятник король Фридрих Вильгельм III. Князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли. Род. 1760 г. Скончался 25 мая 1818 года».

Город Черняховск (Инстербург)

Конный завод, где разводят лошадей тракененской и ганноверской пород.

Завод расположен на территории немецкой конюшни, которая очень хорошо оборудована на 160 мест.

Город Правдинск (Фридланд)

Памятник
на братской могиле

Братская могила русских солдат, павших в сражении под городом Фридландом 14 июня 1807 г.

И памятник генерал-майору Маковскому, командиру Санкт-Петербургского гренадерского полка, павшему во славу русского оружия на поле брани под Фридландом 20/14 июня 1807 г.

Город Багратионовск (Прейсиш-Эйлау)

Город пограничный, здесь находится погранзаства и граница с Польшей. Без договоренности с погранзаставой в город приезжать нельзя. Город считается городом славы русского оружия, так как здесь 8 ноября 1807 г. произошла битва между союзными русско-прускими войсками и армией Наполеона I, в которой отличился (собственно говоря, спас положение уже начавших отступать русских войск) П.И.Багратион, чье имя и носит город.

Памятник в честь этого сражения был воздвигнут по английскому проекту.

Он представляет собой обелиск, причудливо украшенный фигурами и лепными деталями. С трех сторон есть барельефные портреты полководцев, возглавлявших английскую, прусскую и русскую (Бенигсен) армии.

Памятник в честь сражения под Прейсиш-Эйлау

За оградой стоят две пушки времен франко-прусской войны.

Памятник можно посмотреть только с разрешения пограничных властей, как и попасть на русско-польскую границу, которая на всех произвела довольно большое впечатление своим отличием от книжного представления.

Город Калининград (Кенигсберг – Королевская гора)

Был основан в 1255 году Тевтонским орденом на землях, завоеванных во время 53-летней войны у древнего славянского племени пруссов (живущих «по-русски»).

В XVIII веке город был обнесен кольцевым валом с 16 крепостями (сохранился частично).

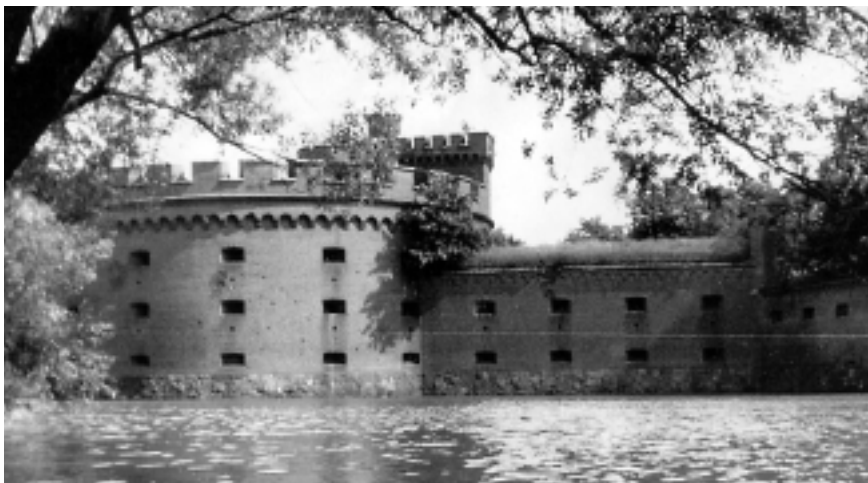
В XX веке сооружен внешний оборонительный обвод с 900 фортами (так называемая «ночная рубашка Кенигсберга»).

В 1545 г. был основан Кенигсбергский университет, в котором учился, а затем преподавал знаменитый немецкий философ Эммануил Кант.

В городе бывали Петр I, Ломоносов, Кутузов, Багратион, Суворов.

Во время войны Кенигсберг подвергался систематическим варварским бомбардировкам английской авиации, а затем сильно пострадал во время его четырехдневного штурма.

Командование Советской армии предлагало окруженному со всех сторон и отрезанному от своего фронта гарнизону Ке-

Один из форт

нигсберга сложить оружие. Но фашисты не пожелали этого. В результате город был чудовищно разрушен.

Мы осмотрели:

Развалины королевского замка – цитадели Кенигсберга. Основан в 1255 году, являлся официальной резиденцией Ордена, а позже – местом коронации всех прусских королей (хотя столицей был Берлин).

С замком тесно связана история с исчезнувшей Янтарной комнаты.

Янтарная комната (Янтарный кабинет), основное убранство изготовлено в начале XVIII века в Пруссии. В 1716 году подарена королем Фридрихом Вильгельмом I Петру I. В 1746 г. дополнена и смонтирована в Зимнем дворце в Петербурге. В 1755 г. перенесена в Царское Село (арх. В.В. Растрелли). В годы войны вывезена фашистами в Калининград. Незадолго до штурма Калининграда упакованная в ящики Янтарная комната находилась в замке, а затем бесследно исчезла. Судьба ее неизвестна. Ведутся поиски.

В подземельях замка фашисты устроили бункер глубиной 22 метра. От бункера подземные ходы вели к кафедральному собору и в других направлениях.

Параде-плац (Площадь парадов). Здесь находится блиндаж коменданта города Кенигсберга Ляша, в котором располагался штаб и был подписан акт о капитуляции гарнизона 9 апреля 1945 года.

Блиндаж 40-метровой глубины имеет форму буквы «П», в нем 24 небольших комнаты. Трехметровые стены и семиметровый потолок сооружены из железобетона. В блиндаже были свои телефонная и электростанция, имелась прямая связь с Берлином. Площадь блиндажа равна 375 кв. метров.

Кафедральный собор на острове Кнайпхоф. Сильно разрушен, но стены целы. Здесь захоронены все магистры Тевтонского ордена.

С внешней стороны собора расположена перенесенная сюда из внутренней части могила Эммануила Канта. Здесь, на острове, находился старый университет и жил Кант. Остров соединен с берегами реки Преголи и канала семью мостами, которые фигурируют в известной математической задаче Эйлера.

Аристократический район Амалиснау (XX век) застроен в основном коттеджами (виллами) в 2–3 этажа. Район исключительно богато озеленен, большинство улиц в четыре ряда обсажено старыми каштанами и декоративными кустарниками. Улицу здесь образуют не стены домов, а изгороди из кустарников, небольшие парки и скверы перед виллами.

Крепость Врангеля – одно из оборонительных сооружений старого Кенигсберга (XIX век). Рядом с крепостью большое озеро.

Всего в городе 38 озер. Многие из них искусственные, сооружены по инициативе прусской королевы Луизы уже после ее смерти.

Крепость имела внешние каменные ворота, вынесенные вперед. В самом здании крепости, за трехметровыми стенами, широкие казематы. С внешней стороны вокруг стен – глубокие рвы с водой, в крепости могли разместиться до 1000 воинов.

Памятник Советским воинам. В братской могиле покоятся 1200 воинов, погибших при штурме города.

Нужно сказать, что по всему маршруту очень много брат-

ских могил – сотни солдат отдали жизнь за освобождение этого края. Братские могилы в городах, поселках, хуторах.

Поездом с Северного вокзала доехали до поселка Янтарный, расположенном на море, в самом начале Куршской косы.

Поселок Янтарный (Пальминики). Крупнейшее в мире месторождение янтаря. Янтарный комбинат.

Янтарь – это окаменевшая хвойная смола, которая образовалась 40 миллионов лет тому назад в третичный период и составила пласт «голубой земли», толщина которого 8 метров.

Янтарь добывают открытым способом – в карьерах. Голубая земля – это третий слой земли. Два первых снимаются экскаватором.

Голубая земля грузится на вагонетки и подвозится в определенное место, где размывается в жидкую пульпу. Отсюда пульпа подается на обогатительную фабрику, где из земли извлекается янтарь за счет оседания земли и камней.

Янтарь имеет удельный вес 1,4–1,6, т.е. он легче воды и земли. С обогатительной фабрики янтарь перевозят на комбинат.

На комбинате несколько цехов: цех химической переработки; янтарно-ювелирный цех; цех сборки; цех сувениров.

Дух захватывает от красоты этих изделий. Очень красив дикий берег: высокий, заросший кустарником, зарослями малины и ежевики. Если погулять по берегу моря, можно набрать интересную коллекцию янтаря (конечно, мелочь).

Из Янтарного поездом доехали до Светлогорска.

Город Светлогорск (Раушен) расположен на высоком берегу Балтийского моря. Это крупнейший и один из лучших северных курортов страны. Здесь чудесный благоустроенный пляж, замечательный воздух – морской, соленый, густо насыщенный на сосновой смоле.

Неповторим рельеф Светлогорска – крутые холмы, покрытые сосновым лесом.

В центре города – Тихое озеро. В городе есть липа, которой несколько сот лет. Несколько человек, взявшихся за руки, едва смогут охватить ее ствол.

Город Зеленоградск (Кранц). Небольшой зеленый курорт-

Обычная дорога, характерная для Восточной Пруссии

ный городок, расположенный на берегу Балтийского моря на Земландском полуострове у самого начала Куршской косы.

Прежде чем рассказывать о чуде из чудес – Куршской косе, немного о другом. Мы были очарованы, околдованы этим суровым краем, где радовала красота природы и все было в диковинку: ленты шоссе и проселочных дорог, обсаженные ясенем, березами, липой, дубами, рябиной. Они на определенной высоте имеют белую полосу, а потому хорошо просматриваются далеко вперед, делая дорогу очень живописной и приятной.

Между городками и поселками на большом расстоянии друг от друга находятся хутора.

Хутор – это не маленький домишко, а сложенный из камня двухэтажный дом-крепость. Глубокий подвал с бойницами – для обороны. Здесь селились юнкера. Даже разрушенные здания впечатляют своим величием, давящей мрачностью, надежностью.

Везде радуют глаз дорожки, обсаженные вечнозеленой туей, сады, где и сейчас можно отведать одичавшие, но вполне съедобные яблоки и сливы.

Погода в области довольно дождливая. В год выпадает около 700 мм осадков. По количеству осадков Калининградская область после Батуми занимает второе место.

У немцев была очень хорошая дренажная система, что исключало образование больших болот, но она значительно пострадала в войну, поэтому заболоченные участки встречаются часто.

Местность в основном равнинная. Большие лесные массивы встречаются нечасто. Лес густой, с подлеском, с высокой травой – сырой, темный. Растут лиственные породы – дубы, ясень, липы, березы. Очень мало хвойных деревьев. Ельников почти нет. Встречаются искусственные посадки ели.

Водятся дикие кабаны, козы, бобры. На полях и на крышах хуторов множество аистов.

Много красивых мест, оставивших в памяти яркий след:

- живописные зеленые холмы близ башни Бисмарка;
- красивый лесистый берег реки Неман;
- река Путиловка, около старой плотины (старой мельницы). Место необычайно красиво: поляна с трех сторон окружена ивами, заброшенная дорога и бурлящий поток широко разлившейся реки.

И, конечно, реки: красавец Неман, впадающий в Куршский залив, образуя дельту, соединенный каналами с Днепром и Вислой; Шешупа с красивыми лесными массивами на холмах и другие.

Портят колорит края новые поселки – 20–25 стандартных домиков, где живут переселенцы. Они носят название той местности, откуда приехали завербованные. Киевский – с Киевщины, Полтавское – с Полтавщины, Архангельское и т.п.

Здесь созданы колхозы животноводческие, зерноводческие, садоводческие.

Куршская коса (Куршю Неринга)

Расположена на юго-восточном побережье Балтийского моря. Длина 98 километров, ширина от 0,4 до 3,8 километров. Отделяет Куршский залив от Балтийского моря.

Коса, точнее – пересыпь, в древности называлась «нерия».

Название Куршю Неринга происходит от двух слов: «куршай» – название древнебалтийского племени, и «неринга» – коса, пересыпь.

На Куршской косе – ее еще называют Северной Сахарой – очень красивы дюны высотой до 70 м и шириной до 1 км. А когда взбираешься на вершину дюн, открывается вид редкой красоты. С обеих сторон водные просторы от горизонта до горизонта. Между желтоватыми песчаными хребтами вклинился ровный пустырь, пересеченный невысокими холмами. Отдельными островками, а кое-где и сплошными полосами стоят вечнозеленые сосны и лиственные деревья. Суровые ветры Балтии склонили могучие деревья – все они наклонены в сторону залива.

*Пришел ты сюда и стоишь восхищенный
Безбрежностью моря и дюн белизной.
Тут хаты рыбацьи, там – быстрые челны.
Здесь мир непохожестью и новизной
Чарует. Ты в дюнах стоишь восхищенный.
Ведут хороводы песчаные волны.
А ветер их кружит, вздымает, несет...
И ты обо всем забываешь невольно
Внимая той песне, что море поет,
Ведут хороводы песчаные волны.*

Так написал об этом крае поэт Е. Матузевичус.

Куршская коса всегда привлекала людей своей необычностью и загадочностью. О ней сложены различные легенды и сказания.

Страшные по своей силе шторма и ураганы, движение дюн несколько раз меняли внешний вид косы.

Профессор Кенигсбергского университета Самуэль Фридрих Бох в 1772 году писал: «Ветер через малейшие щели в дверях и окнах проникает в помещение, пылью покрываются не только вещи, но и даже пища».

Кенигсбергский композитор Иоганн Фридрих Рейхгардт, побывавший на косе там, где под песком были погребены рыбацкие деревни, так был потрясен тем, что увидел и услышал, что сочинил музыку к сцене ведьм, созданной по мотивам «Макбета» Шекспира.

Дени Дидро в 1773 году писал в своем сочинении «Путешествие из Кенигсберга в Мемель» о погибших деревьях, о песчаных лавинах, о зыбучих песках, которые засасывают человека. Об удивительных дюнах, миражах: прозрачные, колышущиеся дома, тени людей, плывущие куда-то странные корабли, танцующие длинноволосы дюнные ведьмы.

Н.М. Карамзин рассказывал о своем путешествии из Мемеля в Кенигсберг, упоминает «ужасные пески» Куршской косы, продвижение по которым было столь затруднительно, что извозчики, чтобы сберечь лошадей, предпочитали ехать более длинным путем через Тильзит.

Мы взбирались на вершины дюн. Впечатление передать словами очень трудно. Идешь и идешь по огромному песчаному полю, напоминающему пустыню. Местами образовалась твердая корка, и ноги совсем не проваливаются. Начинается подъем на дюны. Песок волнистый, почти спрессованный. Нет ни единого кустика, веточки, травинки. И вот вершина! Дух захватывает от пейзажа, который открывается перед глазами: песчаная равнина, залив, море.

Куршская коса – природный парк.

На Куршской косе

В поселке Рыбачий посетили биологическую станцию Зооинститута Академии Наук СССР. Она была создана немцами в 1901 году, занимается изучением миграции птиц. Сотрудники станции установили ловушки высотой до 12 метров и занимаются отловом и кольцеванием птиц. В день отлавливается до 3 тысяч птиц. Такую массу птиц не имеет ни одна станция мира.

Огромная сетная ловушка раскрывает свой сачок на юго-запад и заглатывает каждую весну десятки тысяч летящих над самой землей и над кронами деревьев перелетных птиц, весной возвращающихся, осенью – покидающих наши широты.

Осенью сачок-ловушка разворачивается на северо-восток.

Основатель центра кольцевания птиц – Тинеманн.

Следует назвать и писателя Франца Эфа, чьими трудами в части озеленения косы не только усмирены ее блуждающие пески, но и спасены ее ландшафты.

Нида – небольшой курортный городок, расположенный на берегу Куршского залива и Балтийского моря. Город со всех сторон окружен дюнами, многие из них поросли прекрасным сосновым лесом.

Это уже Литва. На границе Калининградской области и Литвы стоит пограничный столб.

Нида – родина писателя Томаса Манна. Сохранился домик, где он жил.

Здесь кончается наш пешеходный маршрут.

Поход в Карпаты, 1962 год

На границе

Закарпатье занимает юго-западные отроги лесистых Карпат и прилегающую к ним низменность. Горы изрезаны густой сетью рек, впадающих в Тису – самый большой приток Дуная. Славится красотой природы. Горный воздух, цветущие альпийский луга – полонины, множество минеральных источников.

Мы в Великом Бычкове – поселке на берегу Тисы, где проходит граница с Румынией. Граница делит поселок – часть его находится в СССР, часть – в Румынии.

Получается, что некоторые семьи живут по разные стороны границы.

Интересна экскурсия на пограничную заставу. Пограничник провел нас вдоль вспаханной полосы, вывел к мосту, который соединяет 2 страны. Там мы пытались поговорить с румынскими солдатами. Но они не знали русского языка, а мы – румынского.

День был жаркий и на румынском берегу было много купающихся. К нам подошел паренек, который отлично говорил по-русски. Выяснилось, что охрана моста ведется по очереди: месяц нашими пограничниками, месяц – румынскими.

Вход на мост был опутан тонкими ниточками, которые почти не видны. Если они целы – граница не нарушена. Смотришь, и нет ощущения надежности и уверенности, что «граница на замке». Но, говорят, нарушений нет.

Солотвино

Славится своим солерудником. Здесь добывают каменную соль. Солерудник существует уже 80 лет, глубина шахты 400 метров.

Соль образовалась давно, она морского происхождения. Считают, что ее запасов хватит более чем на 100 лет.

Спускались в шахту. Впечатляет! Стены будто из сверкающего хрусталя.

А мы пугливые

Заночевали на ручье Хрустальном в 15 километрах от селения Колочава.

Когда стемнело, мы испугались. Откуда-то сверху на нас надвигались какие-то огни. Они то зловеще вспыхивали, то чуть пригасали, то словно грозили нам. Но потом догадались: это высоко в горах горели костры у пастушьих калыб (хижин). И с западного склона, где мы расположились, они были очень хорошо видны. Это ветер раскачивал огонь.

Полонина Магалька

Каменистое плато. Среди большущих камней красивые синие цветы – башмачки, которые у нас растут на клумбах.

Много родников, но полонина со всех сторон продувается ветром. Ветер настолько сильный, что может сорвать и унести палатки. Поэтому разбивать лагерь пришлось на каменистом склоне, защищенном от ветра деревьями.

На самом краю Полонины у южного склона горы примостилась пастушья хижина – калыба. Это трехстенная хижина с наклонной крышей.

Калыба по форме напоминает букву «П».

Мы думали, что здесь, среди злых ветров, пастухи мерзнут в своей хлипкой и такой ненадежной избенке. Каково же было наше удивление, когда, войдя в калыбу, мы почувствовали температуру, которую обычно поддерживают в наших банях. Жар шел от костра «таежный», сложенного рядом с калыбой. Здесь среди жара и дыма люди спали прямо на земле, а по другую сторону от костра, в загоне, мирно дремали овцы и коровы.

На подъеме

Необычная экскурсия

Берегово – уютный зеленый город на берегу реки Варки, напоминающей канал. Река одета в гранит. Над водой склонились плакучие ивы.

Незабываемой была экскурсия в ресторан «Карпаты», где играет венгерский оркестр. Играет потрясающе!

Особенно нас поразила «Чардаш». Когда заиграли этот национальный танец, за столиками почти никого не осталось, танцевать пошли все: и молодые, и люди средних лет, и старушки.

Невозможно передать словами, как венгры исполняли свой танец! Темп его беспрестанно нарастал.

И бабуся, которая до этого, сгорбившись, сидела за своим столиком и пила лимонад, вдруг помолодела, стала стройной и веселой. Она вместе с молоденьким пареньком крутилась в бешеном темпе «чардаша» и отплясывала так, что мы удивленно покачивали головами. Такой темп нам, молодым, был не под силу.

Это было что-то искрометное – вихрь, ураган.

В Берегово все так вкусно

В погребах винодельческого совхоза огромные бочки – чаны с вином. Самые старые вина 1956 года. Запасы этих погребов таковы, что каждый гражданин Советского Союза может выпить по 300 граммов.

Отведали несколько сортов вкусных вин, покушали знаменитый береговский виноград и неповторимые по вкусу чудесные сочные груши, которые рвали прямо с деревьев в совхозном саду. Вкуснотища!

Берегово – самая теплая точка Закарпатья. Вот почему здесь хорошо созревает виноград и оно славится своими виноградниками.

В монастыре

Мукачево – второй по величине город Закарпатья – поражает обилием зелени. Тут и чудесный розарий, и экзотическая японская сакура, павлония, тамариск, катальпа – раски-

дистое дерево с большими листьями, розовато-белыми цветами и огромными стручками.

На берегу реки Латорицы – любимом месте гуляний – огромный парк, занимающий 17 га. В центре, над бассейном, склонились плакучие ивы.

С набережной открывается великолепный вид на горы.

Вдалеке, на противоположном берегу Латорицы, виднеется белокаменный Мукачевский монастырь. Это один из женских монастырей, сохранившихся в Закарпатье. Он находится у подножия Чернячьей горы. Основан подольским князем Федором Кирияновичем. Но постройки монастыря, относящиеся к XIV столетию, не сохранились.

На лодке переправились через Латорицу.

Сохранившиеся здания построены в стиле барокко в 1766–1778 годах. Монастырю вначале отводилась роль распространения славянской письменности в Закарпатье.

Сейчас в монастыре живут 150 монахинь. Самой молодой из них 18 лет, самой старшей – свыше 80.

Уже несколько лет монастырь не пополняется. Чтобы «прописаться» в монастырь нужно разрешение епископа и городского отделения милиции.

Управляет монастырем Совет, состоящий из 12 монахинь. Во главе Совета – мать-игуменья.

Нам сказали, что мать-игуменья очень любит москвичей и сама сопровождает экскурсии московских экскурсантов по монастырю. Приготовив подарок – набор красивых открыток о Москве, мы постучались в запертые ворота монастыря.

Нам открыла еще молодая белолицая монахиня в черном одеянии, с большой связкой ключей на поясе. Она оказалась секретарем Совета.

На нашу просьбу увидеть игуменью объяснила, что та больна. Во время поездки в Москву она ночевала в помещении, где морили клопов, надышалась «Дустом» и сейчас у нее очень плохо с сердцем и она живет только на кислороде.

Секретарь обещала передать подарок и повела нас в церковь монастыря.

В церкви иконостас расписан самими монахинями. Не как-

нибудь, а очень-очень талантливо. Много вышивок, рисунков, сделанных умелыми руками жительниц монастыря.

В кельи нас не пустили. Но наш экскурсовод, узнав, что мы были в Великом Бычкове, откуда она родом, стала еще более разговорчивой.

В беседе выяснили, что черногорский директор Великобычковского музея – ее товарищ детства, что в Великом Бычкове у нее живет сестра. И она один раз в год (Устав разрешает монахиням навещать родных) ездит в Великий Бычков. И даже во время последней поездки побывала на экскурсии на лесохимическом комбинате.

Мы не спросили, зачем она туда ходила и позволяется ли это. Каждый из нас много раз слышал, что тот, кто ушел в монастырь, порвал со «светом», мирские удовольствия не для них.

Секретарь рассказала нам, что живет в монастыре 30 лет, что попала она сюда 14-летней девочкой. Выглядела она старше своих 44 лет.

Рассказала, что раньше у монастыря были огромные виноградники, а теперь они их лишились, так как они принадлежат государству. Нам показалось, что она ничуть не сожалеет об этом, что так и нужно, а мы будто разговаривали с передовой колхозницей.

Рассказала, что теперь монахини работают в колхозе и зарабатывают трудовни; что за трудовень платят 10 копеек, но так как они питаются только молочной пищей, им достаточно.

На вопрос дружно ли они живут, ответила уклончиво, что делить им нечего. А в дальнейшем разговоре как-то упомянула, что люди бывают разные. Есть и такие, кто свое припрятывает и норовит получить из общего котла. И нам показалось, что вовсе они и не равны.

Рассказ ее был настолько прост, в ней проглядывало такое понимание жизни, а глаза начинали оживленно блестеть, когда мы рассказывали про ее родной Бычков, что с трудом верилось, что она отреклась от мирской жизни.

Мы, осмелев, прямо спросили: не хочется ли ей на волю? Она усмехнулась и, помедлив несколько секунд, ответила, что, привыкнув в такой жизни, уже не хочет другой.

Мы распрощались. За нашей спиной защелкнулся замок калитки.

К монастырю подошла грузовая машина. Это монахини привезли уголь. Лица их были не улыбки и суровы. Может, оттого, что проезжая по городу, они видели другую жизнь?

За рулем машины сидел мужчина. А как же контакты с мужским полом?

Много вопросов принесла новая жизнь.

Пивоваренный завод

Пиво любят все. А как его готовят? Это мы увидели на Мукачевском пивозаводе.

Завод старый (XVIII век). Работал еще при чехах и венграх. Оборудование немецкое.

Здесь делают пиво 5 сортов. На заводе работают 170 человек.

Основное сырье для приготовления пива – ячмень. Взвешенный ячмень поступает в завальную яму, потом сортировочную, где рассортировывается по трем сортам. Очищенный ячмень попадает в замочку в солодовную, в замочный чан.

Постепенно он попадает в варочный цех.

Смесь поступает в чан для засахаривания.

В чан, где варится пиво, доставляют хмель, придающий ему вкус и крепость.

Сорта пива:

- жигулевское;
- рижское;
- мукачевское;
- мукачевское оригинальное;
- закарпатское.

И вот уже по конвейеру «бегут» влажные бутылки с готовым пивом.

«Пейте! Пейте!» – уговаривает нас экскурсовод, угощая «Закарпатским». Пьем! Вкусно! Светка С. пьет уже вторую бутылочку и не может оторваться.

Мы не сопьемся в Закарпатье?

Львов

Славится своими архитектурными и историческими памятниками и необыкновенной красотой. Чудесные скверы, красивые аллеи.

Стрыйский парк принадлежит к лучшим паркам Европы. Парк занимает 56 га. Здесь растет более 200 видов деревьев и кустарников: красивые клены, тисы, пихта, различные субтропические растения. Очень красив пруд с фонтанами, а по глади воды величественно плывут белые и черные лебеди.

На холме Славы похоронены воины Советской Армии, погибшие при освобождении Львова.

Среди солдат и офицеров, погибших в боях, 30 Героев Советского Союза. В том числе легендарный разведчик Николай Кузнецов.

Мы жили в школе-интернате, которая разместилась в старом армянском монастыре. Здание окружено высоченной каменной стеной, в которой вырублена калитка с огромным заporом. Проходишь через дворик иходишь еще в одну калитку в железной ограде. Ограда так высока, что ее вряд ли кто-то преодолее.

Вторая калитка закрывается на огромный, невероятных размеров замок. Со второго двора ведет калитка во внутренний двор, где гуляли монахини, и в монастырь.

Тяжелая дверь закрывается на большущий засов. В двери глазок, чтобы было видно, кому открывать.

Да, здорово берегли монахинь от людских глаз!

Интересны небольшие комнатки с одним окном на 2–3 человека. Это кельи. Здесь мы и жили. Очень колоритно!

Встреча

Основное население Закарпатья – гуцулы. В старину эти места служили надежным убежищем для беглых крепостных крестьян. Они называли себя гуцулами – жителями гор.

У них сложились свои обычаи, свое творчество. Необыкновенно красивы и задушевные гуцульские песни.

По утрам на полонинах можно услышать песню пастухов, которую они выводят на своих национальных деревянных ду-

дочках – «трембитах» или маленьких «сопелках». Очень душевно!

Прошли полонину Печенжечка, вышли на гребень горы Малый Петрос. 15-минутный привал. Отдохнули, пососали карамель «Барбарис», якобы утоляющую жажду.

Только собрались в путь, как увидели приближающуюся к нам огромную отару овец и одного пастуха. Он прокричал нам что-то приветливое.

Не успели мы и глазом моргнуть, как были взяты в кольцо четырьмя огромными собаками, охраняющими стадо. Они смотрели на нас довольно настороженно, и их взгляд красноречиво говорил: «Попробуй подойди!». И так сидели, пока вся отара не ушла на безопасное, с их точки зрения, расстояние. Тогда они поднялись, приветливо помахав нам хвостами, и побежали догонять «своих».

Вот это сторожа!

Вот это выучка!

Мы были сражены.

Хуст

Город Хуст относится к древним городам Закарпатья. Он был известен в начале первого тысячелетия нашей эры.

Легенда рассказывает, что в XII веке на высокой горе князь Хуст построил красивый замок. Хуст был очень богат и имел большое войско. Свой замок он построил на высоченном холме, который вручную был насыпан крестьянами. С холма открывался чудесный вид на долину реки Тисы. По склону холма и далеко внизу, в долине, цвели яблони.

Хуст хорошо укрепил свой замок.

У него были дети: дочь и сын.

В то время турки совершали постоянные набеги на Закарпатье, грабили богатые закарпатские земли, угоняли в полон население.

Хуст не боялся турок, так как замок был окружен крепостной стеной и он имел сильное смелое войско.

Вечерами сын играл на скрипке, и вся семья любовалась красивым видом, который открывался с холма.

Развалины замка Хуст

Но однажды большое войско турок неожиданно напало на замок...

Войско Хуста было разбито, замок разграблен, а жена, дочь и сын угнаны в плен.

В замке у Хуста было два потайных хода. Один вел в село в 12 километрах от замка. А другой через колодец, расположенный на самом высоком месте холма, выводил в Тису. Говорили, что если в этот колодец бросить утку – она выплывет в Тисе. Воспользовавшись одним из тайных ходов, Хуст бежал от турок и избежал плена.

Жену, дочь, сына увезли в Туретчину и там разлучили. Жена стала служанкой и не встречала сына и дочь, которые жили в других местах.

Прошло много лет.

Сын находился у паши, который его воспитывал в турецком стиле: учил убивать, грабить. Однажды он побывал в набеге в Закарпатье и ему очень понравился этот край.

Вернувшись в Турцию, он поделился с товарищами тем впечатлением, которое произвели на него эти земли.

Эти рассказы как-то дошли до его матери и она, умирая, призвала своего сына к себе и призналась, что вовсе он не турок, что он родом из Закарпатья, вот почему ему полюбили этот край.

После смерти матери прошло несколько лет.

Однажды юноша встретил очень красивую девушку и любил ее.

Он не знал, что это его сестра и решил похитить ее и бежать с ней в Закарпатье.

Он украл девушку и бежал с ней.

Они успели проехать очень немного, когда за ними помчалась погоня.

Юноша прикрывал любимую своим телом, но пуля достала ее – она была убита.

Юноша прискакал к Красной горе (недалеко от замка Хуст), нашел своего отца, рассказал ему историю своего бегства и то, что рассказала ему мать.

Но отец не поверил сыну. Он принял его за турка, специально подосланного к нему, и сбросил юношу с Красной горы.

Гора названа «Красной» потому, что во время боев с турками здесь было пролито много крови.

До войны, при венграх, на холме рядом с замком, разрушенным турками, были военные казармы. А во время войны стояла зенитная батарея.

Когда проводились съемки фильма «Над Тисой», в развалинах замка скрывались «шпионы».

В 50-е годы пограничники тщательно обследовали колодец на холме и залили его цементом. Очевидно, версия о том, что из колодца можно попасть в Тису была правдивой.

Поход по Алтаю, 1967 год

И на фигу обезьяне было становиться человеком?

Обычно принято расхваливать район своего похода. Это понятно. Люди вынашивали мечту о летнем походе, осуществ-

вляли свои замыслы, и им хочется поделиться с другими радостью. Чтобы другие люди тоже увидели эти чудесные, неповторимые места.

Я, к сожалению, не могу поступить также. Жили, мечтали, готовились... а вышло всё не так. В моих воспоминаниях Алтай – это вода, вода, вода. Это состязание с разбушевавшейся стихией. Кто кого победит?

...Дождь, туман и в резких просветах туч и пелены дождя, будто нереальные картинки красивых гор со снежными шапками. Из 20 дней похода 19 дней с дождем: с сильным, кратковременным, ливнем, грозой, затяжным. Это уж слишком!

Конечно, то лето на Алтае было нетипичным. Старожилы говорили, что и припомнить что-либо подобное невозможно.

В августе в горах выпал глубокий снег, сильно разлились реки. Уровень воды поднялся выше 1,5 метров, одним словом: вода, вода, кругом вода.

Из Горно-Алтайска приехали в Элекмонар, что в переводе на русский язык означает «козлиная изгородь». Отсюда начинается наш пеший маршрут.

1 день пути

Проходим Элекмонар и Кемчик. В Кемчике нас окликнули местные жители: «Идите назад, в горах снег, не пройти, туристы возвращаются».

Не поверили – пошли дальше. Идём по дороге высоким берегом реки. Дорога довольно грязная, но вполне терпимо.

Вскоре дорога совсем уходит под воду. Идём по щиколотку в воде. Часто приходится обходить особенно большие разливы реки бомами (так местные жители называют прижимы – высокие каменистые берега, почти отвесно уходящие в воду).

Берегом прижимы пройти нельзя, так как берега у них нет. Они стеной обрываются в воду, где, как правило, большая глубина.

Бомами идти всё время тоже нельзя. Они не идут сплошной грядой. Лезешь, лезешь на бом. Проходишь 200–300 метров, а он кончается. Идёшь вниз. А через 300 метров – снова бом.

Многие бомы очень сильно заросли – приходится буквально продираться сквозь заросли.

Иногда по бому идёт приличная тропа, но часто мокрая и скользкая, она расположена наклонно по склону бома. Идти по ней крайне опасно – она сползает по склону вниз. Ты – вместе с ней, а внизу беснуется поток.

Так и двигаемся: вверх – на бом, вниз с бома в воду. Бесконечные спуски и подъёмы выматывают силы.

Идёт надоедливый дождь. Вес наших рюкзаков довольно большой: 42 килограмма самый тяжёлый мужской и 29 килограмм самый большой женский. Мы рассчитывали на хорошую дорогу до села Карака.

Через два километра пути нас догнал местный житель из Элекмонара Василий. Он подтвердил, что на Каральские озёра не пройти – выпал глубокий снег, пастухи вернулись – не дошли, и туристские группы идут обратно – сходят с маршрута.

Но мы не верили и рвались вперёд. Василий предложил погрузить на лошадь два самых тяжёлых рюкзака. Немного полегчало, но всё равно дорога была ужасно тяжёлой. Оставшиеся 5–6 километров пути показались нам равными 50. Бомы, бомы, бомы – вверх и снова вниз. По щиколотку, по колено, по пояс в воде.

Река беснуется, рвёт, гремит, несёт камни, брёвна. А сверху, не переставая, дождь, дождь, дождь. Наконец долина реки расширилась, бомы отступили влево и перед нами, как сказочное видение, предстала заимка Арида – низкая, тёплая, прокопченная избушка с земляным полом и хозяин – добродушный и радушный Степан Григорьевич Доможаков – пастух из Элекмонарского колхоза «Герой труда». Степан Григорьевич воевал в дивизии легендарного генерала Доватора, защищал Москву.

В избе хозяин и 3 детишек. Мы и Василий разместились вместе. Он сегодня дальше не пошёл, лошадь совсем выбилась из сил, испуганно шарахалась в сторону от бушующего потока, упрямилась и не хотела лезть в воду. Приготовили ужин, а дождь всё лил, не переставая ни на минуту. Избушку

Заимка Арида

затопило со всех сторон, куда ни глянь – сплошное зеркало воды.

Было уже совсем темно, когда дверь неожиданно распахнулась и на пороге появилась ещё одна группа туристов – 6 человек из г. Жданова. 5 ребят и одна девушка. Здоровые ребята, как на подбор! Но, ужас, на кого они были похожи!

Мы, усталые и промокшие, рядом с ним выглядели лощёными курортниками. Они пришли озябшие, промокшие до нитки, измученные и ужасно злые.

Пришли с озёрного Белка, пыталась пройти перевал. Но туман и глубокий снег помешали. Они вернулись на Каракольские озёра и 2 дня ждали погоды. Но дождь, снег по колено и холод заставили вернуться. Уговаривали и нас не тратьте напрасно силы и время – перевал непроходим.

Рассказали, что на Каракольских озёрах сидят ещё две группы, но и они не прошли. Снега много, местные говорят, что он быстро не тает, а погода не улучшится.

Но мы упрямо шли по маршруту вперёд.

2 день пути

Дорога сплошь залита водой, мосты смыло. Иногда мосты стоят, но через них с грохотом перехлёстывает вода.

Мы уже слабо реагируем на воду. Целый день льёт дождь и целый день бредём в воде. Когда идешь – не холодно. Но на коротких привалах сразу замёрзаем.

3 день пути

Вершины гор в тумане. Моросит дождь. Воздух перенасыщен влагой. выходим к слиянию рек Элермонар и Каракол.

Мост на месте, но вокруг него бушует поток сбесившейся реки. Местные ласково называют реку Элекмонаркой. А перед нами крутился, пенился, ревел бешенный Элекмонарище. Но мы идём дальше.

Где основное русло реки, понять невозможно. Ревут, бешутся, высоко вскидывая белые гребни, потоки воды. Затоплены деревья. Мокрые, бессильные, одиноко и потеряно стоят они среди гудящего безумия воды. А вода угрожающим, всё сметающим на своём пути ураганом несётся куда-то.

Вот поток несёт несколько огромных деревьев с корнями, подмытыми водой, швыряя их и подкидывая, будто спичечные коробки.

Страшно смотреть на это сумасшествие природы!

...Впереди видны домики. Это Каракол. Но к домам подойти непросто. Село утонуло в грязи. Теперь бредем по колено в черной жирной жиже. Смеемся: после холодных ванн – теплые лечебные грязи.

А известия плохие: с Каракольских озер пастухи идут назад. Снег не стоял. Перевал не пройти.

5 день пути

Вышли к Туре. Река бушует, крутит злые водовороты. Перейти вброд нельзя. Сразу у берега глубина по пояс. Делаем подвесную переправу.

Алтай. Среднее Каракольское озеро

6 день пути

Идём по тропе вверх по течению Туры. Чем выше, тем больше воды. Навстречу нам, вниз по склону и пересекая путь, бегут ручьи, ручьи, ручьи.

Тропа то идет на восток, то забирает южнее. Направление меняется. Не меняется одно – вода под ногами.

Наконец входим в старый кедровый лес – отличная почти сухая тропа, начинается спуск, азимут 80°.

А впереди озеро. Очень красиво! Место бивака – среднее Каракольское озеро.

Рядом с нами туристы из Новосибирска. Они сходят с маршрута. Задержка похода, в контрольные сроки уже не уложиться.

Хорошо, что у нас в графике движения 3 запасных (аварийных) дня. Пока ни один не истратили.

8 день пути

От среднего Каракольского озера идёт несколько троп к Верхнему Каракольскому озеру, расположенному в цирке, ко-

торым обрывается массив озёрного белка в долину Каракольских озёр.

Тропа идет вдоль западного берега озера. Кедры. Красиво. Поднялись на ровное плато. Впереди ещё один подъём и ровное плато. Виден тригопункт на вершине горы.

Бросаем рюкзаки и идём к склону плато. Отсюда великолепный вид на Каракольские озёра.

...Вышли к западному склону вершины с тригопунктом. Траверсируем западный склон. На юге видны острые зубцы скал-останцев – «замок горных духов».

...Идём по южному склону на восток к хорошо видимому перевалу. Справа от перевала возвышается гора с характерным выступом, напоминающим саркофаг.

...Идём по склону через перемежающиеся осыпи, заросли ивы и карликовой берёзы. Что за злобное растение эта карликовая берёзка! С виду маленькие, слабенькие, довольно миленькие кусточки. Но залезешь в эту берёзу и начинается: спотыкаешься, кустарник злой, цепкий, упругий. Он безжалостно хватает и рвёт одежду, в кровь царапает ноги.

Путь довольно неприятный: сырые ползучие осыпи, каменные реки, живые камни!

Ура! Перевал Озёрный Белок взят!

Короткий привал на перевальном плато. Начинаем спуск. Надвигается гроза. Спешим дойти до леса. Останавливаемся у первых деревьев. Ставим палатки под начинающимся дождём. Мы успели! Страшная гроза.

9 и 10 день пути

Уже прошли р. Акая, прошли перевал, вышли в ущелье Айрык. Потом прошли ещё один перевал. Спускаемся в долину реки Кубы, выходим к реке Ложе. Ручьи, ручьи, ручьи со всех сторон.

Бредём через очередной поток, выходим к небольшому ручью и идём по воде вниз по течению. Измотаны до предела. Но даже негде присесть и сделать короткий привал. Вокруг сплошная вода и сверху льёт дождь. Ручей выводит нас к небольшому сухому пятачку. Три огромных кедра. Валимся на

хвою. Несколько минут передыха – и за работу! Ставим палатки, разводим костёр, готовим ужин. К ночи дождь перестал. Его сменил сильнейший ветер. Наши палатки на самом склоне (больше нигде поставить было нельзя!), казалось, будут сорваны. Ночью ветер налетал с такой силой, и кедры так страшно стонали, что становилось страшно. Но деревья надёжно защищали нас от ветра.

11 день пути

Идём по реке Ложе вниз по течению левым берегом. Неожиданно потянуло дымком. Туристы!

Группа из Целинограда. Угощают нас традиционным алтайским лакомством: жареными кедровыми шишками!

15 день пути

На ночлег останавливаемся в урочище Бигежа. Это брошенное селение, четыре постройки, одна в приличном состоянии, есть печка.

16 день пути

В избушке тепло. Обогрелись, обсушились. Готовимся к выходу. Витя Лапко натягивает просушенный и немного подсевший олимпийский костюм. Он надел олимпийку, одну брючину и пытается натянуть вторую. Вдруг, прекратив свои усилия, несколько минут сидит задумчивый, углубленный в свои размышления, и вдруг ошарашивает нас вопросом: «И на фи́га обезьяне было становиться человеком?»

17 день пути

Идём вниз по течению реки Уймень.

Сегодня путь особенно изнурительный, скорость движения – 29 минут километр.

...Бом, лезем на самый верх, а через несколько минут спускаемся вниз. То низом дальше не пройти (бурлящая река!), то верхом не пробраться (распадки, почти отвесные скалы).

В некоторых местах ползём только на четвереньках.

Кто-то из наших придумал крылатое выражение: «Зла врагу не желай – пошли его на Алтай!»

18 день пути

Перед нами злая, кипучая р. Чуря. Глубина по пояс. Река несётся, кипит, пенится. Несёт брёвна, бочки, выкорчёванные деревья, играя ими, будто щепками.

Возможное место переправы там, где раньше проходила дорога и где река распадается на 2 рукава. Переправа была очень тяжёлой.

В селении Чуря узнали, что туристы из Целинограда, где-то обогнав нас, вышли немного правее нас на затопленный луг. На нём нашли холм, где и заночевали. Думали утром переправиться. А утром оказалось, что уровень воды ещё больше поднялся, они со всех сторон окружены водой. Глубина по грудь, водовороты. Так и сидели на своём холме и орали в надежде, что их услышат. Им повезло – на противоположном берегу оказались охотники, которые помогли переправиться.

Ну, а мне переправа через Чурю запомнилась на всю жизнь. Удивительное чувство своей беспомощности перед стихией.

Но и после того, как мы переправились через два бушующих рукава Чури, больше километра брели по пояс в ледяной воде через затопленный луг, хотя впереди, на расстоянии трехсот метров, заманчиво виляла лента автомобильного тракта. Но напрямик на шоссе выйти было нельзя – глубокая вода, вот и выбирали путь, чтобы было не выше, чем по пояс.

Как хорошо, что есть добрые гостеприимные люди! Останавливаемся в посёлке Чуря в комнате при леспромхозе, где обычно живут туристы. Много дров, печка, сухо, тепло.

Сегодня мы самые счастливые люди на всем земном шарике!

20 день пути

Последние километры пути и перед нами река Бия.

Маршрут закончен. За плечами 210 километров нелёгкого пути, много перевалов, десятки бродов, а мы так и не смогли ответить на Витин вопрос: «И на фи́га обезьяне было становиться человеком?»

ТАЙНА ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ

(ПО СЛЕДАМ ПУБЛИКАЦИЙ)

Побывав в Калининградской области, с огромным интересом, даже через много лет, знакомишься с одной из тайн двадцатого столетия, которая волнует умы миллионов людей. Поэтому хочу привести здесь некоторые материалы, которые вызывают определенный интерес.

«Поиски Янтарной комнаты – долгий детективный сериал, полный тайн. Многие, искавшие это чудо, окончили свою жизнь при странных обстоятельствах».
Газета «Вечерняя Москва» 31.12.1999 г.

Сергей Турченко

«Смертоносный янтарь»

из газеты «Советская Россия 25.09.1993 г.

В конце декабря 1945 года в следственном отделе «Смерш» 11-й гвардейской армии, освобождавшей Кенигсберг, возник изрядный переполох. Исчез бывший заведующий музеями Кенигсберга доктор Альфред Роде.

В особняк Роде на Беекштрассе, 1 срочно отправилась оперативная группа. Дверь оказалась открытой. Комнаты были завалены разбросанными вещами. Дверки шкафов распахнуты. Ящики письменного стола выдвинуты. Явно кто-то рылся, что-то искал. Немка, жившая напротив, сообщила, что видела, как к супругам Роде приходили трое мужчин и увели их куда-то, сказали, вроде бы в больницу.

В больнице оперативников словно ждали. Вот, битте, запись о доставке сюда супругов Роде тремя родственниками в бессознательном состоянии с диагнозом «желудочное кровотечение». Вот справка о смерти. Вот, айн момент, выписка о захоронении на кладбище «Луизы».

На кладбище среди десятка новых могил нашелся холмик с деревянным крестом, на котором химическим карандашом было выведено: «Эльза и Альфред Роде».

Было принято решение вскрыть могилу. Десять немецких военнопленных несколько часов долбили мерзлый грунт. Когда яма достигла глубины почти пяти метров, стало ясно: могила фальшивая...

Позже выяснилось, что именно Альфред Роде был до самого штурма нашими войсками Кенигсберга главным хранителем Янтарной комнаты, перевезенной сюда из Царского Села. Несомненно, он знал, где она спрятана, наверняка участвовал в ее захоронении. И когда на доктора вышла контрразведка «Смерш», его кто-то убрал, как опасного свидетеля.

В ноябре 1988 года в некоторых газетах промелькнуло сообщение о насильственной смерти одного из самых активных исследователей тайны Янтарной комнаты – немецкого ученого Георга Штайна. Незадолго до своей гибели Георг Штайн сообщал в письме своему другу и единомышленнику гражданину Лихтенштейна барону Эдуарду Фальц-Фейну о том, что напал на след Янтарной комнаты. А через несколько дней его труп с множеством ножевых ран был обнаружен в 140 километрах от Гамбурга в развалинах старого замка. Тайна так и умерла вместе со своим исследователем.

Однако барон Фальц-Фейн сумел купить архив Георга Штайна и передал его в СССР как дар Советскому фонду культуры.

В 1989 году мне довелось ознакомиться с содержимым некоторых последних папок этого архива. В них находились документы, связанные с одной из версий захоронения Янтарной комнаты в подземельях уже упоминавшегося полигона «Ольга». В соответствии с ней «ценности Эриха Коха», среди которых могла быть и Янтарная комната, были эвакуированы из Восточной Пруссии в январе 1945 года на крейсере «Эмден». По документам их путь прослеживается до Веймара. В апреле 1945 года из подвала городского музея ценности исчезли. В это же время между Веймаром и районом полигона «Ольга» фиксировалось интенсивное передвижение грузовиков швейцарского Красного Креста. Оказывается, они появились в Германии в результате торга между Гиммлером и нашими западными союзниками в конце войны. Предметом торга были жизни полумиллиона узников фашистских лагерей еврейской национальности, которых Гиммлер пообещал освободить, не дожидаясь окончания войны, за обязательство союзников сохранить жизни некоторым эсэсовским чинам. Однако нашлись свидетели, которые видели в некоторых грузовиках швейцарского Красного Креста не узников, а огромные ящики. Выяснилось и то, что в центре всей этой операции был старший брат президента Швейцарии Бонуа Музи, который впоследствии погиб при загадочных обстоятельствах.

В архиве Штайна нет прямых доказательств того, что Янтарная комната находится именно в подземельях «Ольги».

Через день меня пригласил к себе первый заместитель началь-

ника ГРУ генерал-полковник Юрий Александрович Гусев. Состоялась очень странная беседа, о содержании которой чуть ниже. После нее Гусев дал указание, чтобы меня ознакомили с некоторыми документами, связанными с «Ольгой».

Наиболее интересным оказался, на мой взгляд, видеофильм, снятый разведчиками ГДР о запасной столице рейха (кодовое название «Полигон Ольга S 111»). Это огромный подземный город с резиденцией Гитлера и помещениями рейхсканцелярии, с заводами и хранилищами пищи, боеприпасов, драгоценностей и музейных коллекций. В марте 1945 года Гитлер отдал приказ об эвакуации имперского руководства в запасную столицу. Часть служб отправилась туда сразу же, другие не успели. Но с марта туда начали стекаться ценности, в том числе 100 тонн золотого запаса Германии.

Но тайна эта береглась и продолжает скрываться очень тщательно. Представленные в видеофильме свидетели, причастные к захоронению сокровищ, едва ли не дрожат перед камерой, не хотят ни о чем вспоминать. Боятся по инерции или запуганы уже в наши дни?

Лишь некоторые дают скудные показания. По свидетельству бывшего директора городского музея Веймара, 126 ящиков «ценностей Коха» не просто исчезли из подвала, а были тайно переправлены в начале апреля 1945 года в запасную столицу.

В этом отношении исключительный интерес представляют использованные в видеофильме кадры хроники из освобожденной запасной столицы рейха. 19 апреля 1945 года Эйзенхауэр инспектирует «Ольгу S 111». Посещает лагерь для военнопленных и... хранилище произведений искусств. Куда делись потом эти произведения? Об этом с тех пор нигде не напечатано ни слова. Когда американцы уходили из «Ольги», они не оставили ни своих, ни фашистских описей ценностей. Тогда, возможно, это обуславливалось тем, что стоит за понятием «военная тайна». Но сейчас, по прошествии стольких лет, данная причина потеряла всякий смысл. Забегая вперед, хочу отметить, что после посещения ГРУ сразу же обратился с письмом к тогдашнему послу США в СССР Роберту Страуссу с просьбой оказать помощь в обнаружении документов американской дивизии, освобождавшей запасную столицу рейха. Ответа до сих пор нет, и вряд ли будет.

Эту же мысль, как я теперь понимаю, старался втолковать мне первый заместитель начальника ГРУ в нашем странном разговоре. Коротко расспросив о моем интересе к поиску Янтарной комнаты, Юрий Александрович долго перечислял десятки случаев гибели разведчиков, ученых, журналистов, более или менее близко подо-

шедших к разгадке ее тайны. А в конце сказал фразу, которая в связи с дальнейшим врезалась мне в память навсегда: «Допустим, я знаю, где находится Янтарная комната. Поверьте, если об этом станет известно тем силам, которые не заинтересованы в раскрытии этой тайны, мне, даже при моей должности, не прожить и 24 часов».

Возможно, это покажется черной мистикой, но через несколько дней Юрий Александрович Гусев погиб в автомобильной катастрофе. Когда я читал в газете это скорбное известие, в ушах стояло упоминание Гусева о том, что незадолго до нашей беседы он возвратился из Германии, где с группой военных разведчиков обследовал «Ольгу S 111»...

Прошло два года. За это время нет-нет, да и доходили печальные известия в подтверждение слов Юрия Александровича. То найден с пулей в голове французский журналист, собиравший материал об исчезнувших ценностях рейха, то обнаружен в гостиничном номере с признаками отравления труп английского коллекционера, прибывшего в Москву для переговоров с коллегами об обмене документов по Янтарной комнате на документы по Фарфоровой комнате, тоже украденной фашистами...

Когда я разложил всю эту цепочку трагических фактов перед известным в своей области ученым, занимающимся исследованием подземелий и поиском в них ценностей, Иваном Евсеевичем Кольцовым, он ничуть не удивился:

– Безусловно, есть могущественные организации, которые до поры до времени и берегут эту тайну, поскольку цена украденных сокровищ баснословна.

Иван Тоцкий

Запутанный след или куда упрятали Янтарную комнату (из газеты «Правда» 4.02.1993 г.)

Во время раскопок развалин королевского замка, который разбомбила английская и американская авиация, блеснул луч надежды. Была найдена «Дарственная книга», а в ней под номером 200 от 5 декабря 1941 года значилась «Янтарная комната из Царского села».

– Значит, шли по горячим следам?

– Следы оказались очень запутанными. Сразу Янтарную комнату обнаружить не удалось. А позже многие из тех, кто знал, где спрятана Янтарная комната, ушли из жизни. Но они оставили нам несколько версий ее поиска. Наиболее достоверна, на мой взгляд,

та, которая связана с доктором Альфредом Роде, занимавшим пост директора Кенигсбергского музея-замка с 1931 года и не покинувшим его после взятия города советскими войсками. Он был фанатичным поклонником янтаря, написал о нем несколько книг, долгие годы скупал янтарные изделия, пополняя ими богатую коллекцию Кенигсбергского музея. Мне кажется, и последние дни его жизни были тесно связаны с Янтарной комнатой.

– Выходит, она не покидала Кенигсберга и по сей день находится там?

– Многие факты, в том числе и поведение Роде, наводят именно на эту мысль. После того как наши войска вошли в Кенигсберг, Роде уединился в развалинах музея и начал жечь документы. За этим занятием его и захватили. Среди бумаг, подлежащих уничтожению, оказались и письма Гитлера, копии ответов на них. В первом письме Гитлер требовал от Роде «направить Янтарную комнату в Берлин». Роде ответил, что она реставрируется и по окончании работ будет направлена ему. Через месяц пришло второе письмо с требованием «немедленно доставить». Третье письмо пришло гауляйтеру Эриху Коху, который переадресовал его Роде. Не желая лишиться ценного музейного экспоната, директор отвечал, что положение сложное, железные дороги перерезаны противником, море активно контролируется, воздухом переправлять рискованно.

Роде заверяет: «Даю гарантию в том, что Янтарная комната с другими ценностями хранится в достаточно надежном месте, в третьем ярусе бункера».

В начале февраля 1945 года уже Эрих Кох с пометкой «особо важно» сообщает Гитлеру, что при перевозке Янтарной комнаты он не может ручаться за ее сохранность, тогда как в Кенигсберге может обеспечить полную ее безопасность.

Был еще один свидетель того, что Янтарная комната до самого штурма Кенигсберга оставалась в музее-замке, в его Орденском зале. Директор ресторана «Кровавый суд» Пауль Фейсрабенд в своих показаниях писал: «В конце марта 1945 года замок посетил гауляйтер Кох. Он сделал доктору Роде серьезный выговор за то, что тот до сих пор оставляет в замке упакованную Янтарную комнату. Кох хотел позаботиться о немедленном вывозе ее, но боевая обстановка не позволила сделать это».

С передовыми частями Советской Армии вошел в горящий Кенигсберг семидесятилетний доктор исторических наук Александр Яковлевич Брюсов, работавший тогда в московском Историческом музее. Он быстро сблизился с Роде, и, я думаю, тот рассказал Брю-

сову, где спрятана Янтарная комната. Позже Александр Яковлевич подтвердил это, но, к сожалению, забыл точное место захоронения.

– Если Роде утверждал, что Янтарная комната надежно укрыта в третьем ярусе бункера, то стоило, наверное, уточнить у него, в каком бункере?

– С ним приключилась непонятная история. Роде неожиданно исчез. Потом его нашли в больнице, по одной версии – умер от болезни, по другой – покончил жизнь самоубийством. Когда после похорон решили установить истинную причину смерти, тела в могиле не обнаружили. Исчезли и трое неизвестных, которые якобы забирали покойника из больницы. Скорее всего, Роде просто «убрали» как свидетеля, знавшего, где укрыта Янтарная комната.

Раиса Минакова

След ведет в пивоварню

(из газеты «Советская Россия» 7 сентября 1988 г.)

«Монсеньор! Когда прислан будет из Берлина в Мемель от графа Алексея Головина кабинет Янтарный (который подарил Нам королевское величество Прусский), и оный в Мемеле приими и отправь немедленно через Курляндию на курляндских подводах до Риги с бережением с тем же посланным, который Вам сей указ объявит и придайте ему до Риги на пищу денег, дабы он был доволен, и естли будет требовать под тот кабинет саней; и оные сани ему дайте».

271 год назад письмо это направил Петр I в Курляндию обергофмейстеру Бестужеву-Рюмину. То, что для встречи судна с ценным грузом была послана им в Мемель (Клайпеду) специальная миссия, свидетельствует, как высоко ценил царь Петр Алексеевич Янтарный кабинет. «Получил преизрядный презент...» – писал он.

Прусский король Фридрих подарил Янтарную комнату Петру I после битвы под Полтавой в знак уважения к полководческому дару Петра и русских генералов, к подвигам русских солдат, а также с дипломатическим расчетом приобрести мощного союзника. Конечно, Петр и думать не мог, какая удивительная и одновременно драматическая судьба уготована сокровищу, прибытия которого в 1717 году он ждал с таким нетерпением. Во время Великой Отечественной войны фашисты похитили Янтарную комнату из Екатерининского дворца в Пушкине. След ее затерялся. Найдём ли мы когда-нибудь это художественное чудо, творение замечательных мастеров?! «Загадка XX века» продолжает волновать современников.

...Неожиданный телефонный звонок в редакцию. «Звоню из пи-

поварни "Понартер", – сообщил незнакомый голос. – Приезжайте. Покажу вам и довоенную карту, на которой есть одноклейка. А хотите, и саму одноклейку покажу». Было от чего прийти и в замешательство, и изумление, ведь, по одной из версий, ящики панно Янтарной комнаты после неудачной попытки гитлеровцев вывезти их из Кенигсберга были перенесены в погреб, находившийся поблизости от пивоварни «Понартер». Очевидцы тех давних событий указывают на одноклейную железную дорогу, ведущую к воротам пивоварни «Понартер» от станции Кенигсберг, как на один из важных ориентиров в поисках места, где спрятана комната, а вот на дошедших до нашего времени довоенных картах они ее не находили.

Нет, вовсе не розыгрыш это был. Павел Тимофеевич Монаков звонил действительно из бывшей пивоварни «Понартер». Я легко убедилась в этом, приехав на место, в Балтийский район, до войны Понарт, в управление карьерами объединения «Калининградстрой», где без малого двадцать лет проработал главным маркшейдером Павел Тимофеевич. «Возмутитель спокойствия» развернул большую и подробную карту Кенигсберга, и мы быстро нашли пруды – один перед фасадом многопрофильной больницы на улице Летней, другой позади здания, и канал, и пивоварню, и одноклейку.

Пока мы путешествовали так по карте, я успела узнать, что когда-то единая территория пивоварни с многочисленными зданиями после войны оказалась поделенной Калининградским пивзаводом, управлением карьерами и автобазой «Турист».

Выходим с Павлом Тимофеевичем во двор. Останавливаемся у одного из складских зданий. Толстые окна-амбразуры – вровень с землей, круто скошенные вниз – чуть-чуть обнажают таинственную черноту подвала. Рядом – небольшое здание старой кирпичной кладки, в двух-трех метрах от фундамента обрываются рельсы той самой одноклейки, рассекающей брусчатку, похоже, что раньше тут была погрузо-разгрузочная эстакада. Да, ходить по двору, работать на этой территории, не поддаваясь соблазну пофантазировать, трудно. Недаром у работников управления есть свои версии относительно местонахождения Янтарной комнаты. Недаром среди них имеет хождение легенда о том, что одноклейка есть и в подвалах бывшей пивоварни «Понартер» – рельсы ее бежали как раз к Королевскому замку. Не исключают и того, что подземная одноклейка соединяла и обе пивоварни района Понарт «Понартер» и «Шёнбуш».

Телефонный звонок и встреча с П. Т. Монаковым заставили меня еще раз прочитать известные публикации. Немало волнует сегодня следопытов версия Вермуша, заведующего редакцией Берлин-

ского издательства «Виртшафт», достаточно серьезно занимающегося проблемой поиска Янтарной комнаты. Она основана на свидетельствах жительниц Кенигсберга фрау Дрешер и фрау Таубе. Рут Дрешер считает, что комнату следует искать в южном предместье – Понарте, она строит свои доказательства, используя свидетельство ее подруги в Киле, совсем не случайного человека в истории Янтарной комнаты: до 1945 года та работала шеф-секретарем прусских коллекций янтаря в Кенигсберге. Подруга Рут Дрешер сообщила, помимо прочей информации, и эту: «Все входы в ледник пивоварни «Понартер», где укрыта Янтарная комната, были замурованы». Но кто и когда проверял эти подвалы? Доступа во многие подземные помещения сегодня нет. Павел Тимофеевич, следопыт из управления карьеров, считает, что прежде всего надо бы провести «инвентаризацию» подвалов: составить подробный план подземных помещений, наконец, обследовать их с помощью точной специальной аппаратуры. Трудно с ним не согласиться. Но и трудно пока что провести такой поисковый десант. Почему?

Очень просто. Мы много говорим о том, что изо всех сил хотим найти Янтарную комнату, но, увы, не имеем в стране даже центра, который направлял бы, координировал, контролировал поиск. Финансируемого и владеющего современными техническими средствами. До 1984 года существовала, правда, Калининградская геолого-археологическая экспедиция – рабочий орган Государственной комиссии по поиску Янтарной комнаты и других музейных ценностей, похищенных немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Но, надо это признать, уровень технической оснащённости экспедиции был далек от идеала. (Для примера: техника, с помощью которой вели тогда поиск, могла «прощупать» землю на глубину 3–3,5 метра).

Анализ ряда документов показывает, что нацисты прятали сокровища искусства на глубину 9–12 метров. Четыре года назад экспедицию волевым решением закрыли. Но если мы действительно хотим Янтарную комнату найти, нужно заниматься поиском и делать это не на самодеятельном, а на государственном уровне.

Ну, скажите, можно ли сегодня со стопроцентной уверенностью утверждать, что, отработывая версию, связанную с пивоварней «Шёнбуш», мы сделали все возможное, исчерпали все уровни современного поиска? Да, там копали, вели исследования с помощью геофизических методов. В книге Пауля Энке «Сообщение о Янтарной комнате» рассказывается об этом поиске. Фрау Дрешер, правда, считает, что «под пивоварней «Шёнбуш» панно искали напрас-

но, там их попросту не могло быть». Ну а что, если загадочные четыре буквы BSCH в радиограммах нацистов, которые многие исследователи толковали как аббревиатуру названия места захоронения Янтарной комнаты, означают Brauerei «Schonbuch» (brauerei – пивоварня (нем). Как же тогда не поискать и тут?

Гюнтер Вермуш предполагает, что BSCH означает бункер по улице Шиффердеккер-штрассе.

Что же, прогуляемся по улице, с которой связывает свою версию берлинский книгоиздатель. До недавнего времени она называлась Кровельная – почти дословный перевод старого немецкого названия. Сейчас улица носит имя Маршала Новикова. Памятная доска, на которой отлит текст, сообщающий, в чью честь названа улица, прибит к торцовой стене кирхи, памятника архитектуры XIX века (она построена в 1896 году).

Здесь начало улицы от ее пересечения с Киевской, бывшей Понартер. Если перейти на другую сторону от кирхи – в десятке метров бомбоубежище с сохранившейся еще со времен войны капитальной, похожей на корабельную, с колесиками и хитрыми запорами, дверью на скошенном склоне. Похоже, об этом бомбоубежище упоминала Ирмагарт Таубе, жившая до конца войны в Кенигсберге и давшая интересные свидетельства Вермушу. Если продолжать движение внутрь улицы – через два дома от кирхи красивое большое здание бывшей школы (между прочим, более всего его украшает причудливой формы кровля красной черепицы, такая же покрывает верхи кирхи и расположенных поблизости зданий). Это, скорее всего, и «потянуло» за собой старинное название улицы (что-то эдакое «черепично-деревянное» в русском переводе). Наискосок от школы – еще одна церковь, правда, значительно меньше кирхи и куда хуже сохранившаяся. Итак, все приметы, названные Таубе, совпали: улица Шиффердеккер-штрассе, две церкви поблизости, парк, две школы (вторая – в двухстах метрах, на бывшей Понартер).

Так что же, Янтарная комната тут, и осталось только начать раскопки? Именно так и собирается поступить одна из самостоятельных поисковых групп: обследовать территорию вокруг и под церковкой близ школы на Шиффердеккер-штрассе. Но стоп! Судя по сохранившимся деталям архитектуры, это культовое сооружение, скорее всего, принадлежало еврейской общине.

А Пауль Энке в своей книге упоминает о том, что Кох якобы указывал на захоронение Янтарной комнаты «под старой польско-римско-католической церковью в Понарте». И синагога, и кирха отпадают, если, конечно, гитлеровский чин не врал. Тогда, что же, тупик?

Но давайте походим еще немного по улицам Понарта: совсем неподалеку от кирхи XIX века есть здание, в котором с ходу не заподозришь культовое сооружение. Оно значительно «осовременено», но при внимательном изучении можно найти в его оформлении «розетки» с рельефами евангелического креста: они – по обе стороны широкого входа – остроконечные башенки по углам крыши, а в глубине двора спрятанный от глаз прохожих «хвост» здания, расположенного буквой «Г» – эта его часть украшена поверху древним орнаментом. Самое примечательное, что и церковь, и школа по соседству расположены на большом холме! А ведь эти ориентиры называла фрау Таубе, когда вспоминала, как в спешке фашисты строили бункер и прятали в нем какие-то ящики (как предполагает она – с художественными ценностями). Не тут ли надо искать бункер?

Загадка за загадкой – в истории с Янтарной комнатой все так. Видимо, в этом одна из причин той притягательной силы, которая влечет к поиску сокровища все новых и новых людей.

Авенир Овсянов

Сезам, открой дверь. Тайна Янтарной комнаты

Из газеты «Правда» 13.03.1993 г.

Какие же версии поиска Янтарной комнаты и других культурных ценностей, вывезенных из музеев СССР, заслуживают наибольшего внимания исследователей? На мой взгляд, калининградская и морская. Почему? Скорее всего, фашистам в последние месяцы войны удалось спрятать Янтарную комнату в подземельях Кенигсберга или в его окрестностях. Иначе непонятно, почему «фанатик янтаря» доктор А. Роде в дни штурма не покинул Кенигсберг и подозрительно продолжал свою странную послевоенную «поисковую» деятельность. Необходимо учитывать и то, что в январе-апреле 1945 года немецкие войска были отрезаны от путей в центральные районы Германии, полностью блокированы в городе.

Не отвергаю и «морскую» версию. Оставшиеся в живых члены экипажей и пассажиры судов «Вильгельм Густлофф», «Гойя», «Штойбен», потопленных в конце войны, утверждали, что эти суда везли в центральные районы Германии «особо охраняемые грузы».

След опять ведет в Понарт

Из газеты «Известия», 27.03.1988 г.

Еще одна версия о местонахождении Янтарной комнаты Берлин. (Соб. корр. «Известий»). Вскоре после того, как был опубликован материал «След Янтарной комнаты?» (см. «Известия» №138), из берлинского издательства «Виртшафт» мне позвонил заведующий редакцией Гюнтер Вермуш и сказал, что в его руки попало свидетельство, которое он считает весьма любопытным.

Привожу дословный перевод письма:

«Рут Дрешер, в девичестве Кётценд, 1925 года рождения, происходит из жившей в Кенигсберге рабочей семьи. Ее отец был антифашистом, в конце войны гитлеровцы его расстреляли. Она покинула Кенигсберг в конце 1944 года. В период после 1945 года Дрешер получила два взаимоподтверждающих доказательства того, что Янтарная комната осталась в Кенигсберге.

Первое: свидетельство одного польского шофера в тогдашней советской зоне оккупации. Шофер рассказал, что в начале февраля 1945 года он и пять других польских вспомогательных рабочих во дворе наполовину сгоревшего Королевского замка Кенигсберга погрузили ящики с панно Янтарной комнаты на шесть грузовиков и под охраной солдат вермахта повезли их в направлении Эльблонга. При подъезде к Эльблонгу на колонну напали советские самолеты-штурмовики и разбили один из грузовиков. Панно из разрушенных ящиков были разложены на пять других машин и колонна возвратилась в Кенигсберг. В южном предместье Кенигсберга – Понарт грузовики остановил пост зсэсовцев, ящики были сгружены на землю и перенесены в погреб находившейся поблизости пивоварни «Понартер».

Второе: свидетельство, полученное в 1987 году. Рут Дрешер тогда навестила в Киле свою подругу, которая до 1945 года работала шеф-секретарем Пруссских коллекций янтаря в Кенигсберге и город покинула лишь в 1946 году. Она полностью подтвердила сообщение польского шофера. От себя добавила то, что ей удалось вывести перед отъездом из Кенигсберга: все входы в ледник пивоварни «Понартер», где укрыта Янтарная комната, были замурованы.

Фрау Дрешер сообщила, что в Понарте были две пивоварни – «Понартер» и «Шёнбуш». Более крупной была пивоварня «Понартер»; она имела большое подземное помещение, которое использовалось как ледник. Фрау Дрешер уточняет ее местонахождение: в непосред-

ственной близости от нее находились два пруда – Хубертустайх и Шванентайх. От железнодорожной станции в Кенигсберге отходила одноколейка, которая упиралась в пивоварню «Понартер».

Прочитав книгу Пауля Энке «Сообщение о Янтарной комнате», фрау Дрешер сказала, что под пивоварней «Шёнбуш» панно искали напрасно, там их попросту не могло быть».

...Мы с Вермушем опять склонились над довоенной картой Кенигсберга. Мелкие обозначения приходилось разбирать с помощью лупы. Нашлись оба названных в письме пруда, они буквально в двух шагах от Шиф-фердеккер-штрассе, улицы, которая упоминалась в предыдущем материале в связи с возможным захоронением там Янтарной комнаты. Удивительное совпадение! Возле прудов, чуть западнее Хубертустайх, видно обозначение пивоварни «Понартер», от Шванентайх к ней протянут канал. Узкоколейку, увы, не видно. Вполне возможно, что ко времени составления карты она еще не была проложена.

Итак, еще одна версия о местонахождении Янтарной комнаты. Подтвердится ли она?

В. Ланский

След Янтарной комнаты

Из газеты «Известия» 14.05.1988 г.

Теперь о письме, полученном Вермушем от жительницы Берлина Иргмгард Таубе. Она родилась и до 14 лет жила в южном пригороде Кенигсберга Понарт. Фрау Таубе пишет, что хорошо помнит, как в конце 1944 года гитлеровцы вырыли возле польской римско-католической церкви bunker, точнее оказать, под надзором эсэсовцев его копали французские военнопленные из находившегося поблизости концлагеря. Их и раньше приводили строить бомбоубежище. Но этот bunker, крышей которому служили бревна, среди местных жителей вызывал немало домыслов и толков. Особенно после того, как в него поставили какие-то ящики. Возле bunker находилось кладбище и возвышался небольшой холм.

Как-то раз в школе появился офицер и приказал раскрыть окна. Рядом будут что-то взрывать, от взрыва могут вылететь стекла. Грохот огласил округу. На обратном пути из школы домой дети искали оставленные взрывом воронки, но их не было. Зато исчез холм возле bunker. Землю вокруг разровняли, ничто не напоминало ни о bunkerе, ни о холме. Об этом эпизоде я вспомнила, читая книгу Энке, пишет фрау Таубе, и решила рассказать о нем.

В книге Энке мы встречаем упоминание пригорода Кенигсберга Понарт. «В феврале 1987 года польская газета «Дзенник людowy», – пишет он, – сообщила о разговоре, произошедшем между ее корреспондентом и содержащимся в тюрьме Эрихом Кохом (Кох занимал высшие посты в Восточной Пруссии. После войны был схвачен, передан Польше, судим за тяжчайшие преступления против польского и советского народов, приговорен к высшей мере наказания, которая, однако, из-за его тяжелой болезни была заменена на пожизненное заключение. Скончался в тюрьме. – В. Л.). Кох сообщил, что Янтарная комната находится, якобы, под старой польской римско-католической церковью в Понарте. Бункер, дескать, был засыпан землей, чтобы замести все следы».

Сам Энке, однако, отвергал эту версию по той причине, что: «Во-первых, церковь в Понарте была евангелической, во-вторых, в 1945 году ее не взорвали и не разбомбили. Она сохранилась до 1948 года...»

К письму в издательство фрау Таубе приложила сделанную от руки схему с указанием улиц, двух школ, парка, двух церквей – евангелической и католической. Указала примерное местонахождение бункера. Из ее памяти выпало лишь название улицы, на которой бункер находился.

Вместе с Вермушем мы едем к фрау Таубе. Она живет в берлинском районе Вайсензе, в небольшой уютной квартире. Он расстелил перед фрау Таубе карту. Почти все названия в Понарте ей знакомы. Она водит пальцем по бумаге, затем по просьбе Вермута красным фломастером пунктиром отмечает путь от школы до дома, точкой указывает местонахождение бункера возле католической церкви и кладбища. Читает название улицы. Да, конечно, она называлась Шиффердеккер-штрассе! Тут неподалеку был ресторанчик, в котором нередко кутил в компании прихвостней всемогущий Эрих Кох.

– Откуда вы это знаете? – удивился я.

– Как же, – говорит она, – мой отец работал электриком и часто по работе бывал в том ресторанчике.

Кстати, замечает Вермуш, Пауль Энке в своей книге упоминает подписанный Кохом 4 марта 1945 года документ; гауляйтер негодует по поводу того, что Янтарная комната все еще не эвакуирована.

Где же она находилась в это время? Единственное, что известно: довольно долго ее выставляли для обозрения узкому кругу лиц в Прусском музее искусств, который размещался под сводами Королевского замка Кенигсберга.

И еще одна деталь, о которой хочется рассказать. Документаль-

но установлено, что один из тех, кто выполнял приказ по эвакуации Янтарной комнаты в Кенигсберге, был высокий эсэсовский чин, которого Энке в своей книге называет Рингелем (его настоящее имя, по словам Вермута, Вист). Он умер в 1947 году. Его сын Рудольф через некоторое время после смерти отца случайно в подвале под грудой угля обнаружил отцовский планшет.

Находившиеся в нем документы, приказы, донесения, план отдельных районов Кенигсберга, удостоверения, на одном из которых якобы личная подпись Гиммлера, отсырели и покрылись плесенью, но кое-что можно было разобрать. В частности, в двух радиogramмах, по словам Рудольфа, речь шла о Янтарной комнате. Скорее всего, это были приказы перевезти ее из одного места в другое. Место, куда следовало ее доставить, обозначалось буквами BSCH. В то время, решив, что эти бумаги не имеют ценности, Рудольф сжег их в печке, сообщив о них спустя несколько лет. Многие исследователи, занимавшиеся поисками Янтарной комнаты, ломали голову над этим условным обозначением. Каких только версий не выдвигали!

Заговорили о нем и в квартире фрау Таубе. Вермуш задумался: может быть, BSCH и указывают на бункер по улице Шиффердеккер-штрассе? Буква «В» означает «бункер», «SCH», немецкая буква «Ш», с нее начинается название улицы. Конечно, это лишь предположение, одно из многих, но вдруг?

Поиски Янтарной комнаты продолжаются и будут продолжаться, пишет в послесловии книги Пауль Энке, поскольку те, кто в них участвует в разных странах, убеждены, что в 1945 году она не была уничтожена. Все говорит о том, что был отдан приказ ее спрятать. Однако время уходит, и каждый живой свидетель, способный указать ее след, должен это сделать ради спасения жемчужины мировой культуры.

Янтарная комната найдена?

Газета «Московский комсомолец» 21.02.2008 г.

Немецкие археологи утверждают, что обнаружили две тонны золота недалеко от деревни Дойчнойдорф.

Об этом сообщил бургомистр деревушки, депутат бундестага Ханс-Петер Хауштайн. Как пишет die Welt, Хауштайн сам искал Янтарную комнату на протяжении десяти лет вместе с командой археологов-любителей. По сообщениям немецких СМИ, золото было найдено в пещере одного из горных массивов, расположенных недале-

ко от Дойчнойдорфа. Туда команда исследователей пока не добралась: для этого требуется время и специальная техника. Как сообщает издание Spiegel, во время поисковой операции горный массив просвечивали электромагнитными волнами, пока наконец детектор не показал, что на глубине 20 метров в этом месте находится просторное помещение, а в нем почти две тонны золота. Газета уточняет, что пещера, где были обнаружены сокровища, не натуральная, а искусственная. Между тем представитель музея ГМЗ «Царское Село» Татьяна Жаркова заявила, что в убранстве знаменитой Янтарной комнаты не было золота или других драгоценных металлов.

Содержание

Как я стала туристом	3
Зачетный поход	10
Валентин Михайлович Куликов	15
100 километров за сутки	15
Суд	17
Надо уметь ориентироваться	18
Опростоволосился	19
Беглый каторжник	22
Это случилось в походе	23
Клайпеда–Рига – ночной кошмар	23
А я парень хоть куда	25
Американские шпионы	26
Арбуз	30
Кукуруза	30
В абрикосовом саду	31
А гуси: «Га-га-га!»	32
«Только по лицу не надо!»	33
Ищем клад разбойника Кудеяра	34
Поход на Кольский полуостров, Хибины, 1964 год	38
Военная тайна	38
«Пожуём сухарики и подумаем...»	41
Приполярный Урал, 1966 год	43
Так это же моя сволочь!	43
Кольский полуостров, 1966 год	48
А вдруг взорвётся?	48
Саяны, 1972 год	50
Моя тётя на белом коне	50
Невыдуманные истории	52
Посетитель	52
Перестань смеяться!	52
Какая женщина!	52
Она на добрые слова бурно реагирует	53

Мне полковника Милашкина	54
Здесь продается славянский шкаф?	54
Телеграмма	55
До чего же она стройна!	56
Найдёныш	57
Девочка, ты танк?	59
Где наша доблестная Советская армия?	59
Бью сапогом по морде?	60
К ланям	60
Три буквы	62
А я не боюсь	63
Сублимат	64
Белая машина	67
Не дадут колбаски купить	69
В КГБ не шутят	71
Отриконенные ботинки	75
Откуда вы это можете знать?	75
Пусть намагнитит его обратно!	76
Озеро Подкова	77
Сколько стоит билет до «Это было под Ровно»?	79
Мухоморовка	80
Волчьи тундры	82
Сказка	84
«Сначала они пищали, а потом почему-то пищать перестали...»	85
А потом она локти себе кусала	86
«Захочу – костер на заднем сидении разведу...»	87
Чернышевский и Белинский	88
Хальмер-Ю	91
Из походных дневников	92
Говорят посетители Туркабинета	94
Мне вспоминается... ..	95
Виль Фунтиков	95
В Таманской дивизии	96
Коля Нишатов	97
Юра Константинов	100

Володя Мишин	103
Саша Чепурнов	104
Марина Карагодина	105
Саша Анисимов	105
По пути 85-го комсомольского минометного Ордена Красного Знамени Двинского полка	106
Начало поиска	106
Куда пойдём?	111
На маршруте	114
Город Калач	119
Тикайте, хлопчики! Тикайте! Танки идут!	120
Не может такого быть!	123
Тихий ужас на Тихом Дону	124
Завтракаем у лётчиков, обедаем у десантников	126
Из отчетов о походах	129
Поход по Калининградской области (бывшей Восточной Пруссии), 1961 год	129
Поход в Карпаты, 1962 год	143
Поход по Алтаю, 1967 год	153
Тайна Янтарной комнаты (по следам публикаций)	162